

Итак, 14 февраля состоялось любимое нами событие, Фестиваль ледолазания «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ. ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ-2010». Как всегда, была организационная суета, подогревавшаяся разными решениями о переносе даты разгрома ледового городка, распространяемыми СМИ слухами о переносе заявленного на всю Россию мероприятия. К счастью, благодаря усилиям главного редактора «Уральского следопыта» Максима Фирсова сроки были соблюдены. Долго выбирали, где ставить трассы, хотя выбора не было. Такое впечатление, что строители ледового городка с каждым годом всё больше и больше заботятся о нашей безопасности, уменьшая высоту объектов соцкультбыта, что делает постановку всё более трудной.

Пользуясь случаем, прошу строителей и проектировщиков учесть уже пожелания спортсменов, создать конструкцию метров в 12 в высоту, и главное, надёжно.

В этом году ставить трассу нам помогали лучшие постановщики России, ставившие трассы Кубка Мира. Хихикали они много.

С 10:00 ледовую стену городка в рамках конкурса ЛЕДОВОЕ ГРАФФИТИ принялись разрисовывать ребята от 12 до 17 лет. Заявились к участию Карпеев Денис, Сафаев Антон, Ташкенов Марат, Фатеев Владислав, Чередниковы Андрей и Наталья. Ранее никто из них не пробовал рисовать на столь непривычной поверхности. Как и ожидалось, краска не желала ложиться на лед, а когда баллон с краской остывал ниже 10 градусов, вовсе отказывался брызгать. Приходилось отогревать в помещении и вновь выходить на мороз. Для художников это был настоящий экстрим: и рисовать можно, и краску организаторы сами дали, и зрителей вокруг полно, а задуманное не ложится, скатывается по льду. Получилось жизнеутрачено! К 14:00 стена переливалась радугой. Думается, в следующем году участники проанализируют особенности зимнего граффити и сделают поправки на температуру, поверхность и внимание со стороны зрителей.

Где-то в 13:30 начали подходить участники. Их было много. Регистрация затянулась, она завершилась

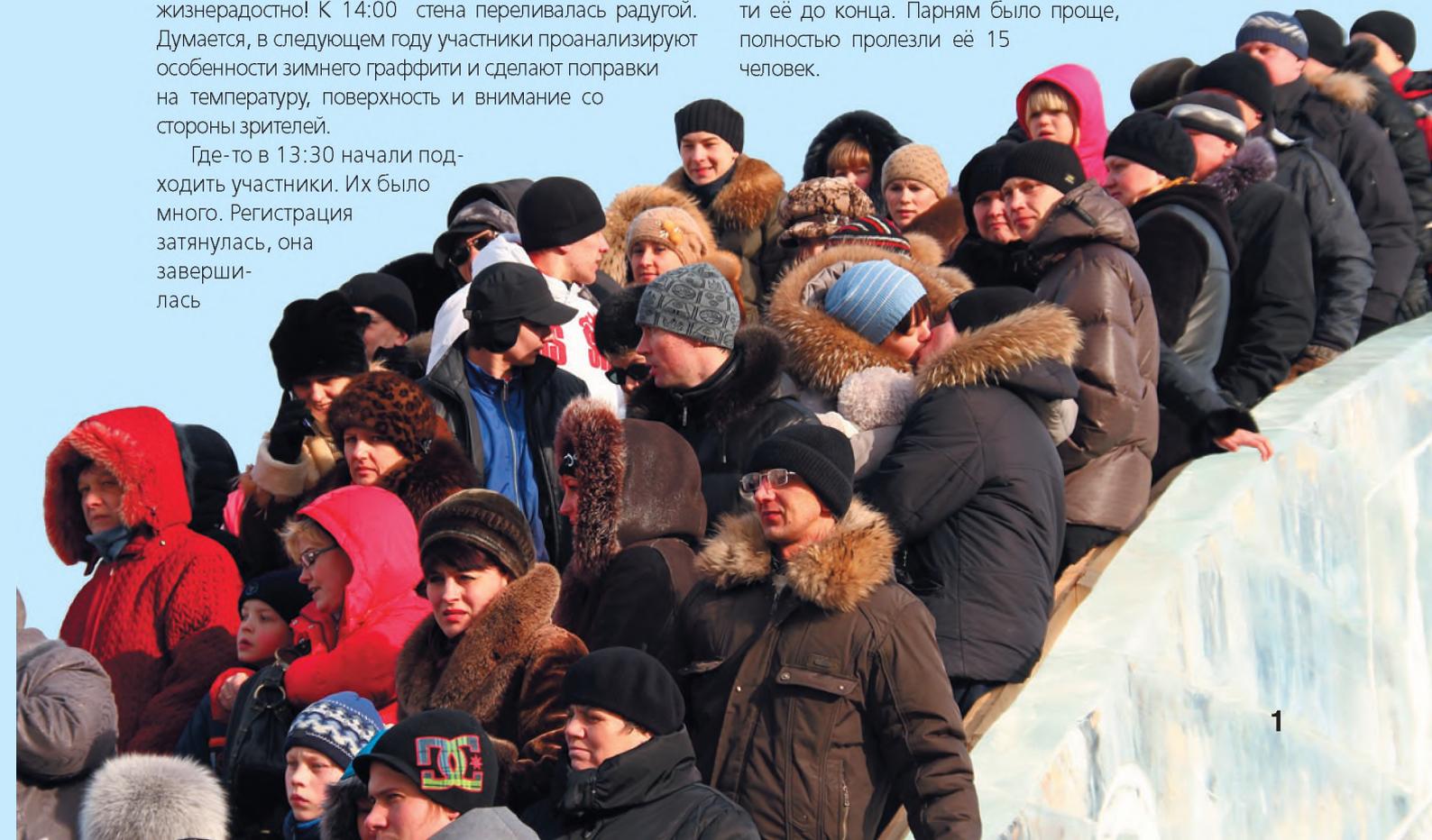

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

перед стартом последнего участника.

Трасса нравилась не всем. Некоторые участники высокого роста вспоминали детские комплексы постановщиков и организаторов, без отрыва от прохождения трассы. Хотя вспоминать нужно было строителей городка, ибо высота объектов – их дело.

Было всё: и задор, и радость, и спортивная злость. Для девушек трасса квалификации оказалась почти непреодолимой, всего одна участница смогла пройти её до конца. Парням было проще, полностью пролезли её 15 человек.

Тем временем на городском пруду проходил ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ среди рыбаков. Соревнования по зимней мормышке начались в 12:00. 68 спортсменов по сигналу отправились на ограниченную зону водоема между Храмом-на-крови, резиденцией губернатора Свердловской области и аппаратом полномочного представителя Президента в Уральском федеральном округе. И завершилось! Коловороты

быстро пронзали лед лунками, ведь использовать по очереди их можно несколько. Три часа соревнований выявили лидера с уловом 725 грамм. поймана на мормышку была небольшая щучка, а вот судака, как утверждают участники, в лунку вынуть не удалось, сошел. В центре Екатеринбурга состоялись спортсмены Каменска-Уральского, Асбеста, Челябинска.

УРАЛ Спорт Туризм Отдых

межрегиональная
специализированная
выставка

18-20 марта 2010

Екатеринбург
ГРВЦ, Громова, 145
тел: (343)379-04-28
www.in-expo.ru

IN EXPO

Самым уловистым оказался Радик Закиров с весом пойманной рыбы 725 грамм, а его сын – самым молодым спортсменом ЛЕДОВОГО ШТУРМА. Второе место у Артема Зуева (505 г), а третье – у Алексея Волегова (449 г).

Среди команд победителем судьями была признана «Солянка 5» – Закиров Радик, Закиров Роман, Яшков Павел, второе место у «Солянки 7» – Ру-

синов Сергей, Белошейкин Павел, Волегов Алексей, и третье у «Хантер» – Тюшняков Олег, Зуев Артём, Лепинских Артём.

«Уральский следопыт» поздравляет победителей турнира и вручает памятные медали, кубки и призы! Обращает на себя внимание, что некоторые спортсмены оказались владельцами нескольких кубков за разные дисциплины.

АДРЕНАЛИН -action

21-24 апреля 2010

ОХОТА, РЫБАЛКА

VII межрегиональная выставка-ярмарка

снаряжение, экипировка; оружие, аксессуары; приборы, оборудование; техника, транспорт; сырьё и оборудование для производства спец. товаров; таксидермия, сувениры; фото- и видеоохота; целевой туризм, отдых; аудио, видео, печатная продукция.

EXTREME - СПОРТ, ТУРИЗМ

IX межрегиональная выставка-ярмарка

федерации и клубы; спортивные сооружения; инвентарь и оборудование; одежда, обувь; услуги; оздоровительные практики; экстремальные виды спорта и отдыха;

АНОМАЛИСТИКА

спецпроект 3

НЛО; полтергейст; необычные формы жизни; пространственно-временные аномалии; биоинформационный обмен в природе

- При поддержке:
- Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области
 - Министерства природных ресурсов Свердловской области
 - Управление по развитию физической культуры, спорта и туризма Администрации города Екатеринбурга
 - Департамента по охране, контролю, регулированию и использованию животного мира Свердловской области
 - Союза охотников и рыболовов Свердловской области
 - Уральской ассоциации туризма
 - Ассоциации экстремальных видов спорта Урала
 - Международной неправительственной организации «Ecopolitics»
 - Уральского координационного совета по аномальным явлениям

В программе:

Конференция: Активный и экстремальный туризм на Урале.
 Организаторы: Министерство физкультуры, спорта и туризма Свердловской области, Институт физической культуры, социального сервиса и туризма (УГТУ-УПИ)

ТОК-ШОУ: «Природно-космические аномалии. Уральский феномен-2010г.»
 Организаторы: Международная общественная научно-исследовательская организация «Космополис», Российская ассоциация «Экология Непознанного», Уральский координационный совет по аномальным явлениям.

КОСК «Россия» www.kosk.ru
 620072, Екатеринбург, ул.Высоцкого, 14,
expopsa@kosk.ru, expoman@kosk.ru
 (343) 347-48-08, 347-64-20, 222-63-73

Потом был сюрприз от организаторов, парная гонка с выбыванием, которая называлась «Сбежка». Вот где был всплеск чувств и настроений! Неслись навстречу друг другу, аки пушечные ядра, как плюс и минус, как Тесей и Минотавр или Добрыня и Змей из одноименного мультика, наконец; притом что они были поделены по половому признаку и на старте друг друга не видели. Гонка происходила на предварительно разрисованной, хоть и с другой стороны, художниками-граффити стенке лабиринта (да, Тесей и Минотавр ближе к теме).

Финал, прошел в напряженнейшей борьбе, участники едва не разрушили часть ледового городка, невзирая на все мольбы об аккуратности, не явил никаких сюрпризов в итоге.

Отдельное восхищение Свете Останиной, которая из года в год занимает 2 место, показывая постоянно высокий класс ледолазания.

При поддержке:

Министерства молодежной политики, спорта и туризма Республики Башкортостан
Министерства здравоохранения Республики Башкортостан

При содействии:

Министерства образования Республики Башкортостан
Торгово-промышленной палаты РБ
Туристской фирмы «Крекс»

10-я Межрегиональная специализированная выставка

” ТУРИЗМ. СПОРТ. ОТДЫХ ”
” ЗДРАВНИЦЫ РОССИИ ”

Уфа 2010
6 – 8
апреля

специализированная выставка туристских маршрутов,
спортивного инвентаря, товаров для отдыха и развлечений,
ярмарка санаторно-курортных путевок.

Тел./факс: (347) 256-51-80, 256-51-86
e-mail: tour@bashexpo.ru, info@bashexpo.ru

апрель 2010

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Проекты «Уральского следопыта»

С. СМОЛКИН	Ледовый штурм – три состязания	2 пол. обл.
Народ, живший когда-то в горах Урала		
А. СЛЕПУХИН	От лука до «мелкашки».....	6
Н. БЕРДЮГИНА	Состязания	
Т. КИСЕЛЕВА	Слет «Европа – Азия»	1 0
Версия		
Д. ТИУНОВ	Они не могли действовать иначе	1 4

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Координаты чудес

С. АЛХУТОВ	Мертвец и труп	34
Координаты чудес		
Е. ГАМАЮНОВ	Двуручный зонт за спиной.....	39
Законы Вселенной		
А. ЛОГИНОВ	Корректор на связи.....	42

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России (продолжение).....	69
Далекое – близкое		
О. ОЖГИБЕСОВА	У бога случайностей не бывает	45
Клуб собирателей		
В. ТРУСОВ	Памяти Григория Бахчиванджи.....	50
Литературное краеведение		
А. КОНДОР	Сокровище Тамурии (продолжение).....	52
Знаменитости в Екатеринбурге		
И. ГЛАДКОВА	Иван Иванович и датский дядя	66
Юбилей		
Ю. ГОРБУНОВ	Под флагом командора Беринга.....	70
Камни Урала		
В. АВДОНИН	Золото – удивительный дар Вселенной планете Земля.	73
Человек и природа		
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН	Любимый наш сорняк	3 пол. обл.

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов,
Б.А. Долинго

Худ. редактор, верстка – М. Ю. Шафикова

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Т. В. Сергеев.

Рекламная служба –

com@uralstalker.com

Интернет – Е. Марков

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель – общественная организация
«Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.
- Виктор Байдуков

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, вы-
дано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом
на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются от-
печатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30
строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть
подписана автором. Обязательно прилагать информацию об
авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую
очередь рассматриваются рукописи, дополненные электрон-
ной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за
предоставление материалов и иллюстраций, обремененных
правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправ-
лении электронных сообщений обязательно заполнять поле
ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается
только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского
следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,
подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-
чать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА»
в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Розничная продажа:

– в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

– в магазине «100 000 книг»

– в Почтовых отделениях Свердловской области

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

ОТ ЛУКА ДО «МЕЛКАШКИ»

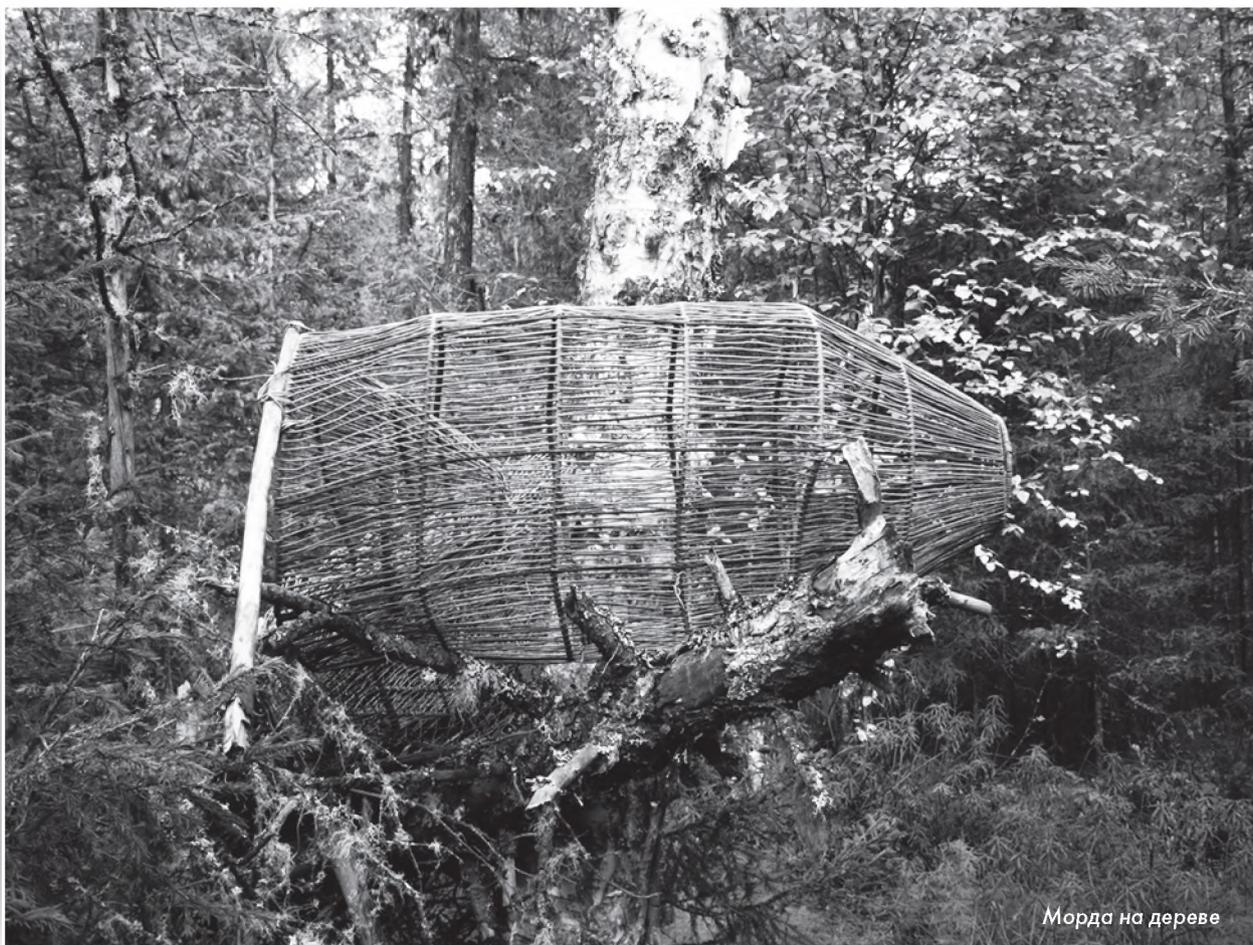
Охотники у всех народов были людьми практичными и изобретательными. Глядя на каменные и костяные орудия, удивляешься, какого мастерства необходимо было добиться, чтобы изготавливать их из булыжников – сначала примитивные, а затем и более совершенные. И лишь спустя много времени были найдены более изощрённые методы охоты и ловли.

Уральские манси всегда были великолепными промысловиками, сумев сохранить в себе черты предков-кочевников с юга и предков – таёжных охотников с Уральских гор. Веками совершенствовали они орудия для охоты. Правда, были вынуждены подстраиваться под время и пришлых людей.

Долгое время манси не использовали огнестрельного оружия, обходясь на охоте луками, стрелами, хитроумными ловушками. Несмотря на то, что их культура формировалась в тайге, манси-вогулы добились серьёзных успехов в создании как военных доспехов, так и охотничьего оружия. Их луки и стрелы совершенствовались не одно поколение. Так со временем луки

стали собирать из нескольких частей и определённой породы древесины, склеивать рыбным клеем. И луки у манси, в конце концов, получались добротные и надёжные. С ними охотники ходили и на крупного зверя, и на мелкого. Ещё в XV веке мансийские стрелы с прорезными наконечниками вызывали своим характерным свистом ужас даже у русских ратников.

Но время шло. С проникновением на Урал русскоязычного населения у манси стали появляться ружья. Они сослужили добрую службу лесным охотникам, а луки и стрелы остались в основном в ритуальной практике. Правда, и ныне в потаённых уголках некоторых мансийских домов хранятся стрелы с коваными наконечниками, напоминая о том, что прародителями части мансийского народа были богатыри! Но и старинные ружья стали исчезать также незаметно, как и весь прежний вогульский мир. Хотя ещё в конце XX столетия в некоторых домах можно было найти экземпляр кремневого ружья – как память об ушедших славных охотниках-вогулах.

Морда на дереве

Сейчас все мы ходим в лес с современными ружьями. А вот у манси их нет: им не на что купить новое и дорогое ружьё. Читая отчёты и записки двадцатых-тридцатых годов, узнаешь, что манси всегда были чрезвычайно зависимы от снабжения порохом, патронами и прочими охотничьими припасами. Даже вспоминали, что в царское время купцы все это привозили им вовремя.

Позднее ситуация изменилась – снабжение стало регулярным. Манси даже стали входить в колхозы. Один из них – колхоз «Красный туземец» – был исключительно охотничьим. Включал 15 хозяйств из тех поселений, которые исследует наша «команда» – Массавы, Вершины, Оуса. Но поскольку колхоз был «на отшибе», спрос с него был невелик. Да и оленей в хозяйстве было всего лишь восемь штук (на конец 1935 года)! Остальные коллективные хозяйства, например, имени Карпинского, либо специализировались на сельском хозяйстве, либо были полукочевыми.

Это не значит, что манси не охотились. Наоборот, среди них были добытчики отличной пушнины, сдававшие ее в больших количествах. Жизнь лесных охотников стала налаживаться. Манси относительно добросовестно добывали мясо и пушнину, а государство снабжало их всем необходимым.

Но помешала война. И снова необходимо было выходить из ситуации, сдавать мясо и рыбу в огромных количествах: фронт нуждался в продуктах питания. Рыбу и мясо заготавливали в бочках; в них же самолетами через Ивдель отправляли на Большую Землю.

Новое время манси встретили со старыми ружьями и с иным подходом к пушнине, которая сейчас обесценилась. Государству и частным лицам не выгодно стала охота манси на пушного зверя, и они со временем теряли охотничьи навыки, разучивались выделывать шкурки.

Зимой 2005 года во время V мансийской экспедиции мы столкнулись с характерным фактом. Один из наших информаторов – Анна Кирилловна Хандыбина (в девичестве Курикова) – получила заказ на выделку шкур ондатры. При этом оказалось, что эта пожилая женщина (ей шел восьмой десяток) остаётся одной из последних манси, умеющих выделывать шкурки!

К тому же у манси Свердловской области нет оленей. Нет совсем. А потому ушел и традиционный уклад жизни – некого да уже и некому каслать (пасти) оленей на Урале. Старики, те, кто умел это делать и что-то ещё помнил из прошлого, умирают. А передать опыт некому. Раз не стало оленей – исчезли шкуры, кости, сухожилия, в общем, не стало материала, из которого можно было что-то мастерить. И это не только губительно сказывается на традиционном укладе жизни, питании, занятиях – это кардинально меняет всю жизнь современного лесного народа.

Но все равно манси остаются охотниками «от бога». Даже в современных условиях. Взять Никиту Владимировича Бахтиярова, зятя Николая Алексеевича Пакина, чьи сыновья до сих пор проживают на реке

Ботало

Пома. Никита Владимирович был известен своими «медвежьими» успехами – за свою жизнь добыл более сорока медведей. К нему на охоту и учебу приезжали разные люди: военные, чиновники, да и просто любители – начальство всякого рода. Подчас и законы вынуждали нарушать. Супруга его Акулина Алексеевна Пакина тоже добывала зверя. Сохранилась старая фотография, на которой она снята возле туши добытого ею хозяина леса. Та же Анна Кирилловна Хандыбина ходила на охоту, пока глаза видели. Такие вот они, мансийские женщины!

Передо мной несколько старых фотографий, которые хорошо иллюстрируют рассказы и путевые записки давних исследователей, общавшихся с мансийскими охотниками. Сейчас подобные фотографии найти очень непросто. Но только они подчас сохраняют черты и признаки старинного труда и быта мансийских промысловиков.

Вот фото охотника, настраивающего самострел. Вогулы давно подметили, что лоси и олени с трудом перепрыгивают изгороди и любые подобные препятствия, предпочитая их обойти. Что-то в них мешало и сбивало с толку копытных. Вот этим-то и воспользовались хитрые и практичные манси. В конце изгороди они, как правило, и устанавливали мощные самострелы. Причём по описаниям и заверениям опытных лесных охотников эти самострелы обладали такой силой,

Анна Кирилловна показывает

Пётр Андреевич Хандыбин за работой

что выпущенные из них стрелы пробивали грудную клетку зверя. Это страшное оружие и успел зафиксировать один из исследователей.

Я не раз «пытал» стариков манси, стараясь узнать, давно ли они видели последние самострелы. Пожилые охотники, усмехаясь, говорили: «Да нет. Их давно уже не ставят. Я видел только в детстве...». И лишь дед Дима Мульмин сказал, что видел в окрестностях Пельма несколько полусгнивших самострелов. Правда, задумавшись, добавил: «Давно... Не найти сейчас...».

Самострелы исчезли в прошлом, сгнивая и распадаясь на части в глухомани уральской тайги. Но манси на охоту продолжают ходить. Порой даже с «мелкашкой». «А другого у нас нет, – признавался мне дед Петя Хандыбин, когда ещё был жив. – Это у вас хорошие ружья, а у меня осталось только такое...».

Жизнь сильно меняет старых и молодых мансийцев. Пришлые люди вносят в их жизнь свои «законы». В январе 2004 года мы оказались свидетелями ситуации, когда двое русских (во всяком случае, не манси) мужиков в вахтовке, в которой мы ехали из Вижая в Бурмантово, выманили у манси за бутылку водки заднюю ногу лося. То есть пятьдесят килограмм мяса за смешные шестьдесят-восемьдесят рублей! И такое сейчас в порядке вещей!

А каково лесному жителю добыть сегодня лося! Меняется климат, снега выпадает гораздо меньше, и зверь мигрирует вдоль уральского хребта, ища удобные места для зимовки и проходы в горах. Сто лет назад было совсем по-другому.

В начале прошлого века 13-летний подросток манси Филипп, по прозвищу Пилька, сын известно-

го охотника Даниила Чекатова, по насту сам добыл 13 лосей. Этот факт подметил уездный врач, исследователь коренных народов Севера и сам страстный охотник Эмиль Марианович Сенкевич. Правда, тогда Пильке повезло. Наст резал ноги лосям, и они сбились в кучу в одном месте...

Современная ситуация стала двоякой. С одной стороны, манси вынуждены добывать зверя, чтобы как-то прокормиться. Но для этого нужны современные ружья. Ведь охотники из мегаполисов, приезжающие на промысел, оснащены нарезными ружьями и прочим новейшим снаряжением. Оттого и возможностей для добычи зверя у «варягов» гораздо больше. Значит, манси приходится нарушать законы, чтобы добиться успеха.

С другой стороны, и сами пришлые редко соблюдают охотничьи правила. Получается, что и те, и другие браконьеры. Только по разным причинам. На бумаге у манси есть свои охотничьи угодья, но на них зарится масса народа. Возникает жестокая конкуренция и совсем не в пользу коренного народа.

Кроме огнестрельного оружия, манси кое-где ещё по старинке применяют слопцы – ловушки-давилки. Хотя они рассчитаны, в основном, на птицу, иногда кое-какой зверёк из кунных в них забредает. Правда, всё меньше и деревянных ловушек. Мне известно только несколько слопцов в рабочем состоянии; их меньше десятка осталось в северной уральской тайге.

Недавно возле одной мансийской тропы, по которой сейчас ходят туристы, я нашёл несколько старых капканов на кидуса – помесь соболя и местной куньцы. Но ими давно уже никто не пользовался – капканы заржавели, дерево прогнило...

Рыбалка, как и в прежние годы, остаётся традиционной добычей и смыслом жизни у манси. Когда-то они изготавливали огромные ловушки-гимги, в которые набивалось рыбы видимо-невидимо. На Оби и её крупных притоках даже устанавливали гимги длиной 5 – 6 метров (а высотой в 2 – 3 человеческих роста) – такая была рыбалка. В Русском этнографическом музее сохранилось несколько фотографий начала двадцатого века, запечатлевших рыбаков с такими огромными ловушками. И в нашем фотоархиве, насчитывающем полторы тысячи фотографий разных лет, есть уникальные кадры, на которых видно, как устанавливались длиннющие запоры (изгороди на реке) через широкую гладь Пельыма, оставляя небольшое отверстие для прохода рыбы, где и устанавливались подобные ловушки. Порой практичные манси устанавливали двойную изгородь-запор, внутри которой плавала всегда свежая рыба. Очень удобно: живая рыба прямо под рукой!

И хотя фотографии эти часто слегка смазаны, скромны в размерах, да и качество не то, ценность их велика – на них запечатлён уникальный мир исчезающего народа.

В истории народа манси есть эпизод, связанный с проблемой равенства и с запретной территорией для ловли рыбы. В незапамятные времена шаманы одну из северных рек объявили священной, назвав её Ялпынг-я (священная река). Даже подходить к ней простым смертным манси было нельзя! Рыба чувствовала себя в этой «заповедной реке» великолепно. Её никто не тревожил, только сами шаманы позволя-

ли себе ловить в ней рыбку втайне от всех. Рыбалка была знатная! Получился этаким шаманский рыбный заказник. Для избранных. В советское время судьба последнего шамана с Ялпынг-я оказалась трагичной – он был «наказан» за столь неравноправные действия, впоследствии сгинув куда-то (история умалчивает об этом!). А рыбу в реке стали ловить все. Но спустя время и там её не стало.

Что же сейчас с рыбалкой на севере? Стало модным у горожан ездить на север за «экстримом» Ловить кайф! Если раньше рыбу ловили сетями, выбирая только крупные экземпляры, то сейчас не гнушаются ничем. Да и сети уже не актуальны – мала добыча! На смену пришло орудие помощнее – электроудочка. От неё эффект большой, но и вреда масса: рыба становится дурной, как говорят в народе, контуженной. Не размножается и в привычные места (небольшие притоки крупных северных рек) не идёт.

Летом то и дело сталкиваемся с браконьерскими «результатами»: то в арендованной нами с «хребта» вахтовке вместе с нашей туристской группой вывозят банки с хариусом, то находишь следы браконьерских стоянок... Да мало ли подобного в тайге!

А группы, которые мы сплавляем по северным рекам с целью настоящей рыбалки, с каждым годом всё меньше и меньше могут похвастаться своими уловами. В прошлом сезоне и знакомые мне рыбаки, и местные жители выловили совсем мало рыбы, а этим летом рыбы почти не было. Ни в Лозьве, ни в Сосьве, ни в Пельыме. Всё резко меняется.

Вот только к чему это всё приведёт?

Невод

Татьяна КИСЕЛЕВА
Фото предоставлено автором

СЛЕТ «ЕВРОПА – АЗИЯ»

Вот и еще один традиционный слет туристов-лыжников на границе Европы и Азии прошел в Екатеринбурге. В 2011 году мы будем проводить его уже в 60-й раз, и как он пройдет, будет зависеть от нас. Историю слета можно разделить на несколько периодов, которые сильно отличались друг от друга.

Вначале это была встреча студентов нескольких вузов, которые договорились встретиться у столба «Европа – Азия» около г. Первоуральска после совершения лыжных походов по Уралу и поделиться опытом развития туризма в своих регионах. Чтобы встреча была дружеской и неформальной, были организованы туристские соревнования между группами, различные конкурсы, обмен адресами, новыми песнями и планами на будущее. Инициатором первой, а также нескольких последующих встреч была доцент Свердловского государственного педагогического института Раиса Борисовна Рубель.

Состязания

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Затем инициативу организации таких слетов взяло на себя Туристско-экскурсионное управление Свердловской области, в дальнейшем переименованное в Свердловский областной совет по туризму и экскурсиям. В шестидесятые годы бурно начало развиваться ориентирование на местности как отдельный вид спорта. Основными участниками слета стали спортсмены-ориентировщики, которые приезжали в Свердловск со всех уголков Советского Союза. А туристы продолжали соревноваться на территории турба-

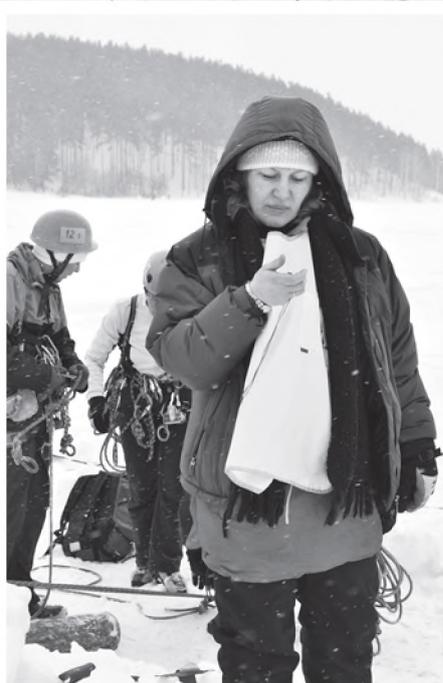
зы «Хрустальная» в соревнованиях на этапах типа «бег в мешках», «кидание рюкзака в цель», «движение по буму», «установка палатки» и пр. И так продолжалось до 1978 года, когда спортивное ориентирование как вид спорта из системы советов по туризму перешло в систему спорткомитетов.

В 1979 году Петром Ивановичем Лукояновым, председателем Центральной лыжной комиссии, были разработаны первые Правила судейства соревнований по лыжному туризму. И первый Всероссийский

Уральский следопыт, апрель 2010

слет туристов-лыжников был проведен в Свердловске в середине февраля. Общественный туристский актив Свердловской области приложил немало усилий для того, чтобы соревнования прошли на хорошем уровне. Но как быть со слетом «Европа – Азия»? Сил и времени уже почти не оставалось, но не провести слет было невозможно, нарушилась бы традиция. Было принято решение проводить слет, несмотря ни на что. Главным судьей слета была назначена Ольга Александровна Александрова. Фактически за две недели были подготовлены дистанции, приглашены судьи из городов области, подготовлена турбаза «Хрустальная». Слет был проведен «на ура!».

В конце 1989 года официально родился новый вид спорта – туристское многоборье

с включением во Всесоюзную единую спортивную классификацию со своими разрядами и званиями. Слету сразу был придан статус всесоюзного мероприятия.

В начале 90-х годов – новый период в развитии слета. С одной стороны, развал СССР, с другой – отсутствие финансирования практически все туристских клубов в области, за исключением нескольких в городах Екатеринбурге, Серове, Асбесте, Каменске-Уральском. И опять вопрос: как быть со слетом? Традицию нарушать нельзя, поэтому слет 1992 года

был проведен в полевых условиях в палатках в районе Соколиного камня на Северке. Участвовало 13 команд из Свердловской и Челябинской областей. Дальние гости просто не имели физической и финансовой возможности к нам приехать. Трудности закаляют. В это время совершенствовались Правила проведения соревнований по туризму. После завершения спортивной карьеры членом сборной команды области Виталием Викто-

Состязания

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ровичем Теплоуховым было разработано «Руководство для судей и участников соревнований по технике пешеходного и лыжного туризма», которым до сих пор пользуются при судействе соревнований.

В 1996 году городской туристский клуб г. Екатеринбурга получил статус муниципального и первое, что было сделано, это включение в календарный план спортивно-массовых мероприятий города и области традиционного слета туристов-лыжников на границе Европы и Азии. В этом же году в рамках слета был впервые проведен чемпионат России по туристскому многоборью на лыжных дистанциях. И началось... Усложнялись дистанции, появилось новое снаряжение, возможности которого позволяли выполнять более сложные элементы техники, появилось разделение дистанций на классы: чем класс выше, тем дистанции сложнее и т.д., и т.д., и т.д.

В 59-м традиционном слете туристов-лыжников приняли участие 18 команд из шести регионов России: республики Марий-Эл, Кемеровской, Тюменской, Челябинской, Свердловской областей, Ханты-Мансийского автономного округа. На открытии гостей слета приветствовали могучие богатыри из Киевской Руси и батыры из центра Азии. Приветственное слово

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

сказал заместитель министра по физической культуре и спорту Свердловской области Константин Геннадьевич Брыляков, прозвучал гимн России и начались спортивные будни. Два дня команды соревновались между собой на склонах Уктусских гор в туристской технике, в конкурсной программе, в соревнованиях по тактике. Естественно, были и победители слета, и побежденные. Но, как всегда, победила дружба. И это главное.

Дмитрий ТИУНОВ
Фото предоставлено автором

Они не могли действовать иначе...

Фото 1959 года. Группа Игоря Дятлова на маршруте

ЧАСТНЫЕ КОММЕНТАРИИ К ДНЕВНИКУ ГРУППЫ

Попробуем еще раз внимательно перечитать те строки, которые были написаны туристами уже после выхода на маршрут от заброшенного поселка «Второй Северный».

С 28 по 31 января 1959 года групповой дневник писали трое: Тибо-Бриньоль, Дятлов и Колмогорова:

28 января, пишет Тибо-Бриньоль:

Погода нам улыбается – 8 градусов. Жаль расставаться с Юдиным, но...

Собирались долго: мазали лыжи, подгоняли крепления. Вышли в 11.45. Идем вверх по Лозье. Местами наледь. Часто приходится останавливаться.

Тиунов Дмитрий Владимирович – мастер спорта международного класса по туризму, капитан спортивной команды «Север» (г. Екатеринбург), председатель маршрутно-квалификационной комиссии Свердловской области.

В 5.30 – привал. Сегодня – первая ночевка в палатке. Ребята возятся с печкой. Ужин. Потом долго отдыхаем у костра. Зина под руководством Рустема пытается играть на мандолине. Снова дискуссия. Конечно про любовь. Влезаем в палатку.

Подвешенная печка пышет жаром...

29 января, пишет Тибо-Бриньоль:

Второй день на лыжах. Идем к ночевке на р. Ауспию по тропе манси.

30 января, пишет Дятлов:

Сегодня – третья холодная ночевка на берегу. Печка – великое дело.

После завтрака идем по Ауспии, опять наледи... Встречаем стоянку манси. Погода: днем – 13, вечером – 26. Резкий перепад. Ветер сильный, юго-западный.

Оленья тропа кончилась. Глубина снега до 120 см. Лес редееет. Пошли березки и сосенки карликовые, уродливые. Чувствуется высота. Дело к вечеру. Ищем место для бивуака. Быстро развели костер и поставили палатку.

Тот же день, пишет Колмогорова:

Похолодало. Дежурные (С. Колеватов и К. Тибо) долго разводили костер. Вылезать из палатки неохота. Около 9.30 – пассивный подъем...

А погода! Солнце так и играет. Идем, как и вчера, по мансийской тропе. Иногда замечаем на деревьях зарубки, затески – мансийская «письменность». Вообще много всяких непонятных, таинственных знаков. Возникает идея дать название нашему походу – «В стране таинственных знаков».

Тропа выходит на берег. Теряем след. Ломимся по лесу. Но вскоре снова сворачиваем на реку – по ней идти легче.

Около 2 часов – обед: корейка, горсть сухарей, сахар, чеснок, кофе.

Настроение хорошее.

В пять часов – остановка на ночлег. Долго подбিরали место. Вернулись метров на 200 назад. Сухостой, высокие ели. Тут же – костер! Коля Тибо переоделся. Начинает спорить с Колеватовым, кому из них зашивать палатку. Но потом берет иголку сам.

У Саши Колеватова сегодня день рождения. Поздравляем, дарим мандарин. Он тут же делит его на 8 долек...

31 января, пишет Дятлов:

Идем по старому лыжному следу манси. Видимо, оставив оленей, дальше он ходил на лыжах. След виден плохо, часто сбиваемся. Проходим за час 1,5 – 2 км.

Постепенно удаляемся от Ауспии. Подъем плавный. Кончились ели, пошел редкий березняк. Вот и граница леса. Наст. Место голое. Нужно выбирать ночлег. Спускаемся на юг – в долину Ауспии. Это, видимо, самое снеговое место. Усталые принялись за устройство ночлега. Дров мало. Костер развели на бревнах, рыть яму неохота. Ужинаем в палатке. Тепло...

Никаких других дневниковых записей в материалах следствия нет. Впрочем, очень хорошо, что в уголовном деле вообще сохранились хотя бы эти скудные строки, ведь иначе в нашем рас-

поряжении не было бы даже и такой информации.

Правда, похоже, что в том далеком 1959-м через руки следователя Льва Иванова прошли и какие-то другие никому неизвестные материа-

лы. Так, если мы попробуем еще раз внимательно перечитать хорошо знакомый текст постановления о прекращении уголовного дела, то без труда обнаружим там весьма любопытные моменты. Например, следующее:

«...Из дневниковых записей, кроков маршрута и проявленных фотопленок туристов усматривается, что... 31.1.59 туристы вышли к реке Ауспии и пытались перевалом пройти к долине р. Лозьвы, однако из-за низкой температуры и сильного ветра они вынуждены были вернуться вниз и остановились на ночлег. 1.2.59 г. в верховьях р. Ауспии туристы соорудили лабаз, в котором оставили запас продуктов и все излишнее снаряжение...»

Лично я готов согласиться, что расположение лабаза Игорь Дятлов действительно мог обозначить на каких-то своих картах или кро-

ках, хотя мне это кажется крайне сомнительным. Дело в том, что в походе руководитель обычно отмечает на своей маршрутной карте

только точку очередного ночлега, хотя даже и это делает далеко не каждый руководитель и далеко не всегда.

Да и для кого все это обозначать - для самого себя? А зачем?

Но дело вовсе даже не в лабазе, хотя про него в дневнике группы и не сказано ни единого слова. Ведь поисковикам действительно было достаточно даже беглого осмотра палатки, чтобы догадаться, что часть свое-

го груза туристы оставили где-то в верховьях Ауспии. Кроме того, какие-то записи на этот счет могли быть внесены и в маршрутную книжку. Однако можно перечитывать дневниковую запись Игоря Дятлова от 31.01.59 хоть тысячу раз, но никаких упоминаний о попытках прохождения пере-

вала, о низкой температуре или о сильном ветре мы там никогда не найдем.

Так откуда же тогда в документах следствия появились такие однозначные утверждения?

Но ведь в тексте постановления о прекращении дела есть и другие несуразности:

«...Возвратившись 31.1.59 г. в долину р. Ауспии и зная о трудных условиях рельефа высоты «1079», куда предполагалось восхождение, Дятлов допустил грубую ошибку, выразившуюся в том, что группа начала восхождение 1.2.59 г. только в 15-00...»

Помилуйте, о каких «трудных условиях рельефа высоты 1079» здесь говорится?

Могу засвидетельствовать: вершина горы Холатчахль (1079 м) значительно проще как минимум нескольких десятков других вершин Северного Урала.

Зимой 1974 года не слишком быстрый подъем на нее и обратный спуск до границы леса в долине Ауспии занял у нашей команды не более трех часов! Никаких трудных условий там не было и в помине, а простой путь к вершине проходил по самым обычным снежно-осыпным склонам средней крутизны. Если же мы всерьез будем говорить о «сложном рельефе» горы Холатчахль, то тогда массивы Денежкина Камня, Конжака, Тулыма или Ишерима вообще придется считать почти непроходимыми.

И еще: откуда вообще взялись эти сведения о восхождении на Холатчахль? Конечно, какие-то записи вполне могли быть сделаны и в маршрутной книжке.

Но ведь ни участники поисков, ни туристы УПИ тех лет ничего не говорили о том, что группа Игоря Дятлова планировала подъем на Холатчахль. Почему же о выходе дятловцев от верховий Ауспии к горе Отортен вспоминают абсолютно все свидетели тех событий, а про Холатчахль ни у кого нет ни единого слова?

Тогда откуда в постановлении появились странные утверждения о сложном рельефе и о самом восхождении? Что это - пустые фантазии следователя Льва Иванова или в его распоряжении все-таки действительно имелись еще какие-то материалы, ко-

**Туристы у скалы-останца на перевале группы Дятлова.
На дальнем плане хорошо видны простейшие снежно-осыпные склоны горы
Холатчахль. (Зима 1974 года, фото автора)**

торые позднее были изъяты из дела и уничтожены?

Тем не менее, давайте вернемся еще раз к дневнику груп-

пы, чтобы с его помощью взглянуть на реальный график первых четырех дней лыжного маршрута погибших туристов. Этот график будет выглядеть следующим образом:

Фото 1959 года. Группа Игоря Дятлова на маршруте.
(Из журнала «Уральский следопыт» за январь 2009 года)

28.01.59. Поселок Второй Северный – долина реки Лозьвы

29.01.59. Долина реки Лозьвы – долина реки Ауспии

30.01.59. Движение вверх по долине реки Ауспии

31.01.59. Движение по долине реки Ауспии до самых верховьев

Получается, что от поселка Второй Северный до границы леса в верховьях Ауспии группа Игоря Дятлова шла четыре полных календарных дня.

Попробуем разобраться: много это или мало.

Прежде всего, отметим, что в 1970-1980-х туристские маршруты к перевалу Дятлова традиционно начинались от поселка Усть-Ушма, существовавшего в те годы недалеко от устья реки Ушмы. При этом путь на лыжах до верховий Ауспии

обычно занимал у туристов около трех дней. Те же группы, которым удавалось доехать на лесовозах «до моста через Ауспию», оказывались под перевалом и того быстрее - всего за полтора дня. А ведь расстояние от поселка Второй Северный до истоков Ауспии даже немного короче, чем от Усть-Ушмы.

Получается, что в первые дни своего маршрута группа Игоря Дятлова вообще никуда не спешила, и об этом туристы сами честно пишут в своем дневнике:

«...Собирались долго... Вышли в 11.45...» (28 января - Тибобриньоль).

«...Около 9.30 - пассивный подъем...» (30 января - Колмогорова).

На этом фоне полезно вспомнить о том, как обычно построен режим движения у любых мало-мальски опытных туристских групп, путешествующих по Северному Уралу в пе-

риод короткого зимнего светового дня. Утренний подъем дежурных, приготовление завтрака и сам завтрак проходят в полной темноте. Сборы группы и сворачивание лаге-

ря начинаются еще в темноте и заканчиваются в ранних сумерках. Начало движения - еще до восхода солнца. Вечером - все наоборот. Остановка группы проходит в вечерних сумерках. Подготовка бивака, заготовка дров, установка палатки и приготовление ужина начинаются еще в сумерках, а заканчиваются уже в полной темноте. Затем ужин и отбой.

Вероятно, такой распорядок дня прекрасно знаком всем уральским туристам.

Безусловно, знали о нем и дятловцы. Тем любопытнее выглядит фотография 1959-го года, известная всем, как «утро в долине Ауспии». Обратите внимание: уже совсем светло, а участники спокойно и неторопливо собирают свои вещи.

Да и собирают ли? Во всяком случае, снимать палатку никто еще даже и не начинал. Нет ни малейших сомнений, что на момент съемки в группе все шло по заранее намеченному плану и туристы вообще никуда не спешили.

Давайте вспомним еще и про пятый ходовой день - 1 февраля 1959 года.

По материалам следствия считается, что тем утром группа также никуда особенно не спешила, а занималась оборудованием лабаза в верховьях Ауспии. Туристы даже успели выпустить в этот день шутильный «Боевой листок», копия которого имеется в уголовном деле.

Интересно, что в своей книге «Цена гостайны - девять жизней» Анатолий Гушчин почему-то удивляется отсутствию дневниковых записей, которые, как он считает, могли быть сделаны кем-нибудь из участников еще утром 1-го февраля.

Но в том-то и дело, что групповой дневник туристы традиционно пишут только вечером, тем более что зимой заниматься любыми записями намного удобнее в теплой палатке, а не на холодной улице, пускай даже и около костра. Получается, что и «Боевой листок», скорее всего, был подготовлен утром 1.02.59 в палатке, а не у костра. Вероятно именно в то самое время, когда часть группы занималась оборудованием лабаза.

Таким образом, мы можем смело сделать следующие два вывода:

Фото 1959 года. Кадр, известный как «Утро в долине реки Ауспии».
(Из журнала «Уральский следопыт» за январь 2009 года)

Хотелось бы обратить внимание читателей на следующие моменты:

1. Во-первых, это действительно «утро», т. к. на скатах палатки лежит свежий «ночной» снег, который пока еще никто из туристов даже не стряхивал.

2. Во-вторых, это действительно долина Ауспии, т. к., исходя из дневниковых записей, в долине Лозьвы туристы в палатке просто не ночевали.

3. В-третьих, вообще-то подобный кадр (с заснеженной палаткой и туристами, которые никуда не торопятся) обычно говорит о дневке на маршруте. Именно поэтому складывается такое впечатление, что данный снимок сделан как раз утром 1-го февраля 1959 года, в тот самый момент, когда туристы устраивали лабаз и в лагере группы Игоря Дятлова никто пока еще никуда не спешил.

ВЫВОД 1: Из текста дневника и сохранившихся походных фотографий следует, что первые четыре дня (т. е. вплоть до вечера 31 января 1959 года) погибшие туристы спокойно двигались по своему маршруту и никуда не спешили.

ВЫВОД 2: Факт выпуска «Боевого листка», датированного первым февралем, говорит о том, что еще как минимум утром этого дня туристы также никуда не торопились и даже имели возможность подготовить шутивную мини-стенгазету.

Теперь же для понимания общего уровня физических нагрузок на участников трагического похода 1959 года обратим внимание на следующие моменты.

Группа встала на лыжи в поселке Второй Северный 28 января, при этом контрольный срок

окончания маршрута в поселке Вижай был назначен в МКК на 12 февраля. Получается, что плановая продолжительность похода составляла не более 16-ти ходовых дней. Отметим, что при обычном уровне походного питания тех лет со средним расходом продуктов

около 0,8 – 0,9 кг в день на каждого туриста суммарный вес продуктов для 16-дневного маршрута составлял примерно 13 – 14,5 кг на каждого участника.

Далее. На лыжном маршруте по районам типа Северного Урала вес личного снаряжения у каждо-

го участника составляет обычно не менее 8 кг. Это сменная одежда, запасная обувь и множество других личных вещей. Кроме того, каждому туристу приходится нести и какое-то групповое снаряжение. В среднем это еще около 6 – 8 кг груза, в который входит палатка, печка, пила, топор, комплект варочной посуды, аптечка, ремонтный набор и т. п. Таким образом, свой поход туристы должны были начинать с рюкзаками, средний вес которых составлял порядка 29

кг. При традиционном соотношении веса женского рюкзака как 2/3 от мужского для участников группы Игоря Дятлова (состав 7М + 2Ж) получится выходной вес рюкзаков на уровне 32 кг у мужчин и 21 кг у женщин. Правда, все это - в идеале. Реальный же вес рюкзаков обычно всегда получается на 2-3 кг больше теоретического.

Как раз сейчас пора опять вспомнить о лабазе, устроенном туристами на 5-й день похода в верховьях Ауспии. Ведь каждый

участник мог оставить там почти 7 кг продуктов на последние 9 дней маршрута, да еще и какие-нибудь мелочи из своего личного снаряжения. Соответственно, средний вес рюкзаков во время радиального выхода к Отортену должен был составлять уже примерно 18 кг у мужчин и 12 кг у женщин. Конечно, идти на лыжах с рюкзаком 32 кг или 18 кг - это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Тем не менее невольно напрашивается еще один вывод.

ВЫВОД 3: Рассуждать о том, что туристы собирались «сбежать налегке на Отортен», конечно, неправильно. Рюкзак весом 18 кг все равно заметно давит на плечи и не позволяет бежать бегом по любым склонам наравне с лыжником без груза.

Эти выводы нам еще пригодятся в дальнейшем. Пока же подумаем, известно ли нам хоть что-нибудь о тех трагических событиях, которые разыгрались в районе перевала между истоками Ауспии и Лозьвы 1-го и 2-го февраля 1959 года...

ШЕСТЬ ОШИБОК ИГОРЯ ДЯТЛОВА

Впервые на перевал группы Дятлова наша команда попала зимой 1974 года. Мы шли туда специально – поклониться памяти наших старших товарищей, с которыми, правда, сами никогда даже не были знакомы. До моста через Ауспию традиционно добирались на машине от Усть-Ушмы, поэтому всего через полтора дня лыжного пути мы уже стояли на перевале около останца с мемориальной плитой. Там остановились и огляделись...

Честно говоря, мы были просто обескуражены. Нельзя сказать, что каждый из нас считал себя большим профессионалом в спортив-

ном туризме, ведь наиболее подготовленные из нас имели тогда лишь опыт лыжной «четверки» в Саянах.

Тем не менее на лицах всех моих друзей читалось откровенное изумление: – Неужели где-то здесь можно просто так погибнуть?

Нас окружал самый элементарный рельеф, а легендарный перевал, как внезапно выяснилось, спокойно проходилась «от леса до леса» на лыжах всего лишь часа за полтора. Причем буквально с закрытыми глазами. В этот момент ни у кого из нас не возникало ни малейших сомнений в том, что потерпеть аварию в подобном месте

было просто невозможно ни из-за каких-то капризов погоды, ни по какой-либо другой нелепой случайности.

Это наше общее ощущение я прекрасно помню до сих пор...

Позднее, также довольно давно, в ходе одного из публичных обсуждений известной трагедии прозвучала одна очень интересная мысль, автора которой, к своему глубочайшему стыду, я даже не запомнил. Зато сама мысль прочно засела где-то в глубине моего подсознания, хотя вышло это, наверное, лишь из-за ее необычности.

Суть мысли была такова:

ИСТИННЫЕ ПРИЧИНЫ ГИБЕЛИ ГРУППЫ ИГОРЯ ДЯТЛОВА СЛЕДУЕТ ИСКАТЬ ВО ВСЕ НЕ У КЕДРА И ДАЖЕ НЕ В ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ СТОЯЛА ПАЛАТКА, А В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ АУСПИИ!

Ни много, ни мало!

Причем никаких пояснений к этому более чем странному утверждению я даже не помню. Возможно, их и не было, а может, просто я сам в те годы был настолько мал и глуп, что не смог ничего понять.

А ведь действительно, почему многие из нас до сих пор так упорно считают, что причины страшной трагедии следует искать именно около палатки?

В этой связи любопытно задуматься над воспоминаниями тех туристских корифеев, которые были знакомы с дятловцами лично. Подобные выступления я сам слышал неоднократно и на семинарах КСС, и на всевозможных вечерах памяти, и много еще где. Причем все эти речи начинались почти с одних и тех же слов, как если бы были написаны под копируку.

Например:

- Это были наиболее опытные туристы УПИ, но... они совершили ошибку, решив подниматься на перевал во второй половине дня...

Или в другой, но очень похожей редакции:

- Это была сильнейшая туристская группа в городе, но... они не сумели правильно сориентироваться и из-за плохой видимости отклонились от своего маршрута далеко в сторону...

Вид от перевального останца на верховья реки Лозьвы и массив горы Отортен. Именно туда должны были идти «налегке» туристы УПИ в феврале 1959-го. (Зима 1974 года, фото автора)

И так далее...

Давайте же попробуем разобраться, сколько подобных ошибок совершили зимой 1959 года самые опытные туристы УПИ. Вынужден

еще раз напомнить, что в этих ошибках Игоря Дятлова упрекают достаточно известные туристские мастера, причем каждый из них старательно называет дятловцев, как минимум,

самой опытной группой института, а то и всего города. Упомянуть в этой связи конкретные фамилии авторов подобных заявлений мне даже как-то и неудобно.

ОШИБКА ПЕРВАЯ: Первого февраля туристы начали движение на перевал в бассейн Лозьвы очень поздно – лишь во второй половине дня.

Безусловно, выход в безлесную зону во второй половине дня считается очень серьезным просчетом, тем более что еще утром группа явно никуда не торопилась.

Об этом уже было сказано ранее.

Нет никаких сомнений – это принципиальная ошибка.

Правда, лично у меня всегда возникал вопрос о том, откуда в постановлении о прекращении уголовного дела появилась предельно конкретная формулировка о времени выхода туристов из лагеря: «только в 15-00». Неужели работники прокуратуры стояли где-то рядом и видели это лично?

Кроме того, как-то не очень логично выглядел и другой момент. Ведь целых четыре дня туристы неторопливо шли по своему маршруту, а тут они буквально сорвались с места и почти в сумерках побежали с грузом на безлесный водораздел.

Это что, обычная практика для наиболее сильных туристов УПИ?

ОШИБКА ВТОРАЯ: При прохождении перевала от истоков Ауспии к Лозьве группа значительно отклонилась влево от оптимального маршрута и даже не заметила, как вышла непосредственно на склон горы Холатчахль.

По своим личным воспоминаниям, готов засвидетельствовать, что потеряться на том перевале невозможно. Самый короткий путь «от леса до леса» легко проходится даже вслепую благодаря простейшему рельефу местности.

В этой связи опять-таки удивляет мнение туристских корифеев,

которые очень легко заявляют, что «мела поземка и в 5 – 10 метрах ничего не было видно».

А что, разве авторы подобных заявлений это видели сами или они хотя бы изучали сводку погоды той ночи? Так неужели самым опытным туристам УПИ не хватило здравого смысла для того, чтобы

оценить реальное состояние погоды и отказаться от выхода в безлесную зону при видимости всего в десяток метров? Неужели даже при полном отсутствии видимости они не смогли оценить реальную крутизну склона и двух, а то и трехкратную разницу в наборе высоты?

ОШИБКА ТРЕТЬЯ: На склонах горы Холатчахль туристы организовали холодную ночевку, необходимость в которой на этом участке маршрута вызывает лишь самое откровенное недоумение.

Несомненная ошибка, ведь элементарный спуск к лесу на лыжах занимает здесь не более часа. Позднее через этот район зимой регулярно проходило множество туристских групп, однако практически никто из них никогда не планировал здесь

ночлегов в безлесной зоне. Конечно, все туристы действительно старались двигаться к Отортену по пологим фирновым склонам Поясового Камня выше границы леса, но на ночлег они обычно всегда старались спускаться вниз, к дровам.

А ведь из воспоминаний Бориса Слобцова следует, что брошенная палатка была найдена всего лишь в трехстах метрах от вершины горы Холатчахль.

Зачем же туристам потребовалось забираться с грузом так высоко?

ОШИБКА ЧЕТВЕРТАЯ: Ночлег в безлесной зоне выполнен весьма неграмотно. Даже печь в палатке не установлена, хотя запас дров у туристов все-таки имелся.

В следственном деле о дровах в палатке конкретно сказано: «одно полено».

Правда, скорее всего, имелась в виду все-таки «чурка», а вовсе не полено.

Но для ночлега в безлесной зоне такого количества дров все равно было явно недостаточно.

Получается, что группа заранее решила переночевать вне зоны леса, но дровами не запасалась вообще. Это безусловная ошибка, ведь для полноценной безлесной ночевки туристам все-таки требовалось достаточно много дров. Значит, для дятловцев самым логичным было бы следующее решение: каждый

мужчина несет для ночлега по одному небольшому чурбаку.

Но группа Игоря Дятлова фактически вообще не взяла с собой дров.

Может быть, туристам пришлось выходить на перевал настолько быстро, что запастись дровами им было просто некогда?

Вообще-то существует мнение, что группа Игоря Дятлова решила организовать холодную ночевку в безлесной зоне просто для тренировки.

Однако, во-первых, для тренировки им вовсе не требовалось забираться с грузом так высоко по склону.

Во-вторых, исходя из соображений здравого смысла, для учебного холодного ночлега дятловцы наверняка взяли бы с собой полноценный запас дров - чисто для подстраховки.

И, наконец, в-третьих, подобные тренировки обычно проводят совсем не в походе, а еще до него. Для этого вполне достаточно было выехать в ближайший пригородный лес или уйти на заснеженный лед озера Шарташ.

Именно так готовился к своим легендарным тундровым лыжным походам начала 60-х известный уральский турист Геннадий Птицын. Первый «безлесный ночлег» его группа провела вообще во дворе студенческого общежития.

Так что, на мой взгляд, версия тренировки на склоне горы Холатчахль лишена всяких оснований.

ОШИБКА ПЯТАЯ: При воздействии «стихийной силы» Игорь Дятлов допустил возникновение в группе паники, в итоге которой полураздетые туристы покинули свою палатку, бросив там снаряжение, одежду и запас продуктов.

Нет никаких сомнений в том, что туристы совершили грубейший просчет, покинув палатку и бросив в ней свои теплые вещи. Практически все серьезные спортсмены высказывают

по этому поводу какие-то конкретные упреки. Меняется лишь акцент мнений: от неконтролируемой паники в группе до испуга и состояния сильнейшего стресса.

Конечно, это была грубейшая ошибка. Правда, вполне уместен вопрос: а может быть, у дятловцев просто не было никакого другого выхода?

ОШИБКА ШЕСТАЯ: Оставив палатку, участники группы вторично сбились с пути и стали спускаться в долину Лозьвы, думая при этом, что они двигаются к своему лабазу в верховьях Ауспии.

Еще одна претензия на грубую ошибку в ориентировании. Предлагаю оставить ее на совести тех, кто предполагает саму возможность совершения такой ошибки самыми опытными туристами УПИ. На мой взгляд, заблудиться на элементарных склонах горы Холатчахль невозможно даже в тумане.

Тем не менее вероятная ошибка в ориентировании – на лицо.

А теперь давайте задумаемся: не слишком ли много весьма грубых ошибок совершили последовательно те, кого на протяжении десятилетий принято называть самыми опытными туристами УПИ? Причем эти ошибки были совершены подряд буквально в течение

всего лишь нескольких часов. А ведь любую одну или даже две из перечисленных выше ошибок способны совершить разве что только зеленые новички. Но ведь мы с вами говорим об опытных туристах! Вот и получается, что цепочка нелепых случайностей превращается в какую-то очень странную закономерность...

Редколесье на границе леса в долине реки Ауспии. В левой части снимка видна скала-останец на перевале Дятлова (Зима 1974 года, фото автора)

Поэтому я предлагаю взглянуть на известные нам события 1959 года, исходя из следующих конкретных предположений:

1. Команда Игоря Дятлова действительно была одной из самых опытных туристских групп УПИ, участники которой были готовы пройти практически любой сложный лыжный маршрут по Северному Уралу.

2. Первого и второго февраля 1959 года опытные туристы не совершили ни одной ошибки. В сложившейся на тот момент походной ситуации они все делали абсолютно правильно. ОНИ ПРОСТО НЕ МОГЛИ ДЕЙСТВОВАТЬ НИКАК ИНАЧЕ.

Другими словами, примерно в середине дня 1-го февраля 1959 года в районе лагеря группы в долине Ауспии ПРОИЗОШЛО НЕЧТО, заставившее туристов без промедления действовать по сценарию «шести ошибок Игоря Дятлова».

Именно на этих условиях построил свой собственный «криминальный вариант трагедии» известный уральский турист Николай Устиновский. По его мнению, все непонятные действия туристов УПИ легко объясняются, если, начиная с верховий Ауспии, группе Игоря Дятлова пришлось скрываться от смертельно опасной погони.

Например, из-за реальной угрозы нападения на туристов какого-то вооруженного отряда.

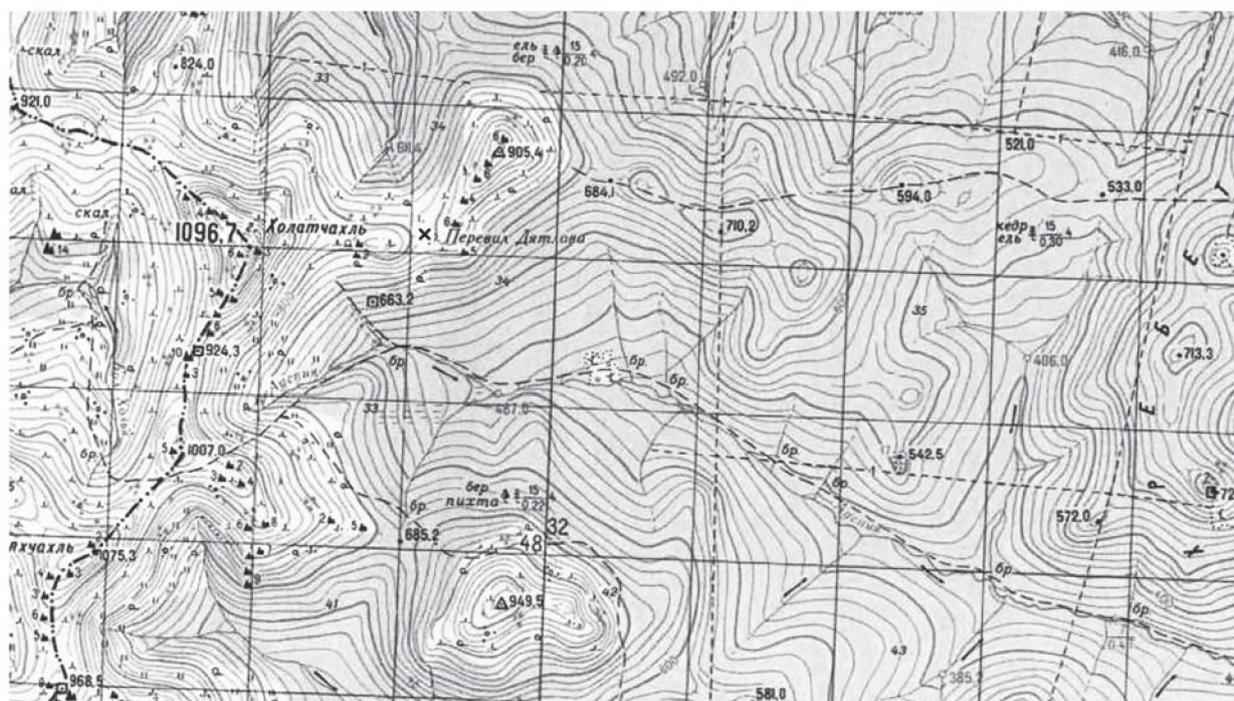
Не скрою, в первый момент моя реакция на подобное предположение была крайне отрицательной. В конце концов, мое мнение по поводу всех криминальных гипотез гибели группы Игоря Дятлова чи-

тателям уже известно, тем более что в итоге Николай Устиновский делает все тот же классический вывод - туристов сознательно уничтожили члены какой-то армейской спецгруппы, которые перепутали дятловцев с беглыми заключенными. О таком варианте трагедии уже говорилось ранее, и согласиться с ним я не мог ни в коем случае.

Правда, до этого все сценарии возможной расправы над туристами строились, исходя из ситуации внезапного нападения на палатку, уже стоявшую на склоне горы Холатчахль. Но ведь Николай Устиновский предложил совсем другой вариант событий: какое-то относительно

продолжительное время туристы убегали и прятались, а вооруженный отряд их преследовал. Внимательно обдумав подобный вариант, я с удивлением обнаружил, что именно в такую схему прекрасно вписываются абсолютно все перечисленные выше «ошибки Игоря Дятлова». Естественно, уже не как ошибки, а как единственно возможный порядок правильных действий. Если честно, то именно такой подход к трагедии сразу же объяснил мне абсолютно все несуразности в поведении дятловцев.

Поэтому еще раз предлагаю читателям продолжить дальнейшие рассуждения вместе со мной...

ГУХ Северный Урал. Истоки реки Ауспии. Район перевала Группы И. Дятлова. Фрагмент карты Р-40-083.

ВОЗМОЖНЫЙ ТРАГИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ

Давайте пофантазируем.

Представим середину дня 1-го февраля 1959 года и лагерь туристов в верховьях Ауспии, где команда спокойно занималась своими делами. И вдруг, по вчерашней лыжне туристов к их палатке подошли какие-то вооруженные люди.

Допустим, что это была компания из пяти-шести не слишком трезвых охотников-браконьеров.

Предвижу откровенное недоумение и возмущение большинства читателей. Действительно, каким это таким образом в верховьях Ауспии могли появиться никому не известные браконьеры? Ведь тако-го же просто не могло быть!

Тем не менее вынужден отметить, что сход лавины со склона горы Холатчахль или падение в этом районе обломков какой-нибудь мощной ракеты являются событиями значительно менее вероятными. По крайней мере, ни в 1959 году, ни в последующие пять десятилетий ничего подобного в этих местах никто так и не видел. Говорить же всерьез о шаровых молниях, пришельцах или НЛО даже и не приходится. А вот нико-

му не известных охотников в самых далеких уголках глухой уральской тайги, я думаю, встречали очень многие, причем, иногда действительно в самых неожиданных районах. Поэтому, в отличие от ракет, НЛО, шаровых молний, метеоритов или лавин, появление браконьеров в долине Ауспии можно рассматривать как вполне вероятное событие.

Вначале и гостям, и хозяевам было очень хорошо и даже весело: взаимные приветствия и все такое прочее. Зато потом кого-то из наиболее пьяных охотников вполне могло растащить на весьма грубую шутку типа:

- Эх, такие шикарные девчата, а вот почему-то не с нами. Да бросайте вы своих хилых городских парней и переселяйтесь в нашу палатку. Уж мы бы вас там так согрели...

Возможны и другие варианты событий. Например, девушки вполне могли увидеть какую-нибудь браконьерскую добычу - важенку или молодого олененка. Тогда была бы понятна и непосредственная девичья реакция:

- Зачем же вы угробили такого маленького? Вот когда мы вернемся в Вижай, то обязательно расскажем все про вас местному начальству...

Дальше - больше. В итоге подвыпившие охотники, уже несколько не стесняясь непечатных речевых оборотов, доходчиво объяснили «нахальным девочкам», где их настоящее место и что им следует делать со своим собственным мнением. Конечно, подобного поворота событий мужская часть группы никак не ожидала, и вполне естественно, ребята вступились за своих подруг, чем еще сильнее усугубили ситуацию. Возможно, что в пылу стычки кто-то из дятловцев даже необдуманно назвал браконьеров какими-нибудь «пьяными козлами»...

Короче говоря, произошла самая обыкновенная бытовая стычка нескольких пьяных людей с людьми трезвыми. Подобный конфликт может иметь место где угодно: на городской улице, в транспорте или на берегу живописного пригородного озера. Вся разница нашего случая заключалась лишь в

том, что происходило это в глухой тайге, пьяные люди были хорошо вооружены, а трезвые - абсолютно безоружны.

И все-таки, несмотря на ранее принятый алкоголь, остатки здравого смысла у охотников, похоже, еще оставались. Во всяком случае, убивать туристов никто из них не собирался, иначе расправа произошла бы тут же на месте - прямо около палатки. Да и пришли ведь сюда браконьеры не драться с какими-то случайными туристами, а за конкретной добычей. Поэтому, поругавшись и поскрипев зубами, охотники покинули лагерь группы, бросив на ходу что-нибудь злобное вроде:

- Ну, погодите. Вот сейчас погоним у реки лосей и еще вернемся с вами окончательно разобраться...

Так что никакой ошибки в позднем выходе из лесной зоны не было. Просто для туристов это был в буквальном смысле вопрос жизни и смерти.

Поднялись на перевал, огляделись. Надо торопиться, ведь если их станут преследовать, то путь на перевал браконьеры без труда вычислят по остаткам свежей лыжни. Куда же уходить теперь?

Спуск прямо на север в долину Лозьвы элементарен, но там тоже тайга, где туристов опять-таки выдадут следы от их лыж. Значит, идти туда никак нельзя.

Путь на восток ведет на пологую каменистую вершину 905 м, где палатку вроде бы можно будет спрятать среди множества невысоких скал. Однако это са-

Как после этого должны были вести себя туристы - спокойно дожидаться вполне вероятной расправы или бежать из лагеря как можно скорее?

Не исключено, что будь парни одни, они бы все-таки остались. Ну не станут же их действительно убивать! Ну, еще раз попугают, ну помашут перед носом стволами карабинов, ну пускай даже дадут пару крепких тумачков. А вот за девушек следовало беспокоиться всерьез, район-то ведь сами знаете какой...

Короче говоря, группа решила максимально быстро покинуть свою стоянку, оставив тут даже лабаз с запасом продуктов. В конце концов, через несколько дней сюда можно было и вернуться. Не станут же браконьеры караулить их здесь целую

мая настоящая ловушка. Тупик. Вокруг опять будет только одна тайга.

Получается, что следует «прятаться» за гору Холатчахль и уходить на главный водораздел хребта Поясовый Камень, где можно будет легко затеряться среди вершин и отрогов, не оставляя после себя никаких следов. Так и сделали. При этом, правда, пришлось подниматься на массив Холат-Чахла по более крутым склонам, чем было бы на пути к Отортену, но другого выбора просто не было. Главное - успеть скрыться за перегибом водораздела. Двигались столько, сколько позволяло световое время,

вечность. Да и бежать на лыжах следовало без лишнего груза.

Так быстро они, наверное, еще никогда не сворачивали свой лагерь. Теперь главный вопрос - где скрыться? Спасаться в тайге бессмысленно, догнать туристов по их же лыжне ничего не стоило. Единственный выход: уходить в безлесную зону, где на плотном снежном насте никаких следов от лыж практически не остается.

Да и перевал - вот он, рядом, через него же и собирались идти к Отортену, правда только завтра. На часы даже не смотрели. Да и при чем тут точное время, если за остатки короткого светового дня туристам требовалось уйти как можно дальше от своего же собственного лагеря.

но подняться на хребет, к сожалению, так и не смогли.

К установке палатки приступили уже в сумерках, поэтому поставили ее там, где пришлось. Зарылись в снежный склон - так теплее, да и со стороны Ауспии палатка, похоже, была почти незаметна. Печкой вообще решили не пользоваться, чтобы дым и искры из трубы не испортили всю маскировку. К тому же запас дров был практически нулевым, ведь к моменту выхода из лагеря на Ауспии там оставался лишь последний чурбачок, а заготавливать новые дрова было уже некогда.

Значит, никаких ошибок ни в ориентировании, ни в установке лагеря дятловцы тоже не совершали. В случае возможной погони со стороны долины Ауспии их действия опять-таки были единственно верными.

А за это время браконьеры успели вернуться в лагерь туристов, но никого там уже не обнаружили. Правда, в сторону перевала на Лозьву по тайге уходил свежий лыжный след, поэтому особых сомнений в том, что группа скрылась именно в этом направлении, ни у кого не было. Все элементарно.

Вероятно, погоня за зверьем ничего не дала, иначе и настрое-

ние у охотников было бы совсем другим. Да и добычу пришлось бы разделять, так что гоняться за туристами было бы просто некогда. А так - остался неудовлетворенный охотничий азарт и злоба на туристов, которая не только не уменьшилась, а даже стала немного сильнее. Должен же был кто-то ответить за их неудачу. Выпили, закусили и добавили еще. Посте-

пенно в пьяных мозгах созрела веселая и шальная идея:

- Ну, так что, а не проучить ли нам тех «наглых туристов»? Это же именно они нам тут всю дичь распугали...

Вполне возможно, что кто-нибудь из браконьеров наконец-то додумался:

- А ведь если их срочно не научить уму-разуму, то они и вправду могут на нас в Вижае «настучать»...

Подниматься налегке на перевал вдогонку за новой «дичью» оказалось плевым делом: лыжня-то в тайге туристы уже протоптали, а выше зоны леса вообще пошел плотный наст. Конечно, группа уже успела уйти довольно далеко, но в бинокль цепочка лыжников все равно была видна на снежном склоне как на ладони. Теперь преследователи могли особенно и не спешить, тем более что «нахальные туристы» уже начали устанавливать новый лагерь и вполне могли заметить погоню. Охотники спокойно укрылись на перевале за скальным останцем и стали терпеливо выжидать, пока вся группа не скроется в палатке. Успели даже еще пару раз налить по маленькой, что только добавило жажды мщения. Конечно, убивать туристов никто и из них не собирался, а вот всерьез погугать и «начистить нух» – это уж святое дело.

План нападения подробно обсудили, еще сидя за останцем, поэтому друг друга все понимали без слов. Лыжи сняли заранее и к палатке подходили уже пешком, двигаясь в валенках по снежному насту практически бесшумно...

Позволю себе небольшое отступление. Как-то довольно давно мне довелось совершенно случайно услышать в электричке разговор подвыпившей компании уже далеко немолодых людей. Хорошо запомнился хвастливый рассказ одного из них, который я привожу здесь почти дословно, правда, за исключением обильной ненормативной лексики:

«...Помню еще до армии мы с родителями жили летом на даче недалеко от Свердловска в поселке Северка – там есть такая скала Соколиный Камень, а рядом речушка. Туристы туда по выходным дням ходили толпами, и ночевали все они обычно именно на берегу этой речки. Вот туда-то мы с пацанами и ходили регулярно «охотиться» на туристов.

Обычно в воскресенье, рано-рано утром, когда все еще крепко спят, мы тихонько подкрадывались к какой-нибудь одинокой

палатке, заваливали ее и начинали молотить тех, кто там ночевал. Вот было классно. Тех, кто лежал с краю – мы старательно пинали, а тех, кто пытался встать – колотили прямо через палаточный брезент припасенными заранее жердями. Милое дело – крики, ругань, стоны. А пока туристы приходили в себя и наконец-то выбирались из поваленной палатки, мы уже успевали раствориться в утреннем тумане...

Зато потом, когда вечером все туристы шли через поселок на электричку, мы легко узнавали «своих» еще издали. Некоторых из них даже вели под руки. Вот умора...»

Обращаю внимание на классическую схему внезапного ночного нападения подонков всех времен и народов на одиноко стоящую палатку. Прежде всего, эту палатку заваливают, превращая тех, кто там находится в беспомощную добычу. Затем нападающие начинают дружно пинать тех, кто лежит по краям, и бить чем попало наугад сверху (читай – по голове) тех, кто пытается подняться быстрее остальных. Соответственно, в результате такого варварского нападения пострадавшие получают, прежде всего, черепно-мозговые травмы и переломы ребер.

А теперь давайте вспомним о том, какие наиболее серьезные травмы были обнаружены у погибших туристов:

Дубинина и Золотарев получили множественные переломы ребер.

Очень похоже, что их действительно усиленно пинали какие-то неизвестные люди. Отсутствие наружных повреждений мягких тканей говорит, скорее всего, о том, что удары наносились через стенки палатки, одеяла и одежду, а на ногах у нападавших была какая-то сравнительно мягкая обувь – валенки или унты.

Тибо-Бриньоль и Слободин получили травмы черепа.

Вероятно, это именно они попытались подняться первыми, чтобы быстрее других выбраться наружу для отражения неожиданного нападения. В итоге именно эти двое получили сокрушительные удары оружейных прикладов, от которых пострадавших не могли защитить ни теплые шапки, ни палаточный брезент.

Вот так!

...Выбираться под градом ударов из наполовину заваленной палатки было очень непросто. В конце концов, разрезав ножом боковую стенку палатки, несколько человек все-таки смогли выскочить наружу. Тут же прогрехотали первые выстрелы. Стреляли сначала в воздух – только для остротки, а потом, при малейшей попытке полураздетых туристов приблизиться к напавшим на них браконьерам, те начали стрелять прямо над головами дятловцев. Правда, теперь всем охотникам пришлось взять оружие наизготовку, и избивание палатки наконец-то прекратилось.

Постепенно на снег выбралась вся группа. Тут же послышалась пьяная ругань и угрозы, подкрепленные выстрелами в воздух:

– Убирайтесь сейчас же отсюда куда хотите! Если вздумаете возвращаться, перестреляем всех к чертовой матери!

Первая же попытка туристов приблизиться к разрезанной палатке, чтобы достать оттуда хоть какие-то теплые вещи, была пресечена в самом зародыше.

В воздухе прогремел очередной залп, который перекрыл чей-то злобный выкрик:

- Назад, пристрелю! Сказано ведь, катитесь отсюда, если хотите жить!

Ну и что должны были делать полураздетые избитые туристы в такой ситуации, имея к тому же на руках серьезно травмированных друзей?

Продолжать стоять на пронизывающем ветру перед хорошо вооруженными и тепло одетыми бандитами?

Или все-таки попытаться достать хоть что-нибудь из палатки, реально рискуя при этом получить в грудь пулю или заряд картечи?

Да и где гарантия, что пьяные в дым браконьеры не съедут окончательно «с катушек»?

Безусловно, дятловцы не могли не понимать, что убивать их прямо сейчас никто пока не собирается – иначе они бы уже давно были мертвы. Но и подойти к палатке им тоже не дадут – это совершенно ясно. Конечно,

когда-нибудь напавшие на них охотники уберутся восвояси, но дожидаться этого момента нужно все-таки не на пронизывающем ветру, а в каком-то укрытии или хотя бы у костра. Значит, спуск в тайгу – пока единственный шанс на спасение и никаких других вариантов у них просто нет...

Безусловно, пьяные бандиты тоже не могли не понимать, что группа обязательно вернется к своей палатке. Но ведь и убивать туристов действительно никто из них не собирался. Это было бы

слишком просто и совершенно неинтересно. А они пришли сюда для того, чтобы покуражится и поиздеваться над беззащитными людьми. В этом и состояло их главное удовольствие...

Под пьяное улюлюканье и периодическую пальбу в воздух туристы взяли своих пострадавших друзей под руки и с максимально возможной скоростью направились к спасительному лесу. Им срочно требовался хотя бы костер.

Значит, никакой паники не было. Просто группа приняла то единственно верное решение, которое оставляло им хоть какой-то шанс на спасение.

Никакой вторичной потери ориентирования также не было. Туристы просто спустились в тайгу самым коротким путем. Время было дорого.

В принципе, остальные события достаточно хорошо известны и всем понятны. Даже для самых опытных и подготовленных людей существует какой-то предел их возможностям. В данном случае

обстоятельства оказались сильнее, и туристы просто замерзли на границе леса в долине Лозьвы.

Что же касается бандитов, то, постреляв еще какое-то время в воздух, они потеряли интерес к

происходящему и спокойно вернулись в долину Ауспии.

Свою долю адреналина они получили, поэтому дальнейшая судьба туристов их уже просто не интересовала...

ОТКУДА НА АУСПИИ ПОЯВИЛИСЬ БРАКОНЬЕРЫ?

Впервые в район спецлагерей, густо разбросанных по самому северу Свердловской области, мы попали в начале зимы 1973 года. Наш лыжный маршрут к Молебному Камню и горе Ишерим начинался тогда от поселка Тохта. Точнее, это был даже не обычный поселок, а поселение расконвоированных заключенных, задействованных на местных лесоразработках. Лозунги на центральной улице поселения говорили сами за себя: «Вперед, к новой жизни!», «За досрочное освобождение!», «За честный труд!» и так далее...

Практически у каждого из «коренных жителей» поселения на рабочую телогрейку была нашита бирка с фамилией и написан пятизначный лагерный номер.

Не успели мы появиться в Тохте, как нам почти мгновенно выделили машину для заброски поближе к горам. Правда, делалось это вовсе не от большой любви к приезжим туристам, а ради собственного спокойствия здешнего начальства.

Все-таки присутствие рядом с подопечными «зэками» каких-то совершенно посторонних «воль-

ных» туристов, среди которых к тому же было и несколько молодых симпатичных девушек, вносило в местную атмосферу привычного полутюремного быта элемент заметной нервозности...

Мы с радостью загрузились в бортовой ЗИЛ, а двух девушек посадили в теплую кабину к весьма разговорчивому водителю-зэку, который был нам за это бесконечно благодарен. Именно там, во время недолгой поездки к горам вдоль реки Вижай, между водителем и нашими девушками состоялся исключительно любопытный диалог:

- Ну и что же вас гонит сюда, в эти проклятые места?
- Так мы же ведь не просто так - мы в лыжный поход идем. Мы всегда так отдыхаем...
- Какой тут еще может быть отдых?! Нас вот здесь насильно держат, перевоспитывают ударным честным трудом. А вы-то ведь сюда сами добровольно едете. Не понимаю, хоть убей!
- Ну, как же, всегда ведь интересно посмотреть на новые места, познакомиться с новыми людьми...
- С какими еще людьми? Здесь же и людей-то ведь никаких нет!
- Как это нет?
- А вот так. Здесь же можно встретить только «зэка» и «чека»...

И ведь правда, вплоть до конца 1980-х на всей территории бывшего ИвдельЛАГа никаких людей,

в привычном значении этого понятия, действительно практически не было. Здесь, на самом севере

Свердловской области, в то время обитали лишь два подвида представителей «хомо сапиенс»:

1. Подвид «зэка» - это собственно зэки, сидящие в «закрытых» лагерных зонах, а также расконвоированные заключенные, постоянно проживающие в спецпоселениях типа Яхтеля, Тохты или Ушмы.

2. Подвид «чека» - это собственно военнослужащие МВД, занимающиеся охраной представителей подвида «зэка», а также все члены их семей и исключительно малочисленный «вольный» персонал, обслуживающий в основном нужды представителей подвида «чека».

И все! Никаких других «людей» там действительно больше просто не было!

Конечно, справедливость требует отметить, что на крайнем севере Свердловской области постоянно проживают еще и местные жители -

ли - небольшая народность манси, численностью буквально несколько десятков человек. И ведь что интересно, в том далеком 1959 году,

когда следственная группа еще только пыталась проработать версию умышленного убийства, первые подозрения пали именно на манси.

Позднее ивдельский следователь Владимир Каратаев вспоминал:

«...Поначалу в смерти туристов однозначно обвиняли манси. Многие из них прошли тогда через камеру предварительного заключения. Были даже предложения применить по отношению к ним пытки, как в 1937-м.

Но, к счастью, до этого не дошло...»

Лично я очень уважаю мнение следователя Владимира Каратаева, но некоторым манси события того времени запомнились все-таки несколько иначе. Например, манси Николай Анямов, проживавший в 1959-м не вдалеке от Ушмы, неоднократно рассказывал:

«...Приезжали вооруженные люди, выгоняли семьями вместе с детьми на мороз, пока не расскажем, как туристов убили. А это не мы...»

Не правда ли, весьма характерный стиль работы с подследственными? На мой взгляд, тут предельно явно проглядывает школа эпохи НКВД и ГУЛАГа.

Также хорошо известно, что следователь Лев Иванов интересовался возможным участием в убийстве туристов каких-нибудь беглых заключенных. Только вот не было в тот период никаких побегов из ивдельских лагерей. Да и что делать беглым зэкам в зимних горах? Причем сразу же за хребтом начинаются владения ПермьЛАГа, брата-близнеца нашего ИвдельЛАГа. Какой же смысл зэкам бежать туда совершенно добровольно, да еще и с изрядным риском для собственной жизни?

Короче говоря, списать гибель туристов ни на манси, ни на сбегавших из под стражи заключенных следственной бригаде так и не удалось. А наверное, им этого очень даже хотелось. Лично я вообще удивляюсь, что в то время «специальные товарищи» не организовали какой-нибудь ложный побег зэков только для того, чтобы абсолютно чисто замести все следы трагедии...

Зато о возможной причастности к гибели туристов представи-

телей контингента «чека» никто из следователей почему-то даже и не вспоминал. Но ведь именно «чека» были в то время прекрасно вооружены и пользовались практически неограниченной свободой перемещения по всей территории ИвдельЛАГа.

Не правда ли, очень даже странно? Хотя странно ли?

Это ведь именно МВД относится в нашей стране к самой неподсудной категории населения. Вспомните сами: много ли преступников в милицейских погонах получают у нас заслуженное наказание? А что, разве никто из моих читателей никогда не встречал на городских улицах подвыпивших милиционеров? Попробуйте сами обозвать их «пьяными козлами». Знаете ли вы, где после этого окажетесь и скольких лет вольной жизни вам это будет стоить?

Ведь милицейская система свой сор из избы не выносит и своих собственных преступников никому и никогда не сдает.

Догадывался ли о подобной возможности следователь Лев Иванов? Лично мне кажется – наверняка. Причем, скорее всего, он не только догадывался, но даже и неосторожно поделился

своими догадками с кем-то из своего ближайшего окружения. А в итоге вполне возможно, что именно из-за этих самых догадок его регулярно учили правильному поведению не только в Свердловском обкоме партии, но даже и в Москве.

Правда, при этом не очень понятно лишь одно: что забыли в глухой зимней тайге доблестные представители «чека» и зачем они направились охотиться именно туда? Почему же им дома-то не сиделось?

Вопрос этот далеко не праздный, и для тех, кто не знаком с менталитетом отечественных военнослужащих, необходимо немного приоткрыть одну из наших многочисленных государственных тайн.

Как вы думаете, чем был занят в свое законное свободное время любой советский офицер, который нес боевое дежурство на какой-то «точке», вдалеке от остального цивилизованного мира? Правильно – ничем. Вполне возможно, что где-нибудь там, «за далеким бугром», эта проблема как-то и решалась. Но вот у нас в эпоху бывшего СССР

о внеслужебном времени кадровых военных думали, наверное, только на киноэкранах. Похоже, до сих пор так и считается, что никакого свободного времени у офицерского состава быть не должно. Но такое свободное время, к огромному сожалению любого армейского начальства, все-таки существует. Правда, начальники всех уровней, в меру своих сил, с этим фактом отчаянно борются, хотя и совершенно безуспешно. Ведь любой офицер – тоже человек.

Вероятно, и до сих пор каждый военнотружущий решает подобную проблему самостоятельно – либо в одиночку, либо в дружеской паре, либо в каком-то небольшом коллективе. Как именно – догадайтесь сами. Конечно, у некоторых счастливых рядом находится семья, но таким просто повезло. Ведь подобная удача улыбается далеко не всем. Наверное, именно поэтому на самых глухих режимных «точках» всегда находится очень много офицеров, ставших за время службы заядлыми рыбаками и охотниками. Красота и первозданность безлюдных мест тут абсолютно ни при чем – просто никаких других занятий здесь нет.

А в итоге летом – рыбалка, а зимой – охота. Все было бы хорошо, но необходимо честно признать, что подобная деятельность отечественных военных, к сожалению, не имеет абсолютно ничего общего с установленными в нашей стране правилами охоты или рыбалки. Ведь кадровые офицеры активно используют и вездеходы, и вертолеты, и табельное автоматическое оружие, и много чего еще...

А догадываетесь ли вы, как нередко организованы подобные мероприятия?

Прежде всего, отряд «охотников» вооружается тем, что может максимально эффективно поражать любую движущуюся живую цель. Вполне естественно, что в армейской среде тривиальная двустволка 16-го калибра коти-

руется далеко не так высоко, как у гражданских охотников.

Затем «охотники» запасаются «жидким боезапасом» – либо водкой, либо штатным армейским спиртом. Его количество напрямую зависит от программы предстоящей «охоты»: либо сколько каждый сможет «унести на себе», либо сколько «потянет» ближайшая офицерская зарплата, либо «сколько войдет» в машину обеспечения. И так далее...

А после этого начинается самое страшное. Ведь по мнению любого егеря, охотоведа или инспектора рыбнадзора, именно наши военные издавна являются наиболее безнаказанными из всех возможных браконьеров. Попробуйте сами догнать боевой вертолет на мотоцикле или обычной моторной лодке. При этом зачастую стрельба ведется по всему тому, «что движется», а о проблеме сбора своих охотничьих трофеев военнотружущие иногда вообще не задумываются.

Вот такая армейская охота...

Теперь же, давайте попробуем разобраться, что представляли собой в 1959 году военнотружущие подразделений ИвдельЛАГа. Заранее прошу прощения у тех, кому мои рассуждения покажутся обидными и оскорбительными.

Итак, Великая Отечественная война закончилась еще в 1945 году. Конечно, с тех пор прошло уже целых 14 лет, но все-таки очень многие офицеры, особенно те, кто к концу 50-х дослужился до уровня капитанов и майоров, были просто обязаны застать на службе не только мирное время, но и грозные военные годы.

А ведь в системе ИвдельЛАГа никогда не служили интеллигентные столичные милиционеры, которых регулярно демонстрировали нам в кино 50 – 60-х годов «при белых кителях». На зоне были свои законы...

Так и тут – многие местные «чека» изначально были вос-

питаны еще на охране врагов народа, предателей родины, вредителей, военнопленных, кулаков, перемещенных лиц, а также всего остального контингента «зэка» того времени, включая настоящих бандитов и уголовников. Совершенно не исключено, что некоторых офицеров МВД тех лет война застала в каких-нибудь прифронтовых районах СССР, и им самим довелось лично поучаствовать в жестокой борьбе с паникерами, дезертирами, шпионами и реальными диверсантами.

Так что приказ «расстрел на месте» наверняка был знаком очень многим.

Согласитесь, что подобный жизненный опыт накладывает заметный отпечаток на психику любого человека. Задумайтесь хотя бы о судьбе наших современников и ваших личных знакомых, прошедших через Афганистан или Чечню.

Хотя зачем же нам с вами вспоминать годы той далекой войны?

Ведь в 1959 году, после смерти отца всех народов и расстрела Лаврентия Берии, не прошло даже еще и шести лет. Что же касается знаменитых «чисток» правоохранительных органов, которые проводились с целью «восстановления норм социалистической законности», то они закончились еще на два-три года позднее.

Но ведь вплоть до 1954 года нарушение этих самых норм как раз и было истинной нормой для всей системы ГУЛАГа. Почитайте мемуары бывших политических заключенных и убедитесь сами, что таких, кто ничего не нарушал, среди «чека» было крайне мало. Вполне естественно, что и в период «чисток» были наказаны далеко не все из тех, кто этого вполне заслужил. Как всегда, пострадал наверняка лишь тот минимум сотрудников «чека», на которых удалось списать наиболее явные из нарушений, чтобы затем благополучно спрятать все концы в воду. Так что, к моменту похода дятловцев, осо-

Палатка туристов УПИ после ее частичной раскопки. Около палатки: Юрий Коптелов и Владистав Карелин. Интересно, а если бы этой «подсказки» на склоне не было, то как бы поисковики смогли обнаружить тот район, где следовало искать тела погибших?

бенности обращения с врагами народа, мнимыми шпионами и перемещенными лицами должен был прекрасно помнить не только весь офицерский состав ИвдельЛАГа, но даже и многие из обычных сержантов.

Другими словами, контингент военнослужащих правоохранительных органов в 1959 году был еще тот...

И вот представьте: всего каких-то три или четыре года назад при одном виде любого из сержантов ИвдельЛАГа вздрагивал каждый, даже самый отъявленный представитель подвида «зэка». Любый сержант «чека» был тогда для любого «зэка» почти наместником Бога на Земле!

Об офицерах МВД я уж даже и не говорю...

А теперь, в 1959 году, какие-то «городские молокососы», случайно встретив в тайге группу привычно отдыхающих военнослужащих, позволили себе не только «выпендриваться» перед представителями некогда всесильного «чека», но, вероятно, еще и стали упрямо гнуть свою собственную линию поведения.

Мало того. Вполне возможно, что туристы даже набрались наглости и сделали военным браконьерам какое-нибудь обидевшее их замечание.

Да разве могли «чека» такое вытерпеть?!

Самое любопытное заключается в том, что вплоть до начала поисковых работ истинные виновники трагедии, похоже, даже и не догадывались о возможной гибели туристов, которых они всего лишь «как следует проучили».

Другими словами, нелюди, вынудившие полураздетых дятловцев покинуть свою палатку и искать спасения в таежной долине Лозьвы, впоследствии нисколько не интересовались их дальнейшей судьбой. Она их вообще не волновала! Иначе, по свежим вчерашним следам, они обязательно бы обнаружили за перевалом девять замерзших тел. А ведь исчезнувших туристов в любом случае стали бы активно искать – уж это должен был прекрасно понимать каждый из виновников трагедии. Значит, если бы бандиты в погонах убедились в том, что совершили убийство, они обязательно бы попытались замести следы своего преступления. Например, хотя бы убрать с открытого склона горы Холатчахль ту самую па-

латку, по которой, собственно говоря, Михаил Шаравин с Борисом Слобцовым и обнаружили район гибели группы.

Но заниматься этим, похоже, никто из браконьеров даже и не пытался...

А представьте хотя бы на миг, что палатки на склоне не было. Ведь без подобной «подсказки» обнаружить девять замерзших тел в какой-то не известной никому точке огромного района поисков было практически нереально.

Получается, что «охотники» не только спокойно вернулись из тайги домой, но, вероятно, еще и успели похвастаться перед некоторыми сослуживцами в том, что «классно проучили настырных горожан».

Наверное, даже еще не раз посмеялись: теперь другим неповадно будет...

Но именно тут у них и возникли неожиданные проблемы. Ведь вскоре после 17 февраля начались тревожные телефонные звонки из Свердловска в Вижай, а уже 19 февраля для организации поисково-спасательных работ в Ивдель был направлен и официальный представитель УПИ – полковник Г. С. Ортюков.

Выяснилось, что те самые «нахальные туристы» из похода не вернулись!

Однако теперь-то скрыть следы преступления было уже невозможно, ведь весь район поисков оказался «под колпаком». Мало того, непосредственное начальство «охотников» не могло не знать, куда именно ездили их подчиненные. Такая уж здесь своеобразная специфика района. А тут еще и весьма настойчивые слухи об их стычке с какими-то свердловскими лыжниками. Для того, чтобы понять суть дела, вовсе не надо было обладать исключительным логическим мышлением или большой фантазией.

Попытаться скрыть подобные факты – нечего было и думать. Каждый знает: около любого

начальника всегда найдутся доброжелатели, которые метят на его место и готовы сообщить обо всех проступках «куда следует», да еще со своими собственными комментариями. Значит, докладывать вышестоящему руководству необходимо максимально оперативно, а там уж – будь что будет.

Именно так информация о ЧП на Северном Урале и должна была достаточно быстро докатиться до самой Москвы. При этом, учитывая неординарность ситуации, вне всяких сомнений строжайше соблюдались два железных принципа.

Во-первых, до особого указания свыше никто никаких документальных следов на бумаге не оставлял. Мало ли что.

Во-вторых, количество лиц, осведомленных о происшествии, было предельно минимальным.

Конечно, об истинных причинах, повлиявших на принятие Москвой непростых решений 1959 года, мы с вами никогда и ничего не узнаем.

Тем не менее, если бы в списке конкретных виновников трагической гибели туристов УПИ фигурировали только никому не известные обычные офицеры «чека», то на мой взгляд, их без всяких сомнений спокойно отдали бы в руки военной прокуратуры. Зачем было лишний раз нагнетать недовольство в народных массах, когда власти могли без особого труда продемонстрировать населению свою честность и принципиальность? Ведь публично наказать реальных преступников в этой ситуации было проще всего.

Почему же этого не произошло?

Конечно, вполне возможно, что кто-нибудь из «охотников» пользовался особым покровительством какого-то очень высокого начальства и даже являлся чьим-то близким или дальним родственником. Ведь во времена уже упоминавшихся чисток правоохранительных органов многие большие начальники успешно спасали от заслужен-

ного наказания «своих людей» именно на дальних точках типа лагерей КировЛАГа, ПермьЛАГа и ИвдельЛАГа.

А может быть, в составе «охотников» активно отдыхал и какой-нибудь высокий столичный гость, и это именно он посоветовал своим товарищам по оружию «проучить зарвавшихся нахалов»? Кстати сказать, в подобном случае «охотники» вполне могли добираться до верховий Ауспии не на лыжах, а на вертолете. Правда, едва ли следы такого «боевого вылета» могли сохраниться до сих пор в каких-то полетных документах.

Также не исключено, что высоких столичных покровителей имел и кто-нибудь из непосредственных начальников провинившихся «охотников». Ведь по знакомому всем нам принципу наказывать требовалось не только главных виновников ЧП, но и всю цепочку ближайшего руководства.

Так что здесь были возможны варианты...

При этом понятно, что если бы происшествие предали огласке, то наказывать пришлось бы абсолютно всех его участников. Если же требовалось даже кого-то одного оставить в тени, то тогда все виновники трагедии должны были выйти сухими из воды. Промежуточных вариантов просто не было.

Во всяком случае, Москва приняла такое решение, какое сочла нужным.

Правда, к этому моменту поисково-спасательные работы фактически уже начались, и повлиять на их ход было крайне проблематично. Пришлось вспомнить старый надежный армейский принцип: «если пьянку невозможно предотвратить, то ее следует возглавить».

Вот и получается, что не было никакой инициативы областных властей для привлечения военных к поискам пропавших туристов. Все происходило совсем иначе – это сами военные по своей собственной инициативе активно подключились к спаса-

тельными работам. Ведь только таким образом любые действия гражданских поисковиков могли оставаться под неусыпным контролем армейских структур.

Именно поэтому в небе Северного Урала регулярно летали военные вертолеты.

Именно поэтому отряд капитана Чернышова был заброшен под гору Отортен еще тогда, когда о гибели дятловцев никто из поисковиков ничего не знал.

Зато капитану госбезопасности Чернышову, вполне возможно, было заранее известно, где следует искать палатку пропавших туристов. Только вот говорить кому-нибудь об этом он не имел никакого права, ведь по разработанному «наверху» сценарию поисков гражданские спасатели должны были обнаружить эту палатку совершенно самостоятельно. А от капитана требовалось лишь внимательно следить за ходом поисковых работ, осторожно прощупывая при этом настроения всех участников поисков...

Конечно, не имея на руках никаких реальных документов, пытаться доказывать что-либо по прошествии пяти десятилетий совершенно бессмысленно.

Тем не менее лично мне было бы весьма любопытно взглянуть на архивы перемещения офицерских кадров ИвдельЛАГа в 1959 году. Ведь если в Москве действительно решили не предавать дело огласке, то конкретных виновников гибели группы Игоря Дятлова по неофициальной армейской традиции тре-

бовалось спровадить как можно дальше от Ивделя, причем в самые кратчайшие сроки.

Как это у нас традиционно водится – быстренько с глаз долой.

А в случае чего, на любые каверзные вопросы всегда можно было отвечать дежурной фразой:

- Так они же у нас больше не служат...

Из этого следует, что буквально в марте-апреле 1959 года несколько хорошо знакомых между собой офицеров, проходивших службу в одной из зон на самом севере Свердловской области, должны были совершенно неожиданно разъехаться из ИвдельЛАГа по каким-то другим лагерям и тюрьмам нашей огромной страны. Могу лишь предположить, что наиболее провинившихся «чека» отправили охранять «зэка» в Якутию, на Чукотку и Магадан, а наименее виноватых – в Казахстан или Воркуту. Но обязательно – всех по совершенно различным местам, максимально удаленным друг от друга. Практика показывает, что именно так поступают в армии с теми военнослужащими, которые допустили какие-либо серьезные проступки, пускай даже они и действовали в строгом соответствии с Уставом, не совершив при этом никакого должностного преступления. Такова традиция.

Вероятно, в течении нескольких лет здесь также благополучно сменили и многих других офицеров и сержантов – всех тех, кто мог хоть что-то слышать

или просто догадываться о «подвигах» истинных героев событий 1959 года. Внешне все это выглядело как самая обыкновенная ротация командных кадров, и ни у кого подобный процесс не мог вызвать ни малейшего удивления.

А что же тогда было делать с простыми солдатами охраны – теми самыми казахами, киргизами или таджиками, которые обычно и охраняли многочисленных «зэка» по всем лагерям и зонам бывшего СССР? Именно тогда их всех и было принято относить к обидной теперь категории «чурок». Они ведь тоже вполне могли что-нибудь слышать из разговоров своих зачастую подвыпивших начальников. Однако сменить разом всех солдат срочной службы, даже в рамках какого-то одного конкретного гарнизона, было просто нереально.

Думаю, что именно по этой причине весь район и был закрыт для туристских походов на целых четыре года. Единственной целью этого непонятного никому запрета являлось исключение утечки любой реальной информации от «чека» к гражданским лицам. Но стоило только всем «срочникам зэка» демобилизоваться и вернуться домой в свои солнечные среднеазиатские республики, как все ограничения на посещение туристами района перевала Дятлова тут же были отменены.

Вот вам и еще одна подсказка к разгадке странных событий 1959 года.

И вот ведь что интересно: первоначально следователь Лев Иванов действительно всерьез прорабатывал версию умышленного убийства туристов.

Так, в своей книге «Цена гостайны - девять жизней» писатель Анатолий Гуцин приводит следующие воспоминания одного из участников поисковых работ, известного уральского путешественника Владислава Карелина:

«...В первые дни следствия Иванов говорил только одно: «Студенты погибли не своей смертью, это убийство». Мы же твердили ему об «огненных шарах». Но он был непреклонен. А потому старался, чтобы эта мысль попала в протоколы. И этого добился.

Примерно дней через десять после начала следствия Иванова отозвали в Свердловск, а затем командировали на несколько дней в Москву. И вот, когда он вернулся, мы его не узнали. Это был совсем другой следователь, который уже ничего не говорил ни про убийство, ни про «шары». А нам часто стал советовать одно: «поменьше трекайте языками»...

Так что реакция властных структур на инициативу следователя Иванова оказалась весьма оперативной, благодаря чему версия умышленного убийства была предана забвению еще на самой начальной стадии расследования.

Примечательно, что именно благодаря очевидцам «огненных шаров» многие поисковики крайне быстро позабыли о самой возможности нападения на туристов каких-то неизвестных вооруженных людей. Властям же это было только на руку. Более того, впечатляющие рассказы о фантастических «шарах» вкупе с таинственными недомолвками и неявными упоминаниями об исключительной государственной тайне, а также туманными намеками на опасные сверхсекретные испытания сработали просто замечательно и позволи-

ли надежно «запудрить мозги» не только туристам, но и практически всем остальным любознательным гражданам.

Конечно, в действительности никто не сомневался, что туристы УПИ погибли не своей смертью. Однако «специальные товарищи» очень настойчиво дали понять широким массам общественности, что трагедия группы Игоря Дятлова напрямую связана с какими-то крайне серьезными государственными интересами.

По тем временам этого оказалось вполне достаточно, и общественность постепенно успокои-

лась. Пускай и не так быстро, как того хотелось властям.

Главное, никто даже и не подозревал, что всех умело обвели вокруг пальца, направив ход расследования трагедии по заведомо ложному пути.

Характерно, что с тех самых пор и на протяжении многих лет практически для всех туристов версия «секретных испытаний» стала своеобразным стереотипом.

Причем известны достоверные случаи, когда в 60-х годах наиболее «разговорчивые» офицеры ИвдельЛАГа, вспоминая о гибели группы Игоря Дятлова, многозначительно заявляли:

- Ребятам просто не повезло, потому что они оказались не в то время и не в том месте...

И ведь все туристы, слышавшие такие утверждения, ничуть не сомневались, что речь шла именно о каких-то секретных испытаниях или о неудачном пуске очередной космической ракеты, о которых, вообще-то, «чека» ИвдельЛАГа в принципе не могли знать более того, что было известно и любым другим гражданам СССР. Зато к элементарному бытовому конфликту туристов с отрядом пьяных военных браконьеров подобные слова как раз могли иметь самое непосредственное отношение...

В дополнение к приведенным гипотетическим рассуждениям о возможной причине трагедии

1959 года мне хотелось бы напомнить читателям о совсем другом громком ЧП, самым непосредственным образом связанном с действиями наших отечественных правоохранительных структур. Правда, некоторые из моих близких друзей считают использование данного примера «явным перебором».

Риску с ними все-таки не согласиться.

Итак, речь идет о совсем недавнем случае, когда начальник ОВД «Царицино» майор милиции Денис Евсюков демонстративно расстрелял из нелегального пистолета ни в чем не повинных случайных ночных

посетителей столичного супермаркета «Остров».

Конечно, сейчас на дворе далеко не 1959 год, поэтому данное вопиющее преступление весьма активно обсуждалось не только всеми российскими СМИ, но и за рубежом. И ведь вот что выяснилось - даже в этой абсолютно очевидной ситуации следственная бригада усиленно пыталась брать с пострадавших пресловутые подписки о неразглашении, а также настоятельно рекомендовала ничего не рассказывать ни газетчикам, ни телевизионщикам.

В этой связи в СМИ особенно поучительно прозвучало следующее компетентное мнение:

«...Подписка о неразглашении берется только в двух случаях: либо когда речь идет о гостайне, либо когда пытаются скрыть информацию от общественности, что далеко не всегда обосновано интересами следствия...»

Надеюсь, все читатели понимают, что это – вовсе не мои слова. Это часть того интервью, которое было опубликовано в 22-м номере газеты «Собеседник» от 17 – 23 июня 2009 года. И дал это интервью не какой-то посторонний фантазер вроде вашего покорного слуги, а лично Михаил Пашкин – глава профсоюза работников милиции Москвы.

Кроме этого в его интервью прозвучала и другая не менее характерная мысль:

«...Очевидно, что в деле Евсюкова никакой гостайны нет. Что же касается угроз в отношении свидетелей и потерпевших – такое бывает, когда сверху поступило указание дело замять...»

Уважаемые читатели, у вас не возникает никаких аналогий с событиями полувекковой давности?

А ведь по сути, эти слова являются официальным мнением профессионального работника столичной милиции..

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Искренне благодарю всех тех, кому хватило терпения прочитать мое повествование до самых последних страниц. Тем же, кто остался недоволен, могу повторить еще раз: никаких доказательств своей сомнительной гипотезы у меня нет - одни только домыслы и догадки. Соответственно, я и не собираюсь настаивать на собственной правоте, а всем скептически настроенным читателям искренне рекомендую относиться к моим рассуждениям всего лишь как к детективным фантазиям. Правда, на мой взгляд, эти самые фантазии, привязанные к нашей повседневной жизни конца 50-х, покажутся многим обычным гражданам более понятными, чем любые НЛО, космические ракеты, пришельцы или лавины.

Что же касается своей собственной оценки событий 1959 года, то в этой связи мне бы хотелось еще раз напомнить всем читателям то мнение, которое когда-то было высказано Моисеем Аксельродом. Ведь для всех нас действительно самым главным является вовсе не та конкретная причина, из-за которой полвека назад погибли дятловцы. Нам важно, как именно они погибали и как самоотверженно боролись за жизнь своих товарищей по несчастью.

В конце концов, именно по этой причине память о группе Игоря Дятлова до сих пор живет не только в УГТУ-УПИ, но и далеко за пределами Екатеринбурга. Задумайтесь: разве мало других туристов погибло в нашей стране за прошедшие годы?

А кого из них будут вспоминать совершенно незнакомые им люди через пять десятилетий?

Нисколько не сомневаюсь, что еще с февраля 1959 года нашим старшим друзьям пришлось постоянно защищать светлую память о группе Игоря Дятлова от нападков множества чиновников и простых обывателей, бесконечно далеких от

проблем отечественного спортивного туризма. Ведь всем им было глубоко наплевать на классификацию наших маршрутов по категориям сложности, на постепенность накопления спортивными туристами походного опыта, на принципы работы наших маршрутных комиссий и на многое другое. Они даже и не собирались вникать в суть этих вопросов, ведь им было намного проще безапелляционно заявлять о том, что туристы УПИ плохо подготовились к походу по Северному Уралу и в своей гибели виноваты только сами.

Мне кажется, что именно по этой причине когда-то очень давно родилась известная теперь всем нам красивая легенда «о самой сильной туристской группе». Ведь иначе защитить дятловцев от обвинений дилетантов тогда было просто невозможно. Наверное, теперь и я сам тоже рискую вызвать всеобщее недовольство, но все-таки очень хочется выглядеть честным – как перед своими читателями, так и перед самим собой. Ведь в действительности группа Игоря Дятлова никогда не была самой опытной командой Свердловска. Исходя из опубликованных в печати воспоминаний о более ранних походах погибших туристов, можно легко сделать вывод о том, что лыжный опыт всех участников группы ограничивался лишь походами по Среднему, Южному и Северному Уралу.

Что же касается более серьезных гор типа Саян, Тянь-Шаня или Алтая, то их туристы посещали только летом. В достаточно больших зимних горах бывал лишь сам Игорь Дятлов, прошедший в феврале 1958 года по Приполярному Уралу под руководством того же Моисея Аксельрода. Конечно, для обычной студенческой туристской группы это был очень хороший опыт, и его было более чем достаточно для любого лыжного похода по Северному Уралу. Тем не менее,

зимой 1959 года в Свердловске насчитывалось уже как минимум 3 – 4 группы не только с опытом лыжных походов по Приполярному Уралу, но даже и с опытом зимнего Тянь-Шаня.

А ведь все эти районы намного сложнее, чем наш Северный Урал...

Безусловно, группа Игоря Дятлова была одной из наиболее опытных команд в УПИ, но едва ли они были сильнейшими даже и в своем собственном институте. Ведь в том же феврале 1959 года совсем другие туристы УПИ под руководством Сергея Согринна побывали на Приполярном Урале, где прошли лыжный маршрут с восхождениями на Саблю и Неройку. Читайте воспоминания Евгения Зиновьева. А ведь этот поход был намного сложнее маршрута, запланированного Игорем Дятловым в районе горы Отортен.

И все-таки, на мой взгляд, наиболее важный нравственный урок страшной трагедии 1959 года как раз и заключается в том, что погибшие туристы УПИ действительно никогда не были «самыми-самыми». Они были точно такими же, как и все остальные, другими словами - буквально как мы с вами. Конечно, при обсуждении вопросов спортивного туризма я никогда не смогу быть полностью объективным. Прошу прощения. Но все-таки я глубоко убежден, что только наш вид спорта воспитывает в человеке тот самый прекрасный набор редких по красоте качеств, которые наглядно продемонстрировали всем нам дятловцы в своем последнем походе.

Очень хочу надеяться, что в любой по-настоящему сложной и опасной жизненной ситуации многие из нас поведут себя точно так же порядочно и достойно. Именно так, как поступили наши старшие товарищи, погибшие полвека назад на Северном Урале.

Мертвец и труп

Уроды, блин, козлы!

Им как лучше хочешь, а им пофиг. Ну, хочешь как лучше, как лучше хочешь, чтобы всё было по-людски. А только никому это не надо, живут все хрен знает как и не понимают, что жить надо по-людски. Им хочешь как лучше, а им это не надо, ну и пусть тогда тупо жрут своё говно. Может, нажрут, тогда допрёт, что можно по-людски, что вообще жизнь бывает очень даже хорошей. А только неумогу уже терпеть, что все такие уроды и ни хрена не понимают, что можно по-людски, совсем неумогу, вот здесь уже стоит.

Поэтому сквозь оградку и на дорогу, и пусть они там тупо жрут своё говно, пока, блин, не поумнеют и не поймут, что по-людски можно. А что ещё делать-то?

Да только жрут, давятся и дохнут, и хоть бы один урод понял, что можно по-людски, им проще сдохнуть, чем понять, что хочешь как лучше, что можно жить хорошо. Да все до одного, блин, передохнут, а лучше жить не захотят, сволочи, уроды, блин, козлы.

Но делать-то что-то надо, а то даже не задумаются ни разу. Живут ведь, не думают, тупо живут, как бараны — так может, хоть на испуг кого пробьёт, может, образумится хотя бы кто, поймёт, что не дело так жить. А так ведь хрен пробьёшься, хрен ты до них достучишься, до баранов этих, блин, уродов.

В общем, иду по дороге, а навстречу очередной, блин, урод. Наверняка бухой — а какого хрена трезвый будет ночью по дороге шастать? Алкоголик хренов. Урод. Живёт хрен знает зачем, так и сдохнет, и ничего не поймёт, блин, уродина хренова. Ну как ты ему объяснишь, что жить можно хорошо, что по-людски можно жить? Вот разве что на испуг и возьмёшь, они же все непробивные, кругом тупость одна. Да и

вообще, я им их же говно и возвращаю, по жизни знаете сколько накопил? Со всех сторон на меня лилось, сначала терпел, толку не было — значит, надо как-то пробиваться через это всё дело, надо вообще этим всем объяснить, как-то достучаться, да просто показать, как они все живут. Просто показать. Только показать, только достучаться, чтобы очухались, чтобы жили по-людски.

Ну вот, идёт один такой. Я его, естественно, пугать. Ну, известное дело, чего эти уроды боятся, вот этим, значит, и пугать. Но этот не из пугливых — то ли совсем бухой, то ли непробивной напроць, как деревяшка, да вообще, может, и то, и другое. Идёт такой, всё ему, типа, пофиг, и меня он в упор не видит, не слышит, и всё у него, типа, в шоколаде, и вообще он обоссаться как счастлив по жизни своей. А то, что жить можно иначе, по-людски можно жить, ему больше всего пофиг, уродина, блин.

Я тогда говорю, не мужику этому говорю, а скорее сам себе, от усталости: да ну тебя, мужик, тебе всё пофиг, так и сдохнешь уродом.

И вдруг — как лопатой по затылку — он мне — представляете?! — отвечает: мол, нет, не всё.

Я чуть на землю не сел от такой заявы. Хотя чего там, заява и вправду сильная. Если не всё, то он, типа, не такой уж непробивной, может, не всё ещё потеряно, может, не такой уж он и урод, и вообще, может, с ним по-людски можно — может, с ним одним только по-людски и можно вообще?

Я тогда говорю: а что тебе не пофиг, мужик? А он отвечает — как ещё раз лопатой по башке — мол, ты мне не пофиг. Ну, тут я совсем сел. Я, может, первый раз в жизни такое и услышал. Причём утром чую, что искренне.

Я тогда спрашиваю: да ты, ваще, знаешь, кто я такой?

Алхутов Сергей Михайлович родился 3 июля 1968 года в Москве. Окончил биолого-химический факультет Московского областного пединститута, учился в аспирантуре по специальности «генетика». Однако науку и преподавание в школе по разным соображениям бросил. Испытал себя на разных работах; самый большой стаж — в промышленном альпинизме (с 1996 года). Осознал себя писателем с конца 90-х годов. С 2005 г. — член Союза писателей Москвы. С того же года — главный редактор литературного интернет-журнала «Точка зрения».

И в третий раз как лопатой по башке: а ты, мол, сам-то это знаешь?

И я расклеился. Говорю ему как на духу: да знаю, блин, я полный урод, по жизни никому ничего доказать не смог, сам уже не верю. А он: а что, мол, ты доказывал? С интересом так спрашивает, по-честному. Я и отвечаю по-честному: да что жить надо по-людски. И он тогда: а кому доказывал? И я: да всем, блин, до одного. И он: а кому первому?

Вот это, блин, вопросик. И я задумался, крепко задумался. Такие вещи ведь и от других бережешь, и от себя потом начинаешь беречь, сам же потом и забываешь. Но знаю, знаю я, конечно, всё, это ж не забывчивость, это типа трусость, всю жизнь на этого первого оглядываешься, чтобы он не узнал, хотя он сам уже сто лет как помер, а так, если без оглядки, то всё на свете знаешь, вообще всё. Ну, тут я чувю, что бояться нечего, что нормальный мужик-то, ничего в нём от того самого, не к ночи будь помянут, вроде как и нету, честный какой-то мужик, что ли. Не сдаст.

Поэтому так прямо ему и говорю: отцу. Отцу первому доказывал.

И знаете, сразу как-то легче стало.

А он дальше: ну и что, мол, не вышло? И я, печально: ага, не вышло. А он: а отец что? А я: да что отец — урод он, вот он кто. И он, тоже печально: да-а, дела-а.

И от этой разделённой печали становится мне вдруг грустно и хорошо.

А он, гад, но хороший гад, свой — он, гад, всю грусть мою ломает. Спрашивает: слышь, мол, а тебе твои дети что доказывали?

И вот тут я понял: нет, ни фига, не всё знаешь, даже есть и такое, чего вроде не боишься знать, а всё равно не знаешь, просто потому что по жизни мимо этого как-то проехал. Никогда ведь на детей с этой стороны не смотрел. Да и на кого я вообще с этой стороны смотрел-то?

И оттого, что нечего даже и подумать, говорю первое, что в голову приходит: неужели, мол, что жить надо по-людски?

А он мне говорит такую, знаете, вещь ободряющую: мол, всё сам знаешь, с головой у тебя порядок. А потом говнецом разбавляет: мол, небось, детей тоже уродами всю жизнь считал? И я, даже с усмешкой на себя: ну, да.

А потом мужик опять всё это ободрение ломает и усмешку ломает — и уже не спрашивает, а прямо так и говорит. Говорит, мол: вот ты, мужик, говоришь, что ты полный урод, по жизни никому ничего доказать не смог, сам уже не веришь. Твои слова? Твои, не отпирайся. И согласен, что детей своих всю жизнь уродами считал. А они тебе доказывали, что жить надо по-людски. А ещё ты говоришь, что отец твой урод. Тоже ведь твои слова, так? И ты ему доказывал, что жить

надо по-людски. А знаешь, я, наверное, говорит, не шибко совру, если допущу, что отец твой твоему деду тоже доказывал, что жить можно по-людски. И тоже не доказал. Так знаешь, что я тебе скажу? Это всё как-то повязано, а когда повязано, можно ведь за любую ниточку дёргать, лишь бы распуталось. Вот ты всю жизнь хотел, чтобы твой отец жил по-людски, хотел доказать ему, что так можно. И не доказал. И ты при этом урод. Ты, значит, всю жизнь за одну ниточку тянул, доказывал, а оно только запуталось, сам стал уродом. Вот теперь и потяни за другую: никому ничего не доказывай. Вот и уродом быть перестанешь. Заодно, кстати, и не надо будет другим тебе ничего доказывать.

В общем, он меня здорово запутал, если не сказать, совсем загрузил. Я ему так и говорю: не врубился, ты как-то сложно всё объясняешь, мутно. А он: ты и не врубайся. Я тебе ничего доказать не хочу, потому что ты нормальный мужик, сам всё понимаешь. Хитрые слова: вроде приятно, доверие там, уважение, а всё равно ни хрена не понятно, что я такого сам всё понимаю. Что-то, наверное, должен, если он так говорит.

А он дальше: ладно, мол, не парься, давай я тебе лучше байку расскажу. Типа теорию. Знаешь, чем труп отличается от мертвеца? Я говорю: не-а, не знаю. А он мне: а ты знаешь, почему «труп» в русском языке слово неодушевлённое, а «мертвец» — одушевлённое? Почему говорят: закопайте труп, и говорят: закопайте мертвеца? И почему не говорят: закопайте трупа, и не говорят: закопайте мертвец? Я: и почему? А он: вот, слушай.

Всё это неспроста. Труп — это такая штука, у которой души нет вообще. Это вещь, понял? А мертвец может быть вполне себе одушевлённым, и душа у него есть, никуда она не девается. Никто поэтому не говорит, что трупы людей по ночам пугают, а говорят, что людей по ночам пугают мертвецы. Труп ничего хотеть не может, а мертвецы чего-то хотят.

Я: ну, и чего? И он: ну, ты дальше, мол, слушай.

Каждый человек рождается более-менее мертвецом. У него есть душа, он чего-то хочет, может пугать людей. А дальше у него две дороги: он может стать либо совсем человеком, либо превратиться в труп.

Я спрашиваю: а совсем человеком — это как? А он: ты сперва послушай, что значит быть мертвецом.

Мертвецы — они по жизни всегда хотят одного и того же. То есть, может, и разного, в смысле, много чего, но если уж хотят, то всё время хотят. Почему так? Да потому, что никак не могут это сделать, поэтому успокоиться не могут. Небось, слышал истории про привидений? Те и есть настоящие мертвецы: тоже всё время чего-то хотят и успокоиться не могут, потому что

никак не могут это получить. Или вот, скажем, сексуальные маньяки — натурально, мертвецы. Если бы они хотели трахнуть, они бы трахнулись и успокоились, а так нет же — трахнулись и ещё хотят, и хотят, и хотят. Натурально, мертвецы и есть. Или ещё эти, которые положения в обществе хотят. Карьеристы. Тоже мертвецы. Властолюбцы — тоже мертвецы. Жрут они, что ли, эту власть? — как проваливается сквозь них. Да, в общем, любой живой по сути своей немножко мертвец — хотя бы потому, что хочет поест, а когда поест, то снова хочет. Вот, кстати, с дыханием — это не совсем то, нельзя сказать, что человек хочет дышать — он просто дышит, и всё. В общем, безо всякого желания. Типа не застревает на этом, что ли. Кстати, если человек просто ест, так просто, без особого голодняка, то он вроде как в этом смысле не мертвец. Если, в смысле, не застревает он на пище этой. А вообще, говорит, не знаю, может, есть и дыхательные маньяки, которые всё время дышать хотят. Не встречал. Наверное, прикольно.

Я: наверное, прикольно, ну а дальше-то что? Что такое этот твой совсем человек? И он: ну, стало быть, если захотел, сделал и больше не хочет — это и есть живой человек.

Я ему: что-то ты, мужик, темнишь, опять грузишь. Вроде как получается, пока этот твой совсем человек хочет, он как мертвец, а когда сделал и уже не хочет — он как труп. А мужик мне: ну да, так и есть. Вся жизнь — это превращение мертвеца в труп. Только порциями. Хотя есть вроде и одноразово, это называется «дело всей жизни» — когда человек хочет по жизни одного, толковый словарь написать или оперу «Князь Игорь». Только не всегда успевают закончить, а жаль — после формальной смерти так и остаются обычно мертвецами. Вон, Бородин до сих пор пишет, хотя его друзья уже сто с лишним лет как за него закончили.

Я его спрашиваю: а формальная смерть — это как? Он: это дата на могиле. Я: а-а, понятно, а только всё-таки что-то неясно мне. Вот, например: слово «покойник». Вроде слово в русском языке выходит одушевлённым, а только не зря он покойник — он потому что успокоился, поэтому и покойник, он вроде никого не пугает и ничего не хочет.

Мужик мне на это: здраво мыслишь. Только забываешь, что люди мертвецов боятся, а значит, уважают, ну, там, задобрить стремятся. И называют их аккуратно: покойники. В расчёте на то, что те и вправду ничего не будут хотеть и станут трупами, но и с оглядкой, что пока вроде как хотят и трупами не стали. Это, знаешь, такая хитрая манипуляция загробным миром. Мертвец поверит в то, что он покойник, и станет трупом. А когда мертвеца трупом назовут — кому ж это понравится? В смысле, какому мертвецу?

Вроде вещь обзовут, без уважения. Тут, знаешь ли, напрямую действовать нельзя.

Я: ну ладно, а что-то у меня ещё не складывается насчёт двух путей мертвеца. Как это мертвец может стать совсем человеком, если совсем человек — это дорога от мертвеца к трупу?

Он: ну, тут совсем всё просто. Если мертвец не знает, что он дорога к трупу, то он совсем человек. А если знает, то он уже, считай, труп. Таких мало — вот, например, будда Гаутама. Слышал про такого? Я: ну да, краем уха слышал. Он: ну вот. А так обычно мертвецы только перед формальной смертью понимают, что к чему, и превращаются в трупы совсем незадолго до формальной смерти. И то редко, не всегда.

Я ему: ну ладно, всё вроде понятно, а только чего это ты всё: «формальная смерть», «формальная смерть»? Не проще сказать просто: «смерть» — и всё? И он: проще, но это будет неправильно. «Формальная смерть» — это термин. А то в том, какую смерть имеешь в виду, можно и запутаться.

Я: ну ладно, убедил. Он мне: блин, мужик, ни в чём я тебя убеждать не собирался, ты сам убедился, значит, сам этого хотел. Ты теперь-то понимаешь, что был мертвецом? Я: умом понимаю, а поверить всё равно не могу. Он: ну, твоё дело, хозяин-барин. Моя теория больше для ума. Ты, это, в общем, если хочешь людей по ночам ещё пугать — пожалуйста, пугай, тебе решать. Может, кому чего и докажешь. Я ему отвечаю: да пошёл ты. Но отвечаю безо всякой злости.

В общем, здорово этот мужик меня успокоил. Стало хорошо. По-людски как-то стало, что ли.

Он через плечо глянул и говорит: ну ладно, мне пора, меня вообще-то дома ждут. Бывай, мужик, сам всё решай. И ладонь протягивает. И я ему, как другу. И ладонь сквозь ладонь прошла, только ветерок.

Ну, пошёл себе мужик, да и мне тоже пора уже было — на востоке занялось. И я тоже пошёл себе. Оглянулся — мужик сворачивает напрямиком в кладбищенские ворота. Ну, думаю, ни фиги себе!

И когда вернулся — на всякий, знаете, случай глянул на дату. Глянул и подумал: у меня ведь по жизни не было привычки интересоваться формальными вопросами. Паспорт в срок поменять не мог никогда, квиточки эти грёбаные за свет, за телефон заполнить толком не мог.

Наверное, что-то всё-таки этот мужик во мне поменял, если так уж я заинтересовался своей формальной датой. Наверное, все эти темы — про одушевлённое-неодушевлённое, про манипуляцию загробным миром с помощью одного слова, особенно вот про «закопайте мертвец» — всё это не просто так. Темы-то, как ни крути, формальные.

Ефим ГАМАЮНОВ

Двуручный зонт за спиной

– Ой, извини! – ойкнул пацан. – Не больно? Как можно было столкнуться в почти пустом книжном магазине? Ума не приложить!

Она улыбнулась и подмигнула:

– Да нет, все нормально.

Рот пацана растянулся до ушей. Оттого, что подмигнула? Почему-то хотелось в это верить.

Пацан как пацан, тощий, нескладный, в майке с черепами и надписью «по-иностранному», в черных джинсах. Лохматый, со светлыми серыми глазами. Кольцо в ухе. Года на три, наверное, младше. В ухе наушник от плеера, а в руках зачем-то огромный темно-синий зонт.

– Боишься промокнуть? – спросила она.

– Да не, это... в общем, – смутился пацан.

– А, – она чуть дернула плечами – Ну, ладно, мне пора. Пока.

Она повернулась и направилась к выходу.

– Эй, – окликнул пацан. – Ты это, телефон забыла...

Она усмехнулась и тряхнула головой – отстань! Но он тут же догнал, забежал вперед.

– Да нет, ты забыла у кассы, – и протянул ее «Мото».

– Ой, спасибо. – она удивилась, – А я подумала, ты клеишься просто. Как я его могла забыть? Странно. Наверное, когда деньги доставала. Я жду одного звонка, очень важного. Так что большое тебе спасибо.

– Да я знаю, – кивнул он. – Не за что.

Она пошла к двери, чувствуя на себе его взгляд. Станный какой-то. По такой жаре с зонтом. Вообще какой-то весь неправильный. Длинный, лохматый. И на зубе щербинка.

И ужасно, неизвестно почему, симпатичный.

Работа во второй половине летнего дня тянется невыносимо. Посетителей в поликлинике было мало, а у Таисии Петровны, детского педиатра, не было совсем. И она засобиралась домой.

– Я побегу, Танечка, у сына день рождения. А ты, если не очень затруднит, посиди еще с полчаса. На всякий пожарный. Если что серьезного – звони на мобильный.

– Конечно, Таисия Петровна, идите, – с легкой завистью в голосе сказала она. – Веселитесь по сильнее.

– Ох, куда уж там, какое веселье. Скоро гости придут, а ничего еще не готово.

Дверь закрылась, и Таня осталась одна в душном кабинете. Прямо наказание какое-то!

Хорошо, что Димка сегодня позвонил. Всего через два дня приедет, соскучился и сильно-сильно целует. А если бы она потеряла сегодня телефон в «Доме книги»? Хорошо еще, что тот пацан вовремя заметил. И себе не оставил, а мог бы: кто нашел, того и телефон. Теперь так.

Как же она все-таки любит Димку! Странно признаваться себе в этом, но это так! Сколько они уже вместе, четыре года? Пять? Ужас! А она все еще... словно в первый день. А он, интересно... Хотя и так знала... И еще как!

В дверь постучали, в приоткрывшуюся щель протиснулась лохматая голова.

– Можно?

– Ты? – удивилась Таня. – Можно, только врач уже ушел.

– Да я знаю, – пацан, все еще со своим огромным зонтом, висющим теперь за спиной, протиснулся в кабинет и закрыл дверь.

– А зачем тогда пришел? – спросила Таня и чуть нахмурила брови.

– Жарко, – невпопад ответил он.

– И что дальше?

– Я подумал, может, ты мороженого хочешь. Вот.

Он снял зонт и достал из него четыре запечатанных пакета: «Лакомку», «Рожок», «Гулливера» и «Снеговика с клубникой».

– Не знаю, какое тебе больше нравится.

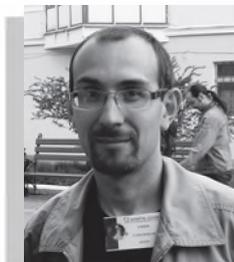
– И взял много?

– Не, не много. Просто всякого. Чтоб уж... какое ты любишь?

Вот тип! Она посмотрела на мороженое, потом на пацана. Ну и тип! И вроде на наглого «не тянет».

– «Лакомку».

– Держи, – он протянул «Снеговика», спохватился, хотел было поменять, но она уже взяла прохладный пакет...

Гамаюнов Ефим Владимирович родился в в 1976 году в г. Петровске Саратовской области. Окончил Самарский колледж связи. Работает программистом в Петровском филиале СГСЭУ. Писать начал давно, публиковаться – с 2006 года. Рассказы печатались в сборниках «Аэлита» (2004, 2005), «Настоящая Фантастика – 2009», «Словесность – 2008», журналах «Полдень 21 век», «Уральский следопыт», «Порог», «Знание Сила. Фантастика», «Просто фантастика» и на DVD-приложении к журналу «Мир фантастики».

– Ты что, следил за мной? – спросила Таня как можно строже, хотя губы сами растягивались в улыбку.

Почему она сказала «Лакомку»? Ведь хотела именно «Снеговика», и непременно «с клубникой»...

– Нет, конечно.

– Скажи еще, случайно зашел, – подсказала она.

– Я справку подписывать, – пацан опять полез в свой зонт и вытащил бланк медкомиссии. – На работу хочу устроиться.

– Опоздал ты, врач ушла домой.

– Мне Таисия Петровна сказала, что ты все знаешь, как поставить. Я ее внизу встретил.

– Давай уж, – благосклонно кивнула Таня. – Но деньги за мороженое я тебе сейчас отдам.

– Да ладно.

Она аккуратно вписала в «терапевта» «здоров», поставила «поддельный» Таисии Петровны росчерк.

Дверь раскрылась, и в кабинет вошла женщина с мальчиком лет семи.

– Здравствуйте. А врач будет? – спросила женщина.

Лохматый пацан подхватил подписанную справку, кивнул Тане и ретировался, прикрыв дверь за собой.

– Проходите, – Таня кивнула на стул, – присаживайтесь. Врач отпросилась домой, голова болит, но я могу посмотреть вашего мальчика. Что болит?..

Первое, что она увидела, выйдя из поликлиники, был зонт. Ну и лохматый с ним. Пацан сидел на перилах, голова чуть подрагивала в такт музыке из наушника.

Увидев ее, лохматый прыгнул с перил и улыбнулся

– Опять ты, – она не спросила, скорее констатировала.

Он кивнул.

– Ждешь?

– Жду.

– Меня?

Снова кивок.

– И правильно ждешь. Я тебе сейчас за мороженое отдам.

Пацан вздохнул. Таня вынула кошелек и отыскала пятьдесят рублей.

– Вот держи. Спасибо большое.

– Не за что. Только это много. Может, потом, а то где мне сдачу искать? – он протянул деньги обратно. – Можно тебя домой проводить?

Таня чуть не рассмеялась. Только... нехорошо это, смеяться над чувствами. Особенно чужими. Она улыбнулась.

– А ты случаем не втюрился в меня?

Пацан покраснел.

– Извини, но я не домой. И вообще у меня парень есть, так что... без обид, ладно?

– Я знаю, – пацан почесал нос. – Просто там, на улицах, это, беспокойно, вот я и подумал.

– Ну... только чуть-чуть, – согласилась она.

Они спустились с поликлинической лестницы и зашагали по улице. Солнце накалило асфальт, но в тени от домов идти было довольно приятно. Лишь чуть морило. Лето.

– Что слушаешь? – спросила Таня. – И вообще положено представляться девушке, не знал?

– Меня Сашкой зовут, а слушаю, это, «Би два»...

– Нравится?

– Нравится.

Некоторое время они шли молча.

– Слушай, – она спохватилась, – У меня осталось твое мороженое, может будешь?

– Не, я не хочу.

– Растает.

– Растает.

– А ты молчун, – хмыкнула она.

Сашка виновато пожал плечами и ответил:

– Наверное.

Сине-желтый, весь в рекламе, автобус притормозил у остановки.

– Ну, все, мне туда, – Таня кивнула на него. – Поеду прямо до дома подруги, так что не волнуйся. Обещала зайти, так что. пока.

– Ее дома нет, – сказал Сашка.

– Все ты знаешь, – Таня, уже на ходу, обернулась и помахала лохматому. – Пока, пока, не промокни!

Она успела вскочить в автобус и мельком увидеть лохматого. Тот стоял и смотрел на автобус. Вот чудак человек. Правда влюбился, что ли? Молчит, провожает, поди, даже вздыхает. Даже жалко его чуть-чуть.

– Я пойду, наверно, тетя Валь. Таня поднялась из-за стола. – Спасибо за чай, печенье у вас сегодня получилось – просто объеденье!

– Прямо неудобно даже, – тетя Валя, мама подружки Ленки, тоже встала. – Сказала на полчаса, и на тебе. Может, случилось что?

– Да не волнуйтесь вы, тетя Валь. Заболталась, вы ж ее знаете. Скоро вернется. Пускай обязательно мороженое съест.

– Может, еще посидишь чуток, Танюш?

– Да нет, пойду, темнеет уже. Пока доберусь.

– Ты поаккуратней, сейчас шпанюков много всяких. Иди, где светло.

Таня заверила, что пойдет только по светлым людным улицам, распрощалась, еще раз уверила, что «все нормально», и вышла из квартиры.

На улице и вправду смеркалось. Неприятная досада свербила изнутри. Странно, ведь договаривались с Ленкой, еще и сама перезванивала вчера. Странно, этот чудик, с зонтом, говорил, что ее нет дома. Таня неожиданно испытала неприязнь к... Сашке? Слово это он виноват во всем. Накаркал.

О, нет! Легко на помине.

– Привет! – поздоровался лохматый.

– Слушай, ты что, правда следишь за мной?

Сашка промолчал, только взглянул на нее серыми глазами.

– Тут темно, – сказал он после паузы.

– И что? – сердито спросила она.

– Знаешь, тебе лучше не ходить одной по темноте.

– А ты что, отец мне или чего?

Вдруг что-то неуловимо изменилось в лице Сашки. Только что перед Таней стоял чуть смущенный, неловкий подросток, с детским лицом. Теперь это лицо было серьезным и неулыбчивым, словно нечто разом состарило его на десяток-другой лет. Глаза. Точно. Глаза пацана внезапно стали... мудрыми? старыми? Но смотрели они...

– Я серьезно. Послушай меня, пожалуйста. Тебе лучше посидеть дома и не выходить вечером на улицу. Это только сегодня и завтра, пока не верне...

Она прервала его:

– Хватит, что ли!

И собралась пройти мимо. Сашка схватил ее за руку, она вырвала:

– Ты что, придурок? Ты чего ко мне лезешь?

Таня понимала, что выглядит глупо, но остановиться уже не могла.

– Чего тебе надо? Что молчишь?

Он стоял, опустив глаза. Уши пылали.

– Это моя, а не твоя жизнь. Куда хочу, туда и пойду!

Она шагнула вперед, чуть толкнув лохматого плечом. На миг остановилась.

– И чтобы я больше тебя не видела, понял?

И пошла по темнеющей улице.

Смотрел ли он ей вслед? Хотелось думать, что нет.

Парк, маленький, городской, три минуты насквозь. Она зябко передернула плечами: маленький, но входить туда почему то не хотелось. Еще пацан этот, дурак, умеет «успокоить», ничего не скажешь.

Сейчас Таня чувствовала легкий стыд от своей, м-м-м, вспышки. Мало ли чего он там навывдумывал, сопля. Чего она-то распсиховалась? Ну, сказал и сказал, ей-то что? Послезавтра приедет Димка, и больше этот и сам не приблизился бы. А теперь только себя чувствуешь психованной дурой и все.

Сразу за потрескавшейся аркой-входом царил темнота. Фонари не работают, или лампочки выбились. Какая разница, все равно темно.

Таня тряхнула головой – чего она в самом деле? Тысячу раз ходила тут и днем и ночью, чего сегодня-то? Ага, прямо сейчас и начнется! Маньяки и зомби!

Под деревьями стояла почти кладбищенская тишина. Сколько Таня себя ни уговаривала, что все это ерунда, только мурашки, холодные и колючие, сразу забегали по спине.

Вот еще! Сейчас чуть повернуть, и вон он уже, выход.

– Стой! – хриплый оклик хлестко ударил по нервам, заставил вздрогнуть. Холод пробежал по спине и ледяными руками сдвинул горло.

Два темных пятна, многим темнее ночи, заслонили собой, казалось, все вокруг.

– Деньги, мобилу! Быстро! Цепочку! Что там еще?

От отчаяния Таня впала в ступор – ни двинуться, ни сказать. Руки безвольно повисли.

– Быстро, сказал!

И тут страх дал о себе знать. Она вдруг закричала, даже заорала, громко, пронзительно. Панически.

– Вот сука!

Что-то тяжелое, твердое ударило Таню по голове.

«Попала», – пронеслась мысль.

Все вмиг поплыло вокруг, а затем стало тихо и совсем-совсем темно: она потеряла сознание...

Липкая тишина накрыла собой маленький городской парк, почти сквер, каких много в любом крупном городе. Нечто повисло в воздухе. Нечто, не пропускающее ничего извне: ни звуки, ни свет, вообще ничего.

Мрачный, непроглядный комок пространства неспешно подплыл к замершим фигурам: двум темным мужским, застывшим в неестественных позах, и одной – девичьей, в светлом платье, лежащей на земле.

На миг комок замер, а затем два черных отростка потянулись к девушке. Еще мгновение, и они коснутся ее.

– Остановись, Темный! – в окружающей тишине негромкие слова прозвучали громом.

Черный ком дернулся.

По дорожке к нему направлялся худой высокий мужчина, нет, мальчишка, лохматый, светловолосый.

– Остановись, нечестивый, – повторил он, подойдя почти вплотную. – А лучше сразу уходи, тебе тут делать нечего.

– Кто это здесь? – от густого раскатистого голоса у любого человека побежали бы мурашки ужаса, а сердце затрепыхалось бы в непонимании: что это с ним?

Только... людей здесь не было. Они были где-то... там, снаружи.

Комок мрака несколько мгновений клубился, беззвучно меняясь, а затем человекообразная фигура, высокая, мощная, чуть повела плечами, стряхивая остатки туманной бесформенности.

Фигура дышала чернотой. Лучилась изнутри, словно темным светом

– Уж не Странник ли пожаловал? – пророкотало существо.

- Уходи, – повторил подошедший.
- Я пришел за своим, Странник. И я ее возьму!
- Нет, – просто сказал Странник. – Я тебе не дам.
- Не забывай, с кем говоришь!
- Но и ты помни, всего лишь один из Падших.

Угроза, живущая в каждом слове речи Странника, прозвучала столь явно, что темная фигура на шаг отступила назад.

– Неужели ты здесь из-за нее? – спросило существо.

Светловолосый пацан кивнул.

– Да.

– Мне казалось, ты идешь своим путем. На что она тебе?

– Она любит... И ее любят. Ее место здесь.

Существо захохотало. Ядом сочился хохот, схожий с треском рушащихся скал:

– И это все? Все?! Не ты ли, Странник, сам отринул это? Не ты ли ушел искать свою Истину. Не смеши меня. Что тебе любовь? Ты уже плевал на нее!

– Я ошибался, – тихо сказал Странник.

– Но почему именно сейчас ты заслоняешь мой путь. К чему тебе эта... человечиска? – яростно спросила черная сущность.

Странник минуту молчал, а затем ответил:

– Я... вторгнулся... Уходи.

– Нет! – взревело существо.

За его спиной вспыхнули багровым пламенем огромные крылья, вмиг осветив все вокруг, бросая от ужасной рогатой головы еще более страшные тени. В руке у темного будто вырос кроваво отблескивающий клинок.

– Странник! Не вставай на пути Тьмы. Ты знаешь, что проиграешь!

Пацан в светлых джинсах, в майке с надписью «по-иностранному», выхватил из-за спины зонт. Очертания того уже плыли, трансформируясь. Меч, длинный, чуть светящийся серым светом, сжимал в руках Странник.

– Есть нечто посильнее Тьмы, – произнес он.

Чудовищная сущность ударила. Светлый клинок встретился с бросающей кровавые искры полосой силы.

Некоторое время они молча кружили, выжидая. Темный ударил вновь, Странник опять отразил.

Внезапно в другой руке Темного возник кнут – длинная огненная лента. Со сверхъестественной скоростью она полетела к Страннику, пытаясь захватить, опутать, ужалить. Кровавый клинок также ринулся в атаку.

Несмотря на кажущуюся юношескую угловатость и неловкость, Странник двигался быстро и уверенно. Но кнут все же достал его – всего лишь кончиком, вырывая клоч из тела.

Чудовище яростно заревело и взмахнуло своим оружием вновь. И снова самый кончик огненной ленты вырвал клоч из тела Странника. В третий раз взвился кнут. Но лохматый пацан сам прыгнул навстречу.

Он взмахом меча перерубил кнут и мгновенно уклонился от вражеского клинка. А затем ударил.

Серая, чуть искрящаяся мелкими льдинками полоса вошла точно в середину груди могучего противника. Рев, не сравнимый ни с чем в мире людей, вырвался из нутра черной сущности.

– Да, Падший, я нашел Изменяющий Суть. И своему хозяину ты больше не послужишь! – закричал Странник.

Черная фигура таяла, вскипала клочками беспросветного тумана. Крик боли и страха становился все тише.

Светловолосый пацан кривился от боли, глядя, как исчезает противник. Раны причиняли сильную, но странно успокаивающую боль, словно так и было нужно, будто по-другому никак.

Голова его чуть повернулась, вглядываясь в едва видимую дорожку.

Высокий, светящийся мягким, теплым светом образ не спеша приближался.

– Bravo, bravo, брат мой! – голос был удивительно приятным, густым, бархатистым. Мужским... а может быть, женским?

– Что тебе нужно? – спросил Странник.

– Я пришел увидеть, как ты вновь повернулся к Свету, как поражаешь карающим мечом нечестивое порождение Тьмы...

– Что тебе нужно? – повторил Странник.

Светлый образ вспыхнул, и ливень светлых капель опал на землю, оставив стоять одетого в белые одежды человека. Почти... За спиной его молочно светились крылья.

– То, что ты и так уже отнял у Темного. Всего лишь забрать эту душу и вознести...

– Нет, – чуть устало оборвал Странник.

– Что? – удивленно спросил Светлый. – Неужели ты не доказал своим поступком, что встал со мной рядом? Я не верю, что наши пути не совпадают. Как раньше...

– Зачем эта девушка нужна Свету, или почему она нужна Тьме, ответишь? – вопросом на вопрос ответил Странник. – Скажи мне, что в ней такого?

– Ты заговариваешься, бесцветный! Не тебе вмешиваться в дела Света. Я не знаю, за какие заслуги тебе позволено идти собственным путем, но я знаю, сила твоя не вечна. Ты где-то ошибся и теперь истекаешь кровью. Тебе больно... и страшно! Да! Ты ошибся, Странник. Я отвечу тебе, так и быть. Она, – он кивнул на лежащую девушку, – всего лишь грань. Точка взаимодействия двух сил: если она нужна Тьме, Свет не допустит этого. Потому что она нужна и Свету. Ни для чего. Просто так. И все, Странник, она ничто, просто ничто. Но ты... ты можешь потерять много, встав на нашем пути. Лучше иди своим.

– Ты ничего не понимаешь, Светлый. – грустно улыбнулся Странник. – Если я не отдал ее Тьме, я не отдам ее и тебе. Она останется здесь. Есть вещи сильнее Света.

Он тряхнул светлыми волосами и поднял искристый меч, направляя его на крылатого человека.

– Уходи!

... «Попала», – пронеслась мысль.

Она потеряла сознание? Наверное, но совсем ненадолго. Рядом слышалась приглушенная ругань и звуки ударов.

– Ходу! – крикнул кто-то, и Таня услышала тяжелые удаляющиеся шаги.

И тут же вздрогнула от раздавшегося рядом голоса:

– Ты как? – спросили... ее – Не бойся, это я, Сашка...

– Ты, – почти не удивилась она. – А где... эти?

– Убежали, гады. Давай руку.

Она увидела в темноте смутные очертания, протянула руку, и ее тут же схватила теплая ладонь.

– Вставай, потихоньку, чтобы голова не закружилась. Сильно тебе...

– Нормально.

Она встала и оперлась на Сашку. Вместе они зашагали к выходу.

Фонарь осветил их, едва они вышли из парка. Таня взглянула на своего спасителя.

– Ты весь в крови!

Через лоб пацана пробегала длинная кровавая полоса. На плече и боку майка порвана и пропиталась кровью.

– Ножом, наверное, – в голосе его слышалась гордость.

– Дурак, не смешно!

– Да нет, ерунда, я ж чувствую – царапины. Умыться только.

– Какие царапины, кровь идет!

– Какая кровь, чуть сочиться. Ой, подожди. Я сейчас.

Он отдвинулся от Тани и пошел обратно в парк.

У нее екнуло сердце. Остаться одной ей сейчас очень не хотелось.

Сашка быстро вернулся. В руках нес ее сумочку и свой дурацкий зонтик.

– Вот, твое.

Он протянул сумку и нечаянно ударил Таню зонтичной ручкой.

– Ай, – сказала она. – Слушай, зачем это тебе?

– Что? – переспросил Сашка.

– Зонт!

– Зонт? – он посмотрел на небо.

В этот же миг где-то за домами сверкнуло, и небо разорвал раскат грома.

Первые тяжелые капли упали на землю.

Светловолосый Сашка улыбнулся, шурша, раскрыл большущий купол, поднял его над головой и сказал:

– Надо.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал
УРАЛЬСКИЙ следопыт

73 413
(индекс издания)

количество комплектов	

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал **73 413**
(индекс издания)

УРАЛЬСКИЙ следопыт

Стоимость	подписка	_____ рублей _____ коп	количество комплектов
	пере-адресовки	_____ рублей	

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

Я читаю УРАЛЬСКИЙ следопыт

Уважаемые читатели, оформите подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Корректор на связи

По темному коридору городской мэрии не спеша шел человек. В старом здании свердловского горсовета в этот поздний час уже не было ни одного служащего, и все входные двери были заперты.

Человек подошел к двери, которая была укрыта от лишних взглядов под лестничным пролетом. Он прикоснулся ладонью к косяку, невидимый замок без лишнего щелчка открылся. Дверь медленно отъехала в сторону. За дверью тянулась вниз крутая лестница, освещаемая маленькими зелеными лампами. Человек почти десять минут спускался по лестнице, пока снова не оказался перед запертой дверью. Нехитрый ритуал с прикосновением ладони, и он вышел прямо на платформу станции метро «Площадь 1905 года».

Метро закрылось два часа назад. По темным туннелям гулял прохладный воздух, пахнувший особым запахом подземелья. Странные шорохи и стуки то и дело нарушали царящий мрачный покой.

В одном из туннелей замаячил робкий свет, превратившийся в яркий луч прожектора. С воющим гулом на станцию прибыл электропоезд.

Человек зашел в вагон и плюхнулся на сиденье. Машинист несколько не удивился странному пассажиру, и без объявления остановок поезд отправился дальше. Проехав мимо двух станций, электричка остановилась на станции «Машиностроителей». Человек вышел из вагона, пересек наискосок станцию и скрылся в тоннеле, а поезд продолжил свой путь.

Ночного незнакомца звали Дмитрий Сергеевич. Он направлялся на свое рабочее место. Серый, слегка помятый костюм, растрепанные длинные волосы с легкой проседью и «поплавок» с оттиском «УПИ» на лацкане пиджака делали его похожим на советского инженера.

Попетляв по узким проходам, отворив ладонью несколько дверей, он вышел в широкий, залитый ярким светом коридор. Пройдя мимо темного проёма, накрест залепленного лентой с надписью «Прохода нет», он остановился у двери с табличкой «Лаборатория термальных всплесков».

За дверью Дмитрия Сергеевича ждал уютный кабинет. Погрузившись в мягкое кожаное кресло, он включил монитор, который занимал почти всю стену.

На экране появился зеленый шар, разрезанный пополам, как арбуз, справа потекли длинные столбцы цифр букв и совершенно незнакомых постороннему человеку символов. Ближе к центру одного из полушарий находились несколько желтых пятен.

В скрытом под волосами маленьком наушнике раздался зуммер звонка.

– Корректор на связи, – ответил Дмитрий Сергеевич

– Лима на проводе, с вами будет говорить министр сельского хозяйства Перу, – ответил женский голос с необычным сильным акцентом.

«Какие только ведомства в разных странах не курируют вопрос термальной активности ядра Земли, в США ЦРУ, во Франции МВД, в Германии Бундесвер. А в далеком Перу этой проблематикой озадачили главного агрария», – подумал Дмитрий Сергеевич.

Какой-то старый советский бюрократ в лучших традициях тех времен обозвал его профессию «Корректор термальных всплесков».

В пылившейся на полке должностной инструкции, утвержденной ещё председателем комитета госбезопасности Андроповым, о первой обязанности корректора черным по белому было написано: «Осуществление коррекции активности термальных всплесков, с целью погашения сейсмической напряженности, путем установления ментального контакта с популяцией мигрирующих пальмаров...»

Кратко представившись, министр быстро перешел к основному вопросу.

– По нашим данным, а также данным датчиков наших коллег из США и Франции, в районе условной проекции, над которой располагается территория нашего государства, зафиксирован крупный термальный всплеск оранжевой категории. С вероятностью 74% в 150 километрах от Тихоокеанского побережья Перу в ближайшие сутки возможна сейсмическая активность до 7 баллов по шкале Рихтера, что неизбежно приведет к цунами и уничтожению до 30% береговой инфраструктуры. Необходима немедленная коррекция всплеска. После 60-секундного отсчета будут переданы координаты центра всплеска.

Голос переводчицы умолк.

Логинов Алексей Леонидович родился 5 сентября 1975 года в Свердловске. Окончил юридический факультет Уральского института экономики управления и права. Работал юрисконсультантом, затем начальником юридического отдела в различных предприятиях и компаниях Екатеринбурга. В настоящее время занимается самостоятельной судебной практикой в Коллегии адвокатов «СОГА». Писать начал в 2004 году. Ранее не публиковался. Увлечения: мотоциклы (байк), рыбалка.

Лучшие авторы журнала 2009 года

На одном из зеленых полушарий запульсировала оранжевая точка. Координаты уже были выведены на монитор. Но по старому, годами проверенному правилу передача координат дублировались по радиосвязи.

Дмитрий Сергеевич закрыл глаза и, как на учениях, мысленно представил сначала черный треугольник, затем последовательно три созвездия. Основы ментальной азбуки.

Мгновение, и он увидел мчащуюся сквозь расплавленную магму земного ядра стаю грациозно плывущих, непостижимых существ. В наушнике четко поставленным голосом зазвучали координаты. Мысленно держа перед собою образы пальмаров, он начал передавать им координаты, цифры и буквы пробегали перед его взором и направлялись к ним.

Когда передача закончилась, сознание корректора отключилось. В беспмятстве всплыло далекое воспоминание.

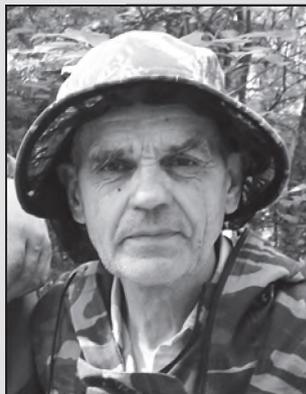
Профессор Щукин читал первую вводную лекцию семи будущим корректорам. Хотя лекцией это было трудно назвать, он просто пересказывал произошедшие с ним события

– Я тогда был ведущим инженером, – рассказывал профессор. – На Уралмаше был спроектирован и изготовлен новый горнопроходческий комплекс. Для экономии средств первичные испытания решено было провести на территории завода, а проложенные новым оборудованием горизонтальные и вертикальные шахты использовать под объекты гражданской обороны. При глубинной разведке на глубине 1160 метров приборы зафиксировали большую полость, предположительно карстовую пещеру. Основной вертикальный ствол был направлен именно туда. Первая группа при обследовании обнаружила пещеру величинной с центральной стадион.

Алексей Иванович Щукин первый вошел в пещеру и первый вступил в контакт с вынырнувшим из огненного озера пальмаром. Им были составлены основы ментальной азбуки. Он дал этим существам название за схожесть их передней части с кокосовой пальмой, тянувшееся же дальше тело сильно походило на глубоководного гигантского кальмара. Что из себя представляла эта разумная форма жизни, обитавшая в ядре планеты, оставалось загадкой до сих пор. Версия о том, что они являются сгустками плазмы, не подтвердилась.

Спустя год после первого контакта профессор побывал в разрушенном землетрясением Ташкенте. Увиденные разрушения и горе людей произвели на него настолько сильное впечатление, что при очередном контакте пальмары сами выудили из него эти сведения и предложили корректировать термальные всплески, вбирая в себя почти всю их энергию.

Тогда, под всевидящим оком госбезопасности, был создан институт корректоров, профессор сам выбирал кандидатов методом ментальной пробы, из сотен тысяч студентов, молодых специалистов и простых людей выбирались единицы.

Раздел «Встречный ветер»:

Лучшим автором раздела признан Валентин Якименко. За подготовку серии материалов посвященных 50-летию трагедии группы туристов под руководством Игоря Дятлова и редакторскую работу над номером 1, 2009 года.

Раздел «Аэлита»:

Рассказ «Время подключения» Александра Хуснуллина (март 2009) признан лучшим фантастическим произведением, опубликованным в журнале за 2009 г. – за наиболее оригинальную идею возможных последствий развития техники, а также за острую социальную сатиру.

Раздел «Река времени»:

Лучшим материалом года признан очерк Натальи Поздняковой «Радолга Гайда – герой белого движения», обобщающий большой и разновременный материал об известном деятеле белого движения в России.

Дмитрия Сергеевича он вообще встретил в трамвае, по привычке протестировав рядом стоящего молодого человека.

– Корректор всегда на связи, в любом месте, спишь ли ты или на горшке свежую прессу почитываешь, должен быть готов к контакту. – Эти слова профессора крепко сидели в памяти Дмитрия Сергеевича. Ведь в любое время мог произойти всплеск красной – высшей категории. Несмотря на то, что он не то чтобы ни разу не фиксировался, а даже теоретически не происходил последние четверть миллиона лет..

Корректор очнулся, пару минут он приходил в себя, затем он с трудом встал и вытащил из древнего с закругленными углами, холодильника, восстанавливающий напиток.

Дежурство подходило к концу, да и вряд ли в ближайшие несколько месяцев понадобится очередная коррекция.

В ухе зазвенел звонок.

– Корректор на связи.

Звонил куратор из ГБ, сообщить о положительных результатах работы.

В этот солнечный осенний день было по-летнему тепло. Дмитрий Сергеевич гулял по парку Пионеров. Безветренное безмятежье изредка прерывалось вялыми, ленивыми дуновениями ветерка, ворошившего упавшую желтую листву. Обойдя почти весь Харитоновский прудик, не найдя ни одной скамейки, он уселся на бревно под древнюю иву, посаженную, наверное, еще в те далекие времена, когда был выкопан пруд.

Вдоль берега, заросшего камышом, плыли две утки. Рядышком на берегу чумазый мальчуган удил рыбу. Дмитрий Сергеевич достал папироску, размял и неторопливо закурил. Он долго глядел на гладь пруда ни, о чем не думая.

Звонок вернул его в реальность. Этот брэнчащий звук в левом ухе уже давно перестал быть для него неожиданностью.

– Корректор на связи.

– Дима, у нас очень серьезные трудности, – не по форме доложил сам глава службы госбезопасности. – Зафиксирован термальный всплеск красной категории. Это не учения! Дежурный корректор не может вступить в контакт с нашими «головастиками». По условной проекции эпицентр придёт в середину североамериканского континента. Там у них какой-то древний супер вулкан. В общем, долбанет почестному, последствия как от полсотни ядерных ракет. Ты уж, мужик, постарайся, на тебя вся надежда. Каждые 60 секунд с таким же интервалом пойдут координаты. Всё. Работай.

Вступать в контакт с пальмарами лучше всего в кабинете лаборатории, которая находится над «шка-тулкой», как прозвали её корректоры. То есть над пещерой, в которой произошел первый контакт. Но добираться туда времени не было. Счет шел на минуты.

Корректор закрыл глаза. Представил черный треугольник. Видение расплылось. Было очень трудно сосредоточиться. В наушнике шли координаты. Ещё одна попытка. Безуспешно. Дмитрий Сергеевич открыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов. Взглянул на гладь пруда, перевел взгляд на уток. Расслабился, закрыл глаза и начал все заново. Черный треугольник, концы треугольника превращаются в три звезды затем рядом возникают ещё три звезды составляя неизвестное созвездие. Затем черная буква «Т» – символ пальмаров. Вспышка, и он среди стаи, несущейся сквозь огненный океан.

Но сегодня все было по-другому, он сам стал пальмаром. Он стремительно несся со своими собратьями играя и резвясь, находя в этом непередаваемое удовольствие. В наушнике пошли координаты, он тут же поделился ими со своими сородичами. Они все вместе, резко изменив курс, понеслись в другом направлении. Впереди показался всплеск – яркий белый шар, из которого в стороны били ультрафиолетовые молнии. Пальмары окружив его со всех сторон, начали пить из него лучистую энергию. Какая она была вкусная. Дмитрий Сергеевич предавался новым ощущениям. Закончив с незапланированной трапезой, он захотел пообщаться. В мозгу влияли разные глупые вопросы: кто вы! откуда! Но общение произошло совершенно иначе, оно было больше чувством чем мыслью. Он познал, что его собратья обладают одновременно и индивидуальным, и общим разумом.

Он общался с другими стаями пальмаров, которые жили внутри некоторых звезд, он узнал, что если проплыть к центру ядра, можно попасть в какую-нибудь звезду или ядро другой планеты. Он узнал много об устройстве вселенной о других мирах и пространствах, новые знания переполняли его.

Корректор очнулся, он лежал на берегу пруда возле бревна, не в состоянии пошевелиться. По дорожке бежал молодой парень в малиновом спортивном костюме.

– Вам плохо?

Парень подбежал к корректору, взял его под мышки, посадил возле липы, прислонив спиной к стволу дерева.

– Скорую вызвать?

– Не нужно, сейчас пройдет, – с большим трудом выдавил из себя Дмитрий Сергеевич.

Он протянул руку и вытащил из нагрудного кармана маленькую бутылочку. Хитрая крышка легко отскочила в сторону. И корректор выпил кисло-горький спецраствор.

Парень пожал плечами и побежал дальше.

«Надо же, справился, в ближайшие 250 тысяч лет можно уходить в отпуск», – подумал корректор.

Зуммер звонка снова потревожил его ухо.

– Корректор на связи, – ответил он.

Потому что корректор всегда должен быть на связи..

Ольга ОЖГИБЕСОВА
 Фото предоставлено автором

У Бога случайностей не бывает...

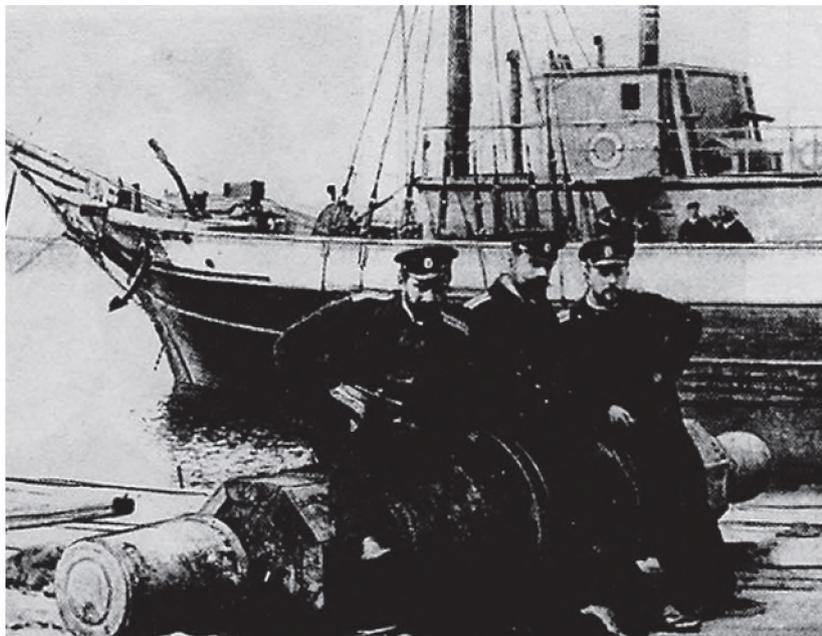
Когда-нибудь, очнувшись, Россия воздвигнет ему памятник, достойный его святой любви к родине.
Александр Куприн

Вам приходилось когда-либо замечать, с какой пугающей неотвратимостью притягивает к себе вода? Нет, не река и не море в солнечный радостный день, когда хочется прыгнуть с разбега в глубину, подняв вокруг себя фонтан хрустально сверкающих брызг, и погрузиться в ласкающую голубую прохладу. Загляните в темный, гулкий колодец, где далеко внизу, в десятке метров от поверхности, тихо дрожит черной слюдой масляная поверхность воды, в которой отражается нечаянно соскользнувший по темным бревнам колодезного сруба солнечный луч, а там, под ней, еще глубже – мрачная бездна... И ты вглядываешься в нее и чувствуешь щекотливый холодок в груди, и первобытный страх бежит зябкими мурашками по коже, и ты невольно думаешь: а если прыгнуть? Что – там? Пустота? Забвение? Или

А.В. Колчак в полярной экспедиции

вечность, в которой ничто не теряется и ничто не исчезает бесследно...

А.В. Колчак, Н.Н. Коломейцев, Ф.А. Матисен, готовящие шхуну «Заря» к полярному плаванию. Норвегия

Адмиралу – адмиралово...

Раннее утро было светлым – полнолуние! – и морозным, таким, каким и полагается быть утру в феврале. С реки дул пронизывающий, пробирающий насквозь, безжалостный ветер. Караульный взвод мерз в тонких шинелишках в ожидании недолгой уже развязки: сейчас они выполняют ставшую привычной работу и вернутся в вязкое, умиротворяющее тепло натопленной тюремной караулки. Двоих расстрелять – дело нехитрое...

Приговоренные в сопровождении палачей неторопливо, безоглядно спустились с высоко-го обрывистого берега по узкой, накануне вечером протоптанной тропинке, то и дело оступаясь и проваливаясь по колено в снег. Первый – в расстегнутой, несмотря на ветер, длинной шинели, подбитой мехом, в высоких хромовых офицерских сапогах. Жесткое, словно из гранита высеченное, шершавое лицо, резко очерченные скулы, сухие, поджатые губы, глаза – колючие, пронзительные. Второй – в гражданском, с мягким безвольным лицом, круглым подбородком, пухлыми, трагически скривившимися губами, бес-покойными, ищущими ответного взгляда глазами.

Их подвели к самому берегу. Чуть поодаль – всего в нескольких метрах – темнела прорубь. Она не успела затянута ледяной пленкой, и черная вода вздрагивала хищно и страшно под порывами налетавшего ветра и манила, манила в глубину – туда, где было тихо и безмятежно, где кончались все тревоги и начинался вечный покой.

Участники экспедиции барона Э.В. Толля на шхуне «Заря». В центре – Э.В. Толль (в шляпе), позади него – А.В. Колчак, слева – капитан шхуны Н.Н. Коломейцев

Им дали последнее слово – как будто в зале суда, где сидят за длинным столом строгие и беспристрастные судьи в черных мантиях и напудренных париках, и как будто это последнее слово что-то может значить и что-то сможет изменить в Книге их судеб, где вот-вот будет поставлена решающая точка.

– Я прошу сообщить моей жене... – голос приговоренного, того, что в шинели, был спокоен, фразы рассыпались в морозном воздухе на звуки, словно горсть воды на капли, замерзавшие на лету, – что я благословляю своего сына.

Наклонился и положил на снег серебряный портсигар – единственную ценную вещь, которую он мог оставить в наследство.

Второй, тот, что в гражданском, упал на колени, пополз по притоптанному снегу к расстрельщикам, умоляя о пощаде.

– Встаньте, – строго и даже резко одернул его офицер. – Разве вы не видите, с кем имеете дело? Примите смерть достойно.

... Вернувшись в тюрьму, один из палачей написал на оборотной стороне приговора: «Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 г. за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта Иркутской губернской тюрьмы, что и свидетель-

ствуется нижеподписавшимися. Председатель Чрезвычайной следственной комиссии С.Чудновский.

Комендант города Иркутска И. Бурсак».

Тела казненных – Верховного правителя России Александра Васильевича Колчака и председателя Совета Министров Всероссийского правительства Виктора Николаевича Пепеляева – спустили в проурьбь. Река Ушаковка приняла их. Адмиралу – адмиралово...

Он хотел найти Землю Санникова

Однажды такая же черная, такая же холодная, коварная в своей видимой неподвижности вода уже подстерегала его, уже принимала в свои обжигающе ледяные объятия...

1900 год. Мечтатель и романтик, лейтенант Александр Колчак грезит полярными странами, мечтает найти путь к таинственному Южному полюсу. Пока он еще молод, ему только 26 лет, и у него две страсти – наука и морские путешествия. Позже он так напишет о своем увлечении: «Еще будучи в корпусе и во время плавания на Восток, я интересовался океанографическими исследованиями в полярной области. Моим всегдашним желанием было снарядить экспедицию для продолжения работ в Южном Ледовитом океане, начатых нашими знаменитыми исследователя-

ми – адмиралами Беллинсгаузеном и Лазаревым».

Но полярная одиссея Колчака началась не с Южного полюса, а с Арктики, точнее, с поисков Земли Санникова. В начале XIX века охотник-промысловик Яков Санников увидел в Ледовитом океане, далеко-далеко, у самого горизонта, контуры земли. На протяжении следующих ста лет четыре поколения полярных исследователей искали Землю Санникова. В 1899 году Императорское русское географическое общество организовало две полярные экспедиции. Одну из них, на ледоколе «Ермак», возглавил адмирал С.О. Макаров, другую – на шхуне «Заря» – известный полярный исследователь Э. В. Толль.

Лейтенант Александр Колчак приложил все усилия, чтобы попасть на «Ермак», но ему не хватило времени на оформление бумаг. Ледокол ушел в плавание без него. Он расценил это как неудачу, но в действительности это было Провидение. Стань он членом команды «Ермака» – и жизнь могла бы повернуться совсем иначе.

Колчак не оставляет попыток стать участником следующей полярной экспедиции, встречается с бароном Толлем, почти не надеясь на успех, и... «Наш гидрограф Колчак, – напишет позже Толль в своем дневнике, – прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции...».

Толль поручил энергичному лейтенанту проводить топографические, гидрологические и магнитные исследования. Он отправляет его на стажировку в Норвегию, в Христианию (Осло), где Александр Васильевич встречается с Фритьофом Нансеном. Знаменитый полярник сказал тогда фразу, которую Колчак вспоминал потом не раз: «Потерять в Арктике жизнь легче, чем выронить монету из дырявого кармана».

Полярная экспедиция барона Толля не просто искала загадочную Землю Санникова. Ее участники проводили и большую научно-исследовательскую работу. С 1 августа по 15 сентября 1900 года только гидрографом Александром

Колчаком проведены наблюдения на 32 гидрологических станциях. Им собрано около 100 образцов воды и грунта, проведено 65 объемных анализов по определению содержания хлора. Через каждые 4 часа измерялись температура воды и удельный вес поверхностного слоя, один раз в сутки, когда шхуна останавливалась и ложилась в дрейф, проводились глубоководные исследования. Кроме того, Колчак производил отбор проб воды для последующего их изучения на берегу. Записи, заметки, карты и схемы складывались до поры до времени в отдельную папку.

Первая зимовка экспедиции прошла на Таймырском полуострове. Полярники время даром не теряли. Э.В. Толль наметил провести санную поездку вдоль берегов-топографическую съемку Таймырского полуострова с тем, чтобы уточнить карту, полученную А. В. Колчаком от Нансена, а заодно и очертания берегов.

В этих трех строчках, написанных так легко и просто, сконцентрирован путь двух человек – самого Толля и гидрографа экспедиции лейтенанта Колчака, путь длиной в 500 км и в сорок один день. В этих строчках сконцентрирована не увеселительная прогулка по морскому побережью, а ежедневная, ежечасная борьба с природой и с человеческой слабостью – борьба за выживание.

«...Температура упала до –33 градусов по Цельсию, – пишет Толль в своем дневнике. – Попытка отапливаться взятыми с собой дровами оказалась неудачной, т.к. они сырые. ... Собаки устали и проголодались... Некоторые из них падали, и вся упряжка превращалась в живую глыбу измененных животных...»

К тому же путешественники вскоре остались почти без продовольствия: склад, который они устроили еще в начале пути, ушел под снег, и раскопать его не удалось. Потом целую неделю бушевал шторм, и по утрам приходилось откапывать нарты, палатку и полуживых собак, чьи хвосты мерзали в лед.

«Сегодня съели последний сухарь, – пишет Э. Толль на 38 день пути, – осталось немного крошек, которые бережем в качестве приправы к супу... Мы оба обессилели... Чувствую себя особенно плохо... Гидрограф бодрее и сохранил достаточно энергии, чтобы дойти сюда».

Двух собак пришлось застрелить. Еще несколько погибли от голода. Двоих, самых любимых, положили на нарты, привязав ремнями, чтобы не свалились на ходу, после чего люди впряглись в ямки, чтобы помочь тащить нарты собакам, которые уже не способны были тянуть их вперед.

Судьба на этот раз оказалась благосклонна к ним обоим, причем к Колчаку в большей степени. Ему была суждена другая жизнь и другая смерть.

Желая увековечить заслуги лейтенанта Колчака, Э. Толль назвал его именем мыс на полуострове Таймыр и один из вновь открытых островов у его берегов. Ныне это остров Расторгуева, Таймырский залив, Карское море.

Остров для жены героя

... К результатам своих исследований, их обобщению, написанию научной работы на основании данных, полученных в ходе этой экспедиции, Колчак приступит только спустя 4 года, осенью 1905 года. К этому времени он станет героем Порт-Артура, будет награжден золотой саблей за храбрость, двумя боевыми орденами – Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 2-й степени с мечами, получит орден Св. Владимира 4-й степени за работу в полярной экспедиции...

Все это будет потом, а сейчас Эдуард Толль должен «отработать» огромные деньги, данные ему в своеобразный кредит под открытие Земли Санникова. Именно она была главной целью экспедиции. Но непроходимые льды сделали Землю, если она действительно существовала, недоступной для шхуны «Заря». И тогда Толль принимает трагическое решение: оставить судно, высадиться на берег и идти на остров Беннета, чтобы хоть на

шаг приблизиться к заветной цели. Больше его никто не видел.

«Предприятие было чрезвычайно рискованным, – писал А.В.Колчак спустя два десятилетия, в иркутской тюрьме. – Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду...»

Верил в свою звезду и Александр Колчак, руководствуясь девизом «Чем больше думаешь о себе сам, тем больше думают о тебе другие». Вернувшись в Санкт-Петербург из Первой полярной экспедиции, Колчак прилагает все усилия для организации второй – спасательной, для поисков пропавшего Э.Толля и его команды. Он предлагает совершенно сумасшедшую с точки зрения разумного человека идею – отправиться в плавание по Северному Ледовитому океану... на шлюпках!

«Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, но другого выхода не было, по моему убеждению», – писал он позже.

Вера Колчака в успех была так велика, что Академия наук соглашается на эту невероятную, по мнению многих, авантюру, выделяет необходимые средства и назначает 28-летнего лейтенанта начальником Спасательной экспедиции.

Как и любое дело, она могла иметь два исхода – трагический и вполне удачный. Для Колчака первый едва не стал реальностью.

Вместе с двумя спутниками – матросом Иньковым и боцманом Бегичевым – он обследовал южное побережье острова Беннета, пытаясь отыскать стоянку барона Толля.

«Я шел передом, – вспоминал Никифор Бегичев, – увидел впереди трещину, с разбега перепрыгнул ее. Колчак тоже разбежался и прыгнул, но попал прямо в середину трещины и скрылся под водой. Я бросился к нему, но его было не видно, потом показалась его ветряная рубашка. Я схватил его за нее и вытащил на лед. Но под ним опять подломился лед, и он совершенно погрузился в воду и стал тонуть. Я быстро схватил его за голову... вытащил еле живого и осторожно перенес... к берегу. Мы сняли

А.В. Колчак на фронте, октябрь 1919г.

с Колчака сапоги и всю одежду, потом я снял с себя егерское белье и стал одевать на Колчака. Оказалось, он еще живой. Я закурил трубку и дал ему. Он пришел в себя... Он совершенно согрелся и благодарил меня, сказав, что в жизни никогда этого случая не забудет...».

Смерть, поиграв, отступила и на этот раз. Черная вода отдала его миру живых. Рано еще было умирать, рано. Впереди ждали слава, признание, любовь женщин, тяжкий воинский подвиг во имя России и – в благодарность – смерть, проклятие и долгое забвение.

Судьба экспедиции под началом А.В. Колчака оказалась все же более успешной, чем у тех, кого они искали. Спасатели совершили беспрецедентный и никем не повторенный 90-дневный санно-шлюпочный переход и благополучно, без потерь вернулись домой.

Петербург чествовал Колчака как героя. На острове Беннета появился мыс Софии, названный Колчаком в честь своей невесты Сонечки Амировой, а в 1906 году Императорское русское географическое общество (ИРГО) подарило Софье Федоровне Колчак островок в Карском море, открытый Русской Полярной экспедицией, а точнее, самим А.В. Колчаком.

30 января 1906 года Совет ИРГО под председательством П.П. Семенова-Тян-Шанского едино-

душно присудило лейтенанту А.В. Колчаку «за участие в экспедиции барона Э.В.Толля и за путешествие на остров Беннета, составившее важный географический подвиг» высшую награду – Большую золотую Константиновскую медаль. Он стал четвертым полярником – лауреатом ИРГО. На этом же заседании его избрали действительным членом Императорского географического общества. Его стали называть Колчак-Полярный.

Если бы после этого Александр Васильевич Колчак умер или не сделал больше ничего значительного в своей жизни, то и в этом случае уже свершенного было бы достаточно для того, чтобы войти в историю России и остаться в ней навсегда. Но судьбе было этого мало. Она вела его вперед, она возносила его на все более и более значимые высоты. При участии Колчака в 1906 году был создан Морской Генеральный штаб, где он возглавил Первую оперативную часть, ведавшую Балтийским флотом, – между прочим, все еще лейтенант! Капитан-лейтенантом он станет в мае 1907 года, после почти десятилетнего пребывания в чине лейтенанта. И после этого его карьера начнет развиваться стремительно. В том же году он выступает с программным докладом «Какой флот нужен России» – сначала на заседании Военно-Морского кружка, а

потом и в Государственной Думе, после чего становится главным составителем государственной кораблестроительной программы. Апрель 1908 года – он уже капитан 2-го ранга и все это время занимается строительством двух военных судов ледокольного класса: он – Колчак-Полярный и мечтает о новых экспедициях.

В 1906 году отделение физико-математических наук Императорской академии наук постановило издать труд А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей», и в 1909 году монография увидела свет. (И почти семьдесят лет была под запретом – имя Колчака вычеркнули из российской науки!)

В 1913 году за отличие по службе Колчака производят в капитаны 1-го ранга. И с этого времени он больше уже не принадлежит науке: флот, его боеспособность, подготовка к будущей войне с Германией – вот что отныне занимает его мысли и сердце. А впереди ждут золотые адмиральские погоны.

Черные дни расплаты с судьбой

В апреле 1916 года Колчак становится контр-адмиралом, а спустя 2, 5 месяца – вице-адмиралом и командующим Черноморским флотом. Самый молодой адмирал и самый молодой командующий в России...

Шла Первая мировая война, и роль Колчака в защите южных морских границ неопределима. Умелыми постановками минных заграждений и созданием противолодочной обороны он сумел переломить ситуацию в пользу русского флота – германские крейсера перестали выходить в Черном море и отказались от использования своих подводных лодок.

Но судьба в третий раз сыграла с ним свою жестокую игру... В третий раз смерть поманила, усмехнулась и отступила, словно давая понять, что миссия, которая у каждого – своя, миссия, о которой большинство живущих на земле даже не подозревает, проводя свои дни в праздности и лени, растрачивая

силы по мелочам, прячась, словно моллюски в раковины, в своих домах, которые в самый ответственный момент вдруг оказываются с краю, – так вот, давая понять, что миссия Колчака-Полярного еще не исполнена и она, смерть, подождет, когда придет ее черед.

20 октября 1916 года при загадочных обстоятельствах на рейде погиб флагманский линкор «Императрица Мария», на борту которого находился вице-адмирал Колчак.

Генерал-лейтенант академик А.Н. Крылов так описывает трагедию: «Вскоре после утренней пробудки нижние чины, находившиеся вблизи первой носовой башни, услышали подозрительное шипение и заметили вырывающийся из люков и вентиляторов дым, а местами и пламя.

Через две минуты после начала пожара внезапно произошел сильный взрыв, причем столб пламени и дыма взметнулся на высоту до 150 саженей (320 м). Этим взрывом вырвало участок палубы позади первой башни, снесло переднюю трубу, носовую рубку и мачту. Большое количество нижних чинов, находившихся в носовой части корабля, погибло...

Командующий флотом Колчак находился на корабле и руководил спасательными работами. Значительно более мощный взрыв раздался в 7 ч. 2 мин., после этого взрыва корабль стал быстро садиться носом и крениться на правый борт. Корабль, утратив остойчивость, стал медленно опрокидываться и, перевернувшись вверх килем, затонул на глубине 10 саженей (21 м)... Катастрофа привела к гибели более 225 нижних чинов, двух кондукторов и нескольких офицеров.

Вскоре Колчак отправил письмо морскому министру И.К. Григоровичу.

«Глубокоуважаемый Иван Константинович!

Мое личное горе по поводу гибели лучшего корабля Черноморского флота так велико, что временами я сомневаюсь в возможности с ним справиться. Я всегда думал о возможности потери корабля в военное время в море и готов к это-

му. Но обстановка гибели корабля на рейде и в таком окончательном виде действительно ужасна...»

Он расценил гибель флагманского линкора как расплату с судьбой за то, что вознесла его так высоко.

Слишком хрупок для героя истории

Адмирал Колчак вновь уцелел. Ему суждено еще было жить недолгих три года – для того, чтобы попытаться осуществить, быть может, главную свою миссию – стать Верховным правителем России и спасти страну от большевиков. Но, удачливый на море, он не был так же удачлив на суше. Там, в первой жизни, он был окружен преданными делу, флоту, стране и ему людьми, здесь – всем его начинаниям сопутствовали предательство, малодушие, стремление к личной выгоде. Там – он отдавал команды и знал, что их выполняют беспрекословно, потому что от этого зависело, вернется ли корабль домой и встретят ли моряков ожидающие их на берегу родные и друзья. Здесь – наводил порядок железной рукой, убежденный, что только так можно вернуть страну на путь истинный, но она, его страна, которой он посвятил всю свою жизнь, не хотела возвращаться, а шла по пути хаоса, безумия и саморазрушения. Там – он был знатоком своего дела, жестким, хладнокровным, умным и решительным. Здесь – наивным, хотя и искренним, мечтателем, увлеченным идеей восстановления великой и единой России, непоколебимо убежденным в том, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России величие и славу.

«Омск. 19 апреля (Великая Суббота)... Торжественная служба в присутствии Верховного правителя, министров... Стал напротив этих особ, совсем недалеко от Адмирала. Всмотривался, как и все, в его лицо. Физиономия не совсем русского человека. Интересные черты. Худой, сухой какой-то, быстрые черные глаза, черные брови, облик, напоминающий собою хищную птицу... Если вдаваться в

фантазию, можно, пожалуй, сказать, что чувствуется на этом лице некая печать рока, обреченности... – так писал о Колчаке Н.В. Устрялов, публицист, российский политический деятель, член партии кадетов, эмигрировавший в Харбин в 1920-м, вернувшийся в Советский Союз в 1935-м и расстрелянный в 1938-м. – ...Я всматривался в него, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. Думается, нет в нем тех отрицательных для обыкновенного человека, но простительных для гения свойств, которыми был богат Наполеон. Видимо, лозунг «Цель оправдывает средства» ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение... Но не скрою – не столь историческим величием, сколько дыханием исключительной нравственной чистоты веяло от слов Верховного правителя и всей его личности. Конечно, трудно судить современникам. Исторических людей создают не только их собственные характеры, но и окружающие обстоятельства. Но я боюсь – слишком честен, слишком тонок, слишком «хрупок» адмирал Колчак для «героя» истории...»

Таким он был – адмирал Колчак-Полярный. Таким он оставался до последнего дня, до последней минуты – 7 февраля 1920 года на берегу реки Ушаковка, на краю черной проруби... Он шел к ней 20 лет, с того самого момента, когда молодым лейтенантом, полным благородных желаний и мечтаний о славе – своей и России, шагнул на борт шхуны «Заря».

У Бога случайностей не бывает...

P.S. В апреле 1918 г. церковь избрала 7 февраля днем «ежегодного молитвенного поминовения всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников». Случайность?..

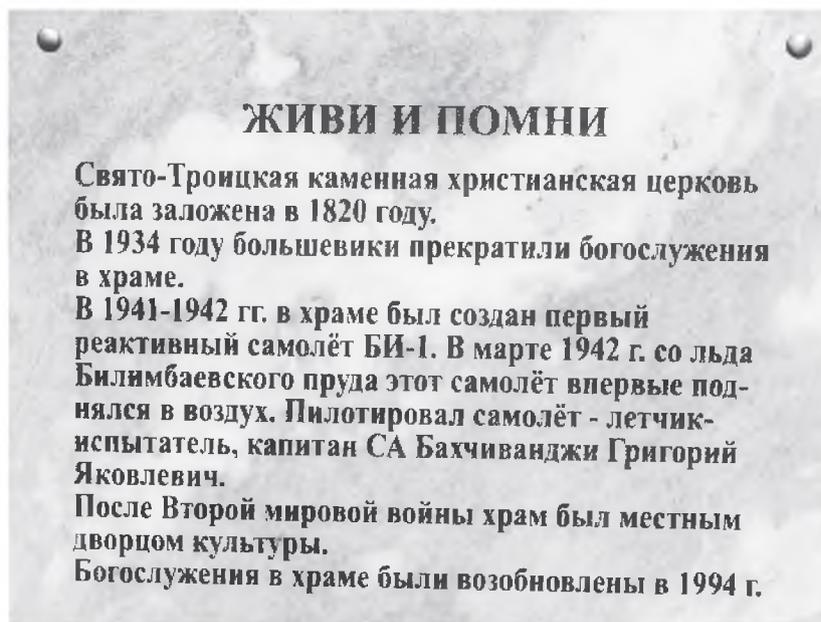
Владимир ТРУСОВ
Фото предоставлено автором

Памяти Григория Бахчиванджи

В минувшем году исполнилось сто лет со дня рождения первого летчика-испытателя самолетов с реактивным двигателем Григория Яковлевича Бахчиванджи.

При жилом районе Екатеринбургского аэропорта Кольцово, на кладбище рядом, находятся могилы трех авиаторов. Справа захоронение летчика-испытателя майора Трофима Константиновича Чигарева (6.11.1906 – 13.10.1941). В центре Героя – Советского Союза летчика-испытателя Григория Яковлевича Бахчиванджи (20.02.1909 – 27.03.1943). Слева – летчика-испытателя подполковника Константина Афанасьевича Груздева (21.05.1908 – 2.02.1943).

Строились и испытывались первые реактивные двигатели в поселке Билимбае вблизи г. Первоуральска Свердловской области. Во время Великой Отечественной войны в Кольцово совершено три полета на реактивных самолетах: 15 мая 1942 г. и 27 марта 1943 г. испытате-

Камень с мемориальной доской возле церкви в Билимбае

лем был Г. Я. Бахчиванджи, а 12 января 1943 г. – К. А. Груздев.

В честь Бахчиванджи названы улицы в Билимбае и Кольцово. 16 августа 1969 г. в аэропорту установлен бюст Григория Яковлевича, а 28 апреля 1973 г. ему присвоили посмертно

звание Героя Советского Союза. Лев Экономов в 1972 году написал книгу «Капитан Бахчиванджи».

В 2009 г. почта России в память о Бахчиванджи выпустила марку и два конверта. Почтовые марки гасились специальными штемпелями.

Клуб собирателей

РЕКА ВРЕМЕНИ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
Свердловская область
Городской округ Первоуральск
Билимбаевское сельское
территориальное управление
623150 Свердловская обл.
г. Первоуральск
пос. Билимбай Пр. Свободы, 2
тел.: 92-3-95, тел. факс: 92-3-81

Герой
Советского Союза
**Григорий Яковлевич
БАХЧИВАНДЖИ**
(1909-1943)
летчик-испытатель

От кого _____
Откуда _____

Индекс места отправления

Билимбай 275 лет
(1734-2009)

Свято-Троицкая церковь

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
**ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ
БАХЧИВАНДЖИ**
1909-1943

Куда _____

Индекс места назначения

Кому _____

Куда _____

Индекс места назначения

Поправка.

В номере первом 2010 г. журнала «Уральский следопыт» в очерке В. Моисеева «Обломки самовластия и свободы» подпись под фотографией на стр.67 следует читать: « Митинг у Памятника павшим борцам за свободу.» Приносим извинения автору и читателям журнала.

Редакция.

СОКРОВИЩЕ ТАМУРИИ

Исторический роман

НОЧЬ НАКАНУНЕ ЖЕРТВЫ СОЛНЦУ (Окончание)

Взаимная ненависть Арианды и юного даха была так велика, что, после пары пробных выстрелов Раухшаны в Кардату, схватка троих тут же свелась к поединку двоих. Третий вначале вообще не стрелял ни в кого.

– Иссед не может решить, в кого же ему стрелять, – усмехнулся Утана. – Как представителю своего народа, ему выгодно поразить Раухшану, и тем самым рассторгнуть союз аримаспов с племенем, к которому принадлежит убийца. С другой стороны, личной, он в этом случае не сможет рассчитывать на снисхождение к себе самому на вашем следующем суде.

Костер Кардату разожгли в дальнем углу треугольной арены, и зрителям был заметен не столько он сам, сколько его огненные стрелы, вылетавшие в обе стороны, словно искры из пламени. Некоторые из них долетали даже до старицы и с шипением гасли в ней, пугая лягушек.

«Игра с огнем» уже стоила каждому из стрелков нескольких ожогов, полученных при отбивании, но прямых попаданий пока еще не было. Однако бессонная ночь подходила к концу, и вместе с нею кончались силы бойцов. Их вздувшиеся мышцы, натянутые, как тетива, казалось, вот-вот лопнут от напряжения, а луки гибались так сильно, что неминуемо должны были сломаться. Особенно это касалось оружия Арианды...

– Остановите схватку! – голос Тамурии не допускал сомнений, что приказ ее будет выполнен.

– В чем дело? – царица была недовольна не меньше других, кроме стрелков. Они после команды девушки в изнеможении повалились на землю.

Александр Владимирович Кондратьев (псевдоним Алекс Кондор) – специалист по вопросам управления и оздоровительным системам, преподаватель Челябинской медицинской академии. Его alter ego – история древних культур. Собрал по этой теме большую библиотеку книг и статей. Будучи давним поклонником «Уральского следопыта», специально для любимого издания подготовил журнальный вариант своего остросюжетного исторического романа. Рисунки выполнены автором.

Продолжение. Начало в № 10, 2009.

– Я послала Майясару на поиски моей куртки. Она нашла ее.

– Мы рады за тебя, – раздраженно сказала афшин. – Но что нам с того?

– Там же на берегу она нашла еще и это, – Тамурия протянула какую-то сумку царице, оставив свою куртку у себя.

– А вот и он! – обрадовался Утана, когда афшин вытащила из сумки сверток. – Это тот самый панцирь Спадина.

– И его сумка, – заметил Датак. – Дайте-ка мне осмотреть нагрудник. Да, это он, – аримасп развернул кожаный жилет с нашитыми на него небольшими костяными чешуйками. Не только боковой, но и верхний край каждой чешуйки прикрывался соответствующим краем соседней, так что по толщине они составляли три слоя. Как и кожаную подкладку, белые косточки столь обильно заливали высохшая кровь, что можно было принять это за неоконченную окраску изделия пурпурным красителем.

– Итак, нагрудник действительно был на Спадине в момент убийства, – задумчиво проговорил Датак. – Да, вот и входная щель от кинжала, – он перевернул панцирь наизнанку. – И на кожаной основе тоже. Щель узкая, но с острыми краями. Обоими.

– Значит, он не был убит однолезвийным и коротким кинжалом Раухшаны?! – ухватилась афшин за возможность отвести подозрение от своего.

– Само собой. Тем более что и на грудной части панциря изнутри кончиком оружия выдолблена узенькая, но глубокая ямка от острия. Значит, оружие было длинным. И какой же силой надо обладать, чтобы пробить насквозь заднюю часть панциря, всю грудную клетку, да еще чтоб острие застряло в передних чешуйках! И все это – бронзовым кинжалом!

– Таким образом, Тамурия никак не могла это сделать! – произнесла афшин, торжествуя. – Женщине не под силу пробить такой доспех. Но почему обязательно бронзовым оружием, Датак?

– А каким же еще? В палатке ведь нашли только два этих кинжала.

Аримасп достал клинок и приложил его к щелевидному отверстию.

– Кинжал Спадина не подходит: он слишком широк!

Встав со своего места, Утана придирчиво оглядел панцирь.

– Таким образом, – заключил персидский посол, – Спадин был убит человеком достаточной физической силы, скорее всего, мужчиной. Убийца использовал оружие с длинным, узким и очень твердым лезвием, едва ли бронзовым. Но что же это за оружие? Не подходят и железные мечи-акинаки: лезвие их тоже широко, да и твердость не та.

– Ясно, почему убийца спрятал панцирь: тот сразу выдавал, что смертельный удар нанесен вовсе не кинжалом Раухшаны, – заметила предводительница дахов. – Клинок был явно из особо твердой стали. Такой, например, как эта, – и афшин вдруг прикоснулась к поясу персидского посла, за который, как и на пиру, он заткнул тот же кинжал с золотой ручкой.

– Осторожнее, царица, – сухо сказал Утана. – По нашим законам, прикосновением к поясу судьи обрекает человека на смертную казнь.

– Но ты ведь у нас не обвиняемый, а один из судей, – с нажимом произнесла афшин. – И как судья, к тому же очень опытный, скажи: может, убийца сейчас находится не там, на поле боя, а где-нибудь поближе? Тот человек, которого мы даже и не подозреваем?

– Кого ты имеешь в виду, царица?

– Тебя, Утана!

– Меня? – посол деланно рассмеялся. – Какой мне резон убивать Спадина? Из зависти к тому, что ты дала ему более почетное место, чем мне?

– Людей убивают и из-за меньшей обиды, – сказала афшин. – Но я думаю, что тебя могло побудить к этому желание исполнить наказ вашего царя.

– Какой же, уважаемая?

– Не спеши, дойдем и до этого. Нам всем, в том числе и Датаку, показалось подозрительным уже то, что вы, персы, опоили пирующих вином с каким-то сонным зельем, а сами выглядите весьма свежими. Зачем вам это понадобилось? Явно, чтобы выведать какие-то секреты. Какие именно?

Тамурия рассказала мне о твоём настойчивом желании посетить Высокую Хару. Услышав от самого Спадина, что он был на ней, ты захотел разузнать у аримаспа все об этом. А когда узнал нечто важное, сокровенное, то убил его, чтобы одному владеть этой тайной.

При этих словах царицы персидский конюх отшатнулся от господина и с почти суеверным ужасом уставился на него со стороны.

Но Утана прекрасно владел собой.

– Тайной? – переспросил он. – Если ты имеешь в виду тайну сокровища, то я еще до пира догадался, что это...

Афшин оборвала его на полуслове.

– Лучше еще раз объясни нам, только честно, зачем ты наклонялся над пьяным Раухшаной, – потребовала она.

– У вас нет никаких улик против меня, одни домыслы, – сказал Утана. – А наклонялся я над ним, чтобы разглядеть примечательную татуировку барса, детали которой похожи на... Ну ты сама знаешь, о чем я говорю, царица.

– Блестяще, Утана, у тебя всегда и на все готов ответ, – проворковала афшин. – Тогда ты сможешь без запинки ответить и на такой вопрос: что ты делал ночью возле расположения аримаспов, одетый в дахский наряд. С тобой был еще один человек, тоже в одежде кочевника. Вооружены только вы были оба не по-дахски, а своими длинными кинжалами – наверное, теми, которыми и был убит Спадин. Скажешь сам, или выдашь нам для пытки своего конюха, ведь это он был с тобою?

– Что же, – устало проговорил Утана. – Придется признаться.

– Только снова поклянись именем Митры говорить правду!

– Клянусь... Да, я многое бы отдал за то, чтобы побыть на Харе Барзати. Я сам вызвался возглавить посоль-

ство, направлявшееся предположительно в сторону священной горы. Увы, по какой-то причине Тамурия упорно скрывала от нас путь на Высокую Хару. Да и вообще все, что знала о ней.

Естественно, что я обратил внимание на слова посла аримаспов, что он был на Харе. Правда, мы ожидали, что Хара располагается на крайнем севере, на границе мира. Спадин же говорил о тех горах, откуда восходит солнце, то есть о горах далекого востока. Те места должны быть хорошо знакомы аримаспам, поскольку их племя пришло оттуда. Кто же прав, наши жрецы или Спадин? Я собирался это выяснить у него самого.

Мы заранее приобрели дахские наряды. Сразу после пира я велел Фрияне переодеться и сообщил ему, что мы направляемся к послу аримаспов. А когда я, следуя за конюхом, обходил стоянку скота, на меня вдруг сзади напал какой-то кочевник. Он хотел заколоть меня кинжалом, но я успел перехватить его руку. Подоспевший Фрияна сбил его ударом кулака, и он убежал. Лица его мы не разглядели, но меня он мог узнать в свете луны. Мы вернулись: боялись, что этот странный нападавший узнал нас и поднимет тревогу. Теперь-то я считаю, что это и был тот убийца...

– Может быть, может быть, – недоверчиво проговорила афшин. – Но ведь ты еще не все рассказал.

– Поскольку шум никто не поднимал, я решил, что это просто чья-то пьяная выходка. Мы вышли окружным путем к палатке Спадина и оказались с задней ее стороны. Услышав какой-то неясный шум, вроде шипения змеи, короткое время оставались там, а затем я послал Фрияну в шатер, чтобы он разбудил Спадина или предупредил его охранника. Тот, по моему разумению, должен был находиться в палатке посла. А что увидел в шатре мой конюх, вам лучше спросить у него самого.

– Мы так и сделаем, – сказала афшин, оборачиваясь к Фрияне. – Дай клятву Митре, молодой человек. И учти, если ты будешь выгораживать хозяина, отвечать за все придется тебе.

Фрияна растерялся. Столько опасностей угрожает ему. А главное, простит ли Митра то, что он совершил: и в шатре командиров, и в шатре аримаспа...

– Клянусь Митрой, – наконец, взял себя в руки конюх персов. – Все так и было, как говорит мой командир. Я обогнул шатер и зашел в него. Никакого охранника не было. В глубине палатки на ковре спал – во всяком случае мне так показалось – посол аримаспов. Я присел около него и потрогал за плечо. «Проснись, Спадин», – сказал я, но он не отозвался.

– На нем был панцирь?

– Нет.

– Разве кинжала не было в его ране?

– Не видел я ни кинжала, ни раны.

– И крови не было?

– Не заметил. Вся спину его покрывала татуировка. И было темновато.

– Что было дальше? Ты сразу вышел из палатки?

Фрияна помялся немного.

– Я подождал чуть-чуть и снова попробовал разбудить посла. Ничего не получилось, и я отправился к господину.

– Если тебе нечего добавить, дальше мы опять послушаем его самого.

– Я решил сам разбудить Спадина, – продолжил Утана. – И зашел туда.

– Вместе с Фрияной?

– Нет, его я оставил на углу, на страже. Подойдя к Спадину, я потормошил его и понял, что он мертв. Осмотрев его спину, я обнаружил и рану. А неподалеку на земле, в разных сторонах палатки, валялись два кинжала: Раухшаны и Спадина. Из присущего мне любопытства я взял их оба и примерил первый из них к ране. Он легко входил, но, перевернув труп на бок, я понял, что он слишком короток. Тогда я, недолго думая, вытащил его и вставил второй. Спиной я заслонил свет и не мог разглядеть, что он слишком широк, тем более что я, видимо, уже расширил рану лезвием первого. Едва я вставил кинжал Спадина и надавил на его рукоять, как он вошел в тело по самое перекрестие, будто в хлебную мякоть. Оставаться дальше было слишком опасно, и я решил уйти также незаметно, как и вошел. И мне показалось, что это нам с Фрияной удалось. Но я ошибся.

– Очень складно ты все излагаешь, Утана, – покачала головой афшин. – А теперь ответь: кто из вас убил Спадина?

– Ни я, ни Фрияна не могли сделать это, – глава персов уже обрел привычную невозмутимость. – Мы не убивали его, поскольку уже до нас Спадин лежал без своего панциря. Судя по показаниям Ваюги и Арианды, мы были в шатре после их пребывания там. И действительно, если ты спросишь своего свидетеля, он тебе скажет, что видел нас незадолго до объявления тревоги.

– Это так? – обратилась афшин куда-то в темноту.

– Точно так, госпожа, – раздался смущенный голос пастуха.

– Но в начале ночи вы могли убить Спадина своим кинжалом.

– Однако никто не видел кого-либо из нас в это время, не так ли, царица? С таким же успехом это мог быть кто-то другой.

– У кого есть такой кинжал, к примеру, Арианда.

– А ты слишком хорошо осведомлена о возможных таких кинжалах, афшин. Видимо, из всех подарков нашего царя тебе приглянулся именно он.

Утана вдруг улыбнулся и продолжал более решительным тоном:

– А ведь могла и ты, царица, убить Спадина...

– Я? – афшин изменилась в лице, но быстро собой овладела. – За что? За то, что он предпочел Тамурию, а не меня?

– Я плохо разбираюсь в женских чувствах, – заявил Утана, усмехнувшись. – Но ты могла убить аримаспа хотя бы для того, чтобы он не рассказал мне о дороге на Хару Барзати, которую вы тщательно оберегаете от посторонних.

– Боюсь, я едва ли пробила бы кинжалом даже незащищенное тело Спадина, а не то, что его панцирь.

– Разумеется, ты сделала это не своей рукой, а рукой другого, молодого и крепкого. Твоего верного охранника, жизнь которого принадлежит тебе.

Афшин обернулась к могучему воину, который положил широкую ладонь на рукоятку оружия. Но не того кинжала, о котором шла речь, а обыкновенной акинаки. Трудно сказать насчет посла аримаспов, но посла персов он был готов прикончить сейчас и без приказа.

– Мой телохранитель этого сделать не мог, – проговорила царица. – Во-первых, он неотлучается от меня ни на шаг. А во-вторых... – она замялась.

– Что такое? – подал голос долго молчавший Датак. Он был рад неожиданно появившейся возможности сбить спесь с повелительницы дахов. А может, и открыть истинного убийцу?

– Во вторых, подаренный персами кинжал исчез еще вечером после пира.

– Вот как! – воскликнул Утана. – Мы дарили тебе и другое оружие, золотую акинаку, к примеру. Еще что-нибудь пропало?

– Нет, только этот, со стальным лезвием. Видимо, сталь оказалась вору более ценной, чем золото.

– Почему же ты не сказала об этом раньше?

– А разве заходила речь о ваших подарках?

Жестом афшин подозвала к себе одного из свиты:

– Подтверди, что ты сам сообщил мне об этой пропаже.

– Так и было, госпожа, так и было.

Недоверие Утаны это несколько не поколебало, тем более что глава персов был заинтересованной стороной. Слишком заинтересованной для беспристрастного судьи. Впрочем, все три судьи здесь не отличались беспристрастностью...

– Очень странное и почти невероятное совпадение, – сказал Утана. – Либо кинжал украл убийца. Либо... – он выдержал паузу. – Либо ты лжешь.

Повелительница дахов сжала старческие кулачки.

– Последний, кто обвинял меня во лжи, был мой муж, – проговорила она. – Но он умер двадцать лет назад... Клянусь Митрой, что я не имею никакого отношения к убийству Спадина. Ты сам свидетель, Датак, как я привечала твоего друга. И ты знаешь, что у меня не было той причины для убийства, которую высказал перс.

Датак был удовлетворен.

– Ловко же ты отвел подозрения от себя, Утана, – проговорил он. – Таким способом можно обвинить любого.

– Именно, Датак, именно, – улыбнулся персидский посол. – В том числе и тебя. Ты все время был в тени, за широкой спиной Спадина, а теперь занял его место – и в посольстве, и, может быть, в племени. Разве тебе не выгодна смерть Спадина? Ты мог похитить подаренный кинжал и убить своего друга.

При всей своей сдержанности, посол аримаспов всплеснул от возмущения.

– Осторожней, Утана, у меня в руках – кинжал Спадина!

– А у меня за поясом – мой собственный, Датак, – остановил его Утана. – Похоже, всех нас надо судить судом Митры, и мы перебьем друг друга.

– Ты издеваешься над судом? – взъярилась афшин. – Над судом бога?

– Я только хотел сказать, до чего могут довести безудержные подозрения и торопливые разборки. И так, мы с вами пришли к тому, с чего начинали.

Кто убийца? Им мог быть Раухшана – самый ярый враг аримаспа. Видя, что тот не снимает панцирь, он похитил кинжал афшин и убил им Спадина...

– И воткнул свой собственный, чтобы подставить себя? – засмеялся Датак. – Для этого надо быть безумцем.

– А если он как раз и рассчитывал на то, что при изучении дела всплывет невозможность убийства именно его оружием? Тогда его кинжал в ране, которую этот клинок заведомо не мог оставить, становится для Раухшаны лучшим доказательством невиновности. А этот юноша вовсе не так глуп, как иногда кажется. Просто он слишком молод. Раухшана мог подбросить и гребешок, чтобы обвинить Тамурию, из-за которой испытал столько унижений. А потом он наткнулся на нас с Фрияной, когда слонялся недалеко от шатра, чтобы подстеречь кого-нибудь и свалить на того вину.

– Ты имеешь в виду своего друга, Утана? – сказала афшин. – То же самое, и с большей вероятностью, мог проделать и он. Тем более что у нападавшего на вас был кинжал. Может быть, ваш, персидский.

– Что касается Арианды... Если еще как-то, с натяжкой, и можно вообразить, что Арианда убил Спадина из ревности и зависти к его успешному сватовству, – проговорил глава персов, – то зачем ему было подстергать меня, своего лучшего друга? А главное, как объяснить подброшенный гребешок? С первого дня мой друг многое был готов совершить ради Тамурии, спасшей ему жизнь, а не просто ради нее. Истинно влюбленный человек не мог бы причинить любимой столько горя: она едва жива после всего, что пришлось ей вынести.

– В этом ты прав, – согласилась афшин. – Но тогда кто же он, этот таинственный похититель кинжала?

– Я бы не стал отбрасывать и нашего уважаемого старейшину. Кинжал царицы и кинжал Раухшаны мог похитить его сын. Мотив у него – веский, и даже не один: потеря глаза и грозившее родство, вернее, свойство, с худшим из врагов. Свойство, которое уготовила ему любимая племянница, предательство которой он и захотел наказать, подбросив гребешок. Кстати, и сама эта племянница, при всем моем к тебе уважении, Тамурия, – продолжал Утана, – могла сговориться с убийцей. А гребешок подарить ему.

– Ты забыл о себе и своем конюхе.

– И о тебе, афшин, или о Датаке. Но ни у кого из всех нас не было достаточно серьезного повода совершить это безумное злодеяние, сопряженное с безумным риском. Ни у кого, кроме исседа, который мог украсть и твой кинжал. Но против него нет улик.

– Остается надеяться на то, что эти улики появятся, – заключил Датак. – Или нам поможет какое-то озарение, некая вспышка, которая светом Митры проявит все.

– Да, – согласился Утана, глубоко задумавшись. – Некая вспышка...

– Мы забыли о том, что Митра сам может указать нам на убийцу – в этом бою, – сказала афшин.

– Но почему-то до сих пор не сделал этого, – проговорил Датак. – Видимо, условия боя его не устраивают.

– Что ты хочешь сказать? – удивились разом афшин и Утана.

– По мнению бога, может быть, не хватает на поле боя еще и других подозреваемых: Ваюги и Тамурии, Утаны и Фрияны. Я не имею в виду, что один из них точно и есть убийца, но...

– Ты предлагаешь устроить перестрелку семерых? – усмехнулся Утана. – Каким образом? Каждый сам за себя или три перса против трех дахов? А как же быть тогда с Кардатом? У нас ведь нет еще двоих исседов.

– Судя по его поступкам, Кардат один стоит троих. Да я и не предлагаю устраивать массовое побоище. Пусть стреляют те же. Но если будет сражен Раухшана, то виновными, хотя и в меньшей степени, следует признать и двух других дахов, а если Арианда – и этих персов, тоже в меньшей степени.

– В этом что-то есть, – сказала афшин. – Иначе, Утана, наши с тобой воины так и будут бить только друг в друга, на радость исседу. Ведь так?

Пока думал персидский посол, сердце Фрияны сжалось от ужаса: ведь он своими руками сделал все, чтобы проиграл Арианда. Надо надеяться, что Утана проявит свой ум и...

– Я согласен, – ответил персидский посол. – Если двум не участвующим в схватке в случае поражения третьего, стрелка, будет сохранена свобода.

– А какое же наказание им тогда остается? – спросил посол аримаспов.

– Заплатить выкуп и уйти в изгнание. И еще: пусть исседу сообщат, что он тоже будет биться не только за себя, но и за свое племя, на которое будет возложена вина за убийство.

– Да будет так! – последнее слово на этом суде принадлежало Датаку.

– Я сама объясню бойцам новые условия ответственности, – сказала Тамурия.

– Тогда не будем мешкать: скоро рассвет, – опять заторопилась афшин. – И пусть подбросят дрова в один из костров: он уже догорает.

При этих словах царицы Утана как-то странно поглядел на нее.

– Костер догорает, – повторил он.

– Что ты имеешь в виду, Утана? – обратилась к нему афшин. – Что скоро он не нужен будет вообще?

– Нет. То есть да, – как-то странно ответил персидский посол. – Я думаю совсем о другом, – признался Утана. «О том, – мысленно добавил он, – что по моим показаниям кто-то может догадаться: я действительно не был самым последним из тех, кто уходил ночью из шатра...»

Прижимая к груди свою куртку, Тамурия известила стрелков о новой договоренности по очереди: сначала Раухшану, затем молодого перса, и последним – Кардата. Вместе с Майясарой она осталась возле арены на перешейке, погруженная в глубокие раздумья.

То ли от близкого присутствия Тамурии, то ли от ее сообщения, что отныне стрелки сражаются не только за себя, огненный бой возобновился с удвоенной яростью. Но цели его изменились.

Когда все три воина зажгли свои стрелы, афшин повернулась к Утане.

– Если твой друг так благороден, как ты уверяешь, – сказала она, – то будет теперь стрелять не в Раухшану, а в исседа, чтобы на Тамурию не падала даже тень подозрения.

– Похоже, Арианда действительно не может причинить вред Тамурии, – ответил вместо персидского посла посол аримаспов, когда товарищ Утаны выстрелил в Кардата. – Но в кого же будет метить Раухшана?

Уклонившись от стрелы перса, Кардат спустил свою тетиву, и его маленький смертоносный факел полетел в сторону юного даха.

Утана верно рассчитал: когда наступит пора биться за свое племя, иссед, забыв о справедливости или о каких-то своих расчетах, станет стрелять по врагам своего народа.

Но для Раухшаны, как будто получившему по очереди – от Арианды и Кардата – право выстрелить, по-прежнему существовал только один враг...

В синеющей речной мгле невидимая рука Митры будто бы рисовала лучиной магический треугольник. Но усталость на исходе нескончаемой ночи брала свое, и бойцам уже не хватало быстроты. Теперь почти каждый выстрел сопровождался криками боли от ожога или пореза.

Однако терпеть им оставалось недолго: колчаны были почти пусты.

– Смотрите, как легко уходит иссед! – с досадой воскликнула афшин. – Он прямо кичится своим превосходством в защите.

– Лучше бы Раухшана стрелял по нему, – отозвался Ваюга. – А теперь хитрый иссед предвкушает свою победу и то, чем она обернется для его проклятого племени. И для нас с Тамурией. Стреляй в исседа, балбес! – не выдержав, заорал он юному даху.

Этот возглас, может быть, отвлек внимание Раухшаны, а может, еще больше подхлестнул усердие Кардата. Или это было просто совпадение? Так или иначе, стрела исседа ударила в левую голень юноши, свалив его с ног.

В это время Арианда поджег свою стрелу и оттянул тетиву, еще не целясь.

Треск ломающейся кибити лука до него дошел одновременно с острой болью: горящий кусок шерсти опалил левую руку. Вскрикнув, он выронил бесполезное теперь оружие вместе со стрелой, которая перегорела, как простой пруттик. А ведь это была его последняя зажигательная стрела.

В колчане оставалась только стрела Тамурии, «стрела удачи», как он ее назвал. Но ее нельзя было использовать: она была взята им сверх положенного набора и, к тому же, не имела комочка шерсти, пропитанного смолой. Впрочем, если бы даже у него и были еще стрелы, пришлось бы только бросать их рукой в бессильной злости...

Неудача главного противника лучше любого лекарства подняла на ноги Раухшану. Прихрамывая, юный

дах добежал до костра и зажег стрелу. Зажав ее, он отвел кисть до самого плеча; черная пантера на его груди передними лапами словно помогала ему оттянуть тетиву как можно дальше.

Кардат был занят наблюдением за Ариандой, который в сердцах чертыхался и, схватив половинки лука, безуспешно пытался их соединить. Поэтому ничто не помешало Раухшане пустить стрелу.

Молодой перс среагировал на выстрел в последний момент. Маленькая молния летела ему прямо в пах. Арианда успел только вскинуть бедро согнутой ноги, будто хотел пнуть эту стрелу. Наконечник вошел в мышцу, опалив края раны; огонь сразу затух. Перс упал на колени, как недавно Раухшана, который сейчас еле стоял на ногах, опираясь на лук, как на трость.

Начинавшееся просветление дало возможность зрителям увидеть все происходящее: обоих раненных бойцов и фигуру целехонького исседа между ними. Кардат стоял возле костра неподвижно и, наверное, выбирал, кого же ему проще добить: подраненного даха или бездвигательного Арианду. Но сделать что-либо он не спешил: должно быть, ему доставляло наслаждение зрелище поверженных врагов.

– У исседа – последняя стрела! – вдруг крикнул самый зоркий из дахов.

– Стреляй в перса! – хором завопило едва ли не все дахское племя.

– Стреляй, и афшин простит тебе все грехи! – прогремел голос Ваюги. – Мы уговорим ее!

– Да-да! Мы вымолим тебе прощение! – подхватили сотни глоток.

Новая возможность заставила задуматься Кардата. Он посмотрел на Тамурию, стоявшую на перемычке возле арены рядом с Майясарой. Казалось, иссед ждал совета амазонки. Но девушка подавленно молчала.

Арианда выдернул стрелу из бедра и портупейным ремнем стянул бедро.

– Держись, Арианда! – крикнул ему Утана. – Держись ради нашего царя!

Окровавленные пальцы перса держали чужую стрелу – единственную, которую, по условиям боя, он мог использовать. Если удастся поджечь забрызганный кровью кусочек шерсти. Его еще предстояло обтереть и подсушить на огне. Хотя без лука все это не имело никакого смысла.

Кардат продолжал наблюдать за действиями перса, а Раухшана, хромя, добрался до костра, зажег свою последнюю стрелу и вскинул лук.

У Тамурии схватило сердце: теперь Арианду не спасет даже Митра! Она нервно теребила завязку куртки, словно это был не шнурок, а тетива ее лука.

– Не убивай его, Раухшана! – не выдержала она.

Сколько раз юный дах оспаривал ее приказы! Но сейчас по этой команде он повернул оружие и, почти не целясь, пустил стрелу. И пробил насквозь голень исседа. Кардат пошатнулся, выронил свою стрелу, но на ногах устоял. Отложив и лук, он взялся одной кистью за древко возле оперения, а другой – за вышедшее с другой стороны икроножной мышцы острие. Присев, Кардат напряг

мышцу и сломал руками стрелу в ране. Отбросив окровавленные обломки, он вытащил маленький ножичек из колчана. Развязав и сорвав мягкий сапожок со здоровой ноги, иссед обернул ими рану и стянул повязку тем шнуром, которым обматывалась его обувь.

Не спеша, Кардат поднял оружие, зажег стрелу и вышел на боевую линию.

– В перса, в перса! – скандировали кочевники, когда он натянул тетиву.

Все три стрелка стояли неподвижно. И все трое истекали кровью.

– В кого мне стрелять, Тамурия? – вдруг крикнул иссед.

Степняки затихли и повернули головы к амазонке. Тяжелый выбор достался страдающей не меньше бойцов девушке.

– Так в кого же? – повторил Кардат.

– В себя, если можешь! – ответила она, закрывая лицо ладошками.

В наступившем безмолвии щелкнула тетива, а затем раздался радостный клич дахов. Тамурия боялась открыть глаза и увидеть труп Арианды.

– Смотри же, Тамурия! – ткнула ее в бок Майясара, подхватывая куртку, выпавшую из рук подруги. – Митра спасает нас!

Стрела Кардата вонзилась в землю возле ноги Раухшаны. Это удивило многих: иссед так еще не промахивался. Она не успела потухнуть, как юный дах подхватил ее и натянул лук снова на исседа.

– Исполнилось пророчество афшин! – вскричал Ваюга. – Стрела, выпущенная тем, кто солгал Митре, вернется к самому убийце!

Раненный в ногу, Кардат стоял без движения, как мишень. Он даже не стал – или просто не мог? – уклоняться. Но когда стрела была уже на подлете, иссед ударом лука, как щитом, отбил ее, сломав в воздухе.

– Бой окончен! – вскочил со своего места Утана. – Все три бойца больше не могут стрелять: у двоих остались только луки, у третьего – вообще одна стрела. И все трое еле держатся на ногах.

– Придется бросить жребий! – громко возвестила афшин.

– И брошу его я! – крикнул Кардат.

Он размахнулся и метнул свой лук под ноги Арианде.

Гул возмущения прокатился по рядам.

– Так нельзя! – взревел Ваюга.

– Правилами это не запрещено, – сухо сказал посол аримаспов. – Не так ли, афшин?

Царица не нашла возражений, как бы ни хотела этого.

– Давай, Арианда! – крикнул Кардат персу, не ожидавшему такого подарка судьбы. – Покажи, наконец, кто истинный убийца!

Словно очнувшись от спячки, молодой посол схватил оружие, зажег-таки стрелу и уже собирался поднять лук. Но на кого?

Тамурия опустила голову. Впервые в жизни ее не радовал рассвет.

– Стойте! – она вдруг бросилась на площадку, будто решила-таки тоже принять участие в бою.

ДЕНЬ ЖЕРТВЫ СОЛНЦУ

Ни Майясара, в чьих руках все еще оставалась куртка подруги, ни кочевник, следивший за порядком на арене – никто не смог ее задержать. Даже владычица дахов потеряла дар речи и не посмела остановить девушку.

– Стойте! – Тамурия выбежала на центр арены. – На мне кровь Спадина!

Арианда вздрогнул, однако спустил тетиву. Его выстрел был точен.

– Так вот как исполнилось твое пророчество, афшин! – обратился Датак к царице. – Вот к кому вернулась его стрела!

Раухшана упал от удара стрелы, воткнувшейся в его левый бок, завалился на пылавшее древко и затушил его. Перевернувшись, он тут же встал на одно колено и выдернул из реберной дуги стрелу, сломавшуюся при его падении.

Внимание всех было приковано к юному даху и Тамурии. Что означало ее признание, сбитие с толку зрители еще не успели понять.

Только убийца и еще один человек сообразили, что к чему. Кардат понял, что надо спешить, иначе будет поздно. Разрезав опоясывавшую его веревку, иссед стал пробираться вперед. Рука его крепко сжимала нож. Расстояние между ним и Тамурией все сокращалось и сокращалось. Если бы не раненная нога, это получилось бы у него гораздо быстрее...

Оглянувшись и увидев, что Раухшана жив, дахиянка сорвала с себя куртку, будто та обжигала ее нестерпимым огнем, и швырнула наземь.

– Кровь убитого посла! – повторила Тамурия. – Она – наэтой куртке. На твоей куртке, Арианда!

Сорвав с себя подаренное им ожерелье, девушка с размаху бросила и его.

Все зрители вскочили на ноги. Все, кроме Утаны, который опустил голову.

Арианда голову не опускал. Может потому, что впервые во всей красе увидел грудь амазонки. А может потому, что ему стало уже все равно.

– Но зачем, Арианда, зачем? – с плачем воскликнула девушка.

– Не догадываешься? – странная улыбка, похожая на гримасу, судорогой прошла по его пересохшим губам.

Он все же опустил голову. И не только голову, но и весь согнулся, будто в земном поклоне. Однако сделал это лишь для того, чтобы достать из колчана последнюю стрелу – подарок Тамурии. На древке стрелы красные и иссиня-черные полоски чередовались, как на подоле валявшейся куртки Арианды пятна крови чередовались с участками окрашенной в цвет индиго кожи.

Среди всех присутствующих, хотя большинство из них само не раз сеяло смерть полными колчанами, не было никого, кто не содрогнулся бы от того, что должно было сейчас произойти. Руки воинов онемели: никто не успевал помочь, даже тот, кто следил за правильностью ведения боя на арене.

– Нет, Арианда, нет! – закричал Утана.

Кардат не кричал ничего. Он перехватил свой нож за лезвие и со всей силы метнул его в перса. Иссед редко промахивался даже в деревце в два пальца толщиной, но сейчас расстояние до цели было слишком большим. Нож едва долетел до Арианды и воткнулся в его стопу, будто пригвозждая посла к месту, сойти с которого ему было уже не суждено.

Молодой перс покачнулся, но устоял и даже выстрелил. Выстрелил прямо в Тамурию. Во всяком случае, так всем показалось вначале. Этого-то и боялся Кардат, но помочь амазонке не мог уже ничем.

Однако стрела смертоносной змейкой прошипела над ухом неподвижно стоявшей девушки и попала туда, куда на самом деле метил Арианда: в грудь юного даха. Точнее, в грудь черного барса, который всегда готов был разделить с хозяином то, что было предназначено их общей судьбой.

При виде упавшего юноши к Тамурии вернулась резвость, которая всегда ее отличала. Она подлетела к Раухшане, одной рукой выдернула стрелу из его груди, а другой – кибить лука из его ослабевших пальцев. И тотчас амазонка выстрелила назад с разворота – так, как любили бить кочевники севера, когда мчались на полном скаку. Так, как любила бить она сама.

Последнее, что увидел упавший на спину Арианда, были три орлиные пера возле уха стрелы, пронзившей его горло. А последнее, что он услышал, были брошенные дахиянкой слова:

– Митра карает тебя, чужеземец! Ты и станешь жертвой Солнцу!

«Ты и станешь жертвой Солнцу? Кажется, так мне пророчил и старый пастух, когда...» – такова была последняя, угасающая мысль Арианды.

Девушка присела на колени, прижав голову Раухшаны к своей груди: так мать прижимает голову своего ребенка. И теперь всякий мог увидеть, как крепко, будто почуяв могильный холод, свернулась клубком черная пантера, упиравшаяся задними лапами в коричневый кружочек ее соска. В точности такая же пантера, как и у юного даха.

– Не умирай, брат, – тихо сказала Тамурия. – Мы еще повоюем вместе. Ведь ты – настоящий воин. Воин царского рода. Наша мать гордится тобой с вершины Хары.

Подбравший Ваюга присел и, невзирая на дикую боль в спине, с помощью сына подхватил племянника своими могучими руками.

– Может, его еще можно спасти? Я отнесу Раухшану в лагерь.

– Сначала надо его перевязать, – сказала дочь састара, набрасывая куртку Тамурии на ее плечи. – У меня в сумке есть кусок полотна, – доставая его, Майясара не заметила, как выронила наземь шапку Арианды.

В это время другие дахи уже окружили эту семью плотным кольцом, словно защищая ее от врагов. Хотя, может быть, слишком поздно...

Все проводили взглядом Тамурию, которую под руки вводили подруги.

– Бедная девочка, – вздохнул Утана. – Она еще не знает, что каждому в жизни приходится так или иначе убивать любовь. Чужую или свою.

– Ты о ней или о нем? – вопрос царицы не требовал ответа...

Призывая всех к порядку, афшин поднялась сама и подняла свое зеркало.

– Исполнилось то, что предвещал Митра! – провозгласила царица. – Стрела, пущенная лжецом, поразила его самого!

Собравшиеся молча внимали ей. Не было среди них никого, кто не верил бы в мощь этого бога. А если и был такой, то теперь уверовал наверняка...

– Митра рассеял мглу и пролил свет на главную улику, – продолжала афшин. – И он же покарал убийцу самой страшной карой.

– Мне все-таки не понятно, – спросил Датак, – для чего Арианде понадобилось чернить Тамирию, подбирая ее гребешок?

– Пусть ответит второй судья, – сказала царица. – Ведь он уже догадывался, кто убийца. Не так ли, Утана?

Перс поднял голову. Долг посла великой державы требовал от него не меньшего мужества, чем в бою. А еще больше – ума и хладнокровия.

– Я начал понимать это, когда Датак заговорил о вспышке, а ты, афшин, о догорающем костре. Датак имел в виду озарение, а я сразу вспомнил ту вспышку догорающего костра, о которой упоминал Ваюга, рассказывая о том, как он выскочил из шатра. Вспышку, за которой последовали какие-то звуки, исходившие, по его словам, от аримаспов.

– И что же? – спросил Датак.

– По всей вероятности, шипение от вспышки и был тот самый шум, который мы с Фрияной услышали, когда прятались за задней стенкой шатра. Может, костер добрался до какой-нибудь ветки, пропитанной жиром. Или просто обломилась горящая сучья. А наш-то разговор и принял за кряхтенье спящих Ваюга. Из-за этого шума и мы не сразу вошли в палатку. Но по расчету времени получалось, что Арианда находился еще там, когда Фрияна, а после него и я, входили в шатер. Наверное, он прятался за пологом, который был подвешен внутри палатки.

– То есть, он видел вас, но ничего не сказал, и одно это вызвало у тебя потом серьезное подозрение.

– Прибавим к этому его отсутствие после пира, да еще и мотив преступления, о котором я только что догадался. Но о последнем попозже.

– Итак, Арианда заходил в шатер два раза, – сказала афшин. – Первый раз, когда, похитив кинжал Раухшаны, собирался убить им Спадина. Но, увидев того в панцире, убил его своим кинжалом. Однако потом сообразил: тот, кого он подставляет под обвинение, не так могуч, чтобы небольшим кинжалом пробить такой доспех. Тогда Арианда снял панцирь и воткнул в рану кинжал юноши, а также подбросил гребешок на кровавую землю. Засунув панцирь в сумку Спадина, он ушел, не заметив, что запачкал кровью свою куртку. Но зачем же он отправился в шатер снова?

– Это сложный вопрос, и ответить на него с точностью мог бы только сам Арианда. Может быть, он решил проследить, не зайдет ли кто-нибудь еще в шатер? Кстати, он мог догадаться, что я собираюсь туда. Самым главным для него было не просто убить посла, а сохранить при этом улики. Ради них-то все и затевалось.

Он надеялся, что тело и вещи, подброшенные им, обнаружат только засветло, и хотел убедиться, что все идет по его задумке. И вдруг увидел, как кто-то выходит из палатки посла. Причем тайно, не поднимая тревоги.

Арианде пришлось рискнуть и зайти туда снова. Но тут его вспугнул Фрияна, и он спрятался за пологом. Увидев, что конюх принял убитого за спящего, он использовал это в своем рассказе, слишком похожем на показания Фрияны.

Пока Утана излагал свои предположения, конюх персов со все нарастающим страхом представлял, как стоял у него за спиной молодой господин. И видел, как Фрияна по-воровски рылся в вещах аримаспа, выложенных из сумки. Рылся, но так и не нашел ничего, что указало бы на тайну сокровища. А если бы нашел? Стал бы новой жертвой?

– Почему же Арианда оставил в теле Спадина кинжал аримаспа, введенный тобой, а не заменил его на кинжал Раухшаны? – спросила афшин.

– Очень просто. В темноте он принял его за кинжал юноши: грибовидной головкой они похожи. А поскольку промедление было крайне опасным – слишком много людей уже прошло через шатер, и кто-то из охраны мог проснуться – он и не стал все это перепроверять, а тут же удалился. Если бы Раухшана не заметил его, то...

– Мы бы вообще не заподозрили твоего друга, – закончил за Утану Датак. – Все понятно, кроме того, зачем ему понадобилось и на Тамирию бросать долю подозрения.

– Не долю, Датак. Я полагаю, что Арианда вообще старался сделать так, чтобы в убийстве обвинили Тамирию.

– Не может быть! – в один голос воскликнули афшин и посол аримаспов.

– Ты сам себе противоречишь, – добавил Датак. – Не ты ли говорил, что Арианда никогда не причинит зла Тамирии?

– Все зависит от того, что считать злом. Он был убежден, что злом для Тамирии является ее вынужденный, по его мнению, брак с вождем врагов. Но была еще одна причина, самая главная. И самая замысловатая.

– Какая же может быть разумная причина этого преступления? – удивилась афшин. – Ты же сам называл убийство странным, а преступника – безумным.

– Дойдем и до этого, – ответил Утана. – А пока я поясню вам, почему считаю, что Арианда подставлял Тамирию под обвинение в убийстве.

Представьте себе, что на рассвете нашли бы тело Спадина с кинжалом Раухшаны в спине и гребешком Тамирии возле трупа. А юноша бы в это время все еще валялся пьяный за лагерем. Что бы все подумали?

– Что она стащила кинжал Раухшаны и убила им Спадина, – сказал Датак. – Может, решили бы, что она про-

никлак нему, пока он еще не спал. Спадин, поддавшись ее обольщению, утратил бдительность, снял панцирь и...

– Получил кинжал в спину, – закончила за него царица. – Причем, все решили бы, что она нарочно подставляет сводного брата, которого не хотела признавать из-за его отца, простого пастуха, в чей род ушла когда-то ее мать после ссоры с тогдашней афшин.

– В том числе так бы подумал и сам Раухшана, которого мы с Ариандой принимали за влюбленного в нее. А ведь рядовому даху за убийство грозила казнь. С такой коварной девушкой юноша не стал бы разделять тяготы изгнания...

– Какого изгнания? – перебил перса Датак. – Афшин, разве вы бы не казнили Тамурию или не выдали бы ее нам?

– Нет! – твердо сказала царица. – Наш обычай запрещает казнить или выдавать убийцу. Даже если он убил посла. Разумеется, если убийца – нашего, царского рода. Только вечное изгнание может служить наказанием ему. Но откуда вы, Утана, узнали об этом обычае?

– Сама Тамурия как-то упомянула о нем, правда, по другому поводу. В этом-то обычае и таилась цель преступления, которое нам казалось таким странным. Если бы не этот обычай, убийство никогда бы не совершилось.

– Ты хочешь сказать, что посол был убит только для того, чтобы мы изгнали Тамурию?

– И ей, чтобы найти укрытие от грядущей мести ари-маспов, ничего бы не оставалось, как уехать с Ариандой, – грустно проговорил Утана. – Из этого, конечно, не вышло бы ничего хорошего ни для Арианды с его знатными и ревнивыми женами-персиянками, ни для самой Тамурии. Тем более что никому, кроме самой Тамурии, не известно, любила ли она сама Арианду. Впрочем, может, она и сама этого не знает.

Не только трое судей, но и все окружающие помолчали, как молчат, по обычаю, над умершим. А в этом рассказе Утаны умирала надежда влюбленного мужчины...

– Но как же мог твой друг, если он сам любил Тамурию, пойти на преступление и перед ней самой, и перед тобой, своим другом, на которого он навлек столько опасностей? А главное, перед своим царем, чьим послом он являлся. И перед Митрой, ведь он клялся, что...

– Что не убивал Спадина т и мкинжалом, а ты спрашивала его о кинжале Раухшаны: вспомни, царица. Он использовал игру слов, – проговорил Утана, и с грустью добавил:

– Этой игре я его учил. Но не думал, для чего он применит этот способ.

– У твоего друга – какая-то смесь ума и безумия, – заметила царица. – Только умный мог все это задумать, но только безумец – решиться исполнить.

– Твоя мудрость, афшин, «заарканила» истину, как амазонка арканил дикого жеребца, – согласился глава персов. – Сейчас я скажу вам нечто важное, что окончательно объяснит все дело. Арианда был ранен в голову в запретном городе, и боли мучили его все эти дни. Проходили они только тогда, когда рядом была Тамурия. Она была для него единственным лекарством. Видимо, жить без нее он уже не мог. И его рассудок помутился.

– Что ты имеешь в виду? Он ведь так умно рассчитал свое преступление.

– Арианда был одержим двумя противоположными целями: с одной стороны, раскрыть тайну сокровища Тамурии, чтобы завоевать девушку, с другой – сохранить эту тайну, чтобы не повредить ей. Я думаю, вторую цель он и сам долго не осознавал. Поэтому в ночном беспомоществе совершал убийства тех, кто, по его мнению, вот-вот мог раскрыть эту тайну ему самому. Так он убил и вашего чабана, и нашего мидянина, не помня потом об этом. Он пытался убить и меня этой ночью, когда я сказал ему, что разгадал тайну сокровища. Я думаю, именно он и был тем «кочевником», который напал на меня: очень уж был тот похож на Арианду по фигуре. А когда Спадин упомянул о Голубой Ветви, на аримаспе сошлись обе цели: явная и тайная. Арианда начал постепенно все вспоминать. И тогда у него созрел этот чудовищный план...

– Я только просил бы вас не связывать то, что случилось, с нашей страной и ее царем, – продолжил Утана. – Мы чтим Митру и Арту, то есть Договор и Справедливость. В том числе и справедливость вашего суда, афшин. А вам, Датак, даем выкуп всем золотом, что найдется в посольстве.

– Я передам своим, что в убийстве Спадина не виновато ни племя дахов, ни посольство персов, – с удовлетворением сказал аримасп. – А только любовь и безумие.

– Скажи уж лучше, одно безумие, – улыбнулась афшин. – Ведь любовь ему сродни.

Трое судей засмеялись, поразив всех окружающих. Стальные сердца у наших вождей, коль они смеются в такой час, решили воины.

– Справедливость судьбы в том, что она часто обращает действия преступника против него самого, – продолжила разговор царица. – Арианда хотел, чтобы Тамурию обвинили в убийстве посла, и она действительно убила посла. Он только не знал, что сам станет этим послом.

– Не Тамурия его убила. Он сам убил себя, афшин. Уже когда решился на преступление – убил в себе благородного воина. И окончательно – когда последний раз выстрелил в Раухшану. Он знал, что в ответ будет убит. Единственное – не знал, кем.

– Сам убил себя? – повторила предводительница дахов. – Как Стрианга.

– Стрианга?

– Ну да. Тот мидийский полководец, что полюбил царицу саков Зарину. Отвергнутый ею, он закололся мечом там, где ее впервые встретил.

– И где проходила граница мидийских владений – чтобы царь Мидии не обвинил в его смерти любимую им женщину и ее народ, – задумчиво проговорил Утана. – Арианда, наверное, так и не узнал об этом...

– Да, твой друг кончил похоже, хотя и похуже, – кивнула афшин. – Не легко любить амазонак. Ты согласен, Датак?

Старая провидица повертела головой на цыплячьей шее.

– Но где же посол аримаспов? Куда это он запропастился? Что-то не нравятся мне эти таинственные исчезновения послов.

И в этом была права мудрая владычица дахов. Уход Датака не сулил ее роду ничего хорошего...

Посол аримаспов нагнал Тамурию уже в лагере.

– Как твой брат? – поинтересовался Датак.

– Очень плох, много крови потерял.

– В своем первом бою он прекрасно сражался за весь ваш род. Из него может выйти славный воин, если...

Датак замолчал, молчала и амазонка.

– Спасибо и тебе, что ты не скрыла убийцу и сама покарала его, – продолжил посол аримаспов немного погодя. – Но что мне сказать матери Спадина? У нее было двое цветущих сыновей. А теперь нет даже дочери.

Тамурия посмотрела в глаза Датака. Но прочитать в них не смогла ничего.

– Пойдем к жрецу, – проговорила она. – Я выйду замуж за Спадина.

Аримасп отвернулся, чтобы спрятать усмешку.

– Ты на самом деле готова к этому? – произнес он. – Он же мертв.

– Не имеет значения, – устало сказала амазонка. – Я не нарушаю закон моего народа. После трех убитых воинов мне можно выходить замуж. Пока моего жениха не коснулось тление, свершим брачный обряд, Датак. А ты передашь потом матери Спадина: у нее среди дахов остается дочь.

– Хорошо, – вздохнул посол с облегчением. – Среди нас есть старый воин, который исполняет в походах все таинства. Он будет нашим представителем при обряде. Зови своего жреца в наш шатер.

– Твое решение справедливо, Тамурия, – закончил он. – Так будет лучше для всех. А главное, исполнится заветное желание Спадина.

«И он будет отомщен, как и его брат, убитый вообще тобою, – подумал аримасп. – Так я исполню свой долг перед двумя лучшими друзьями...»

– Афшин, пропавший персидский кинжал нашелся! – с такими словами подбежал один из дахов к царице. – Кто-то бросил оружие в кустах.

– Наверное, тот, кто его украл, тоже испугался, – предположил Утана, – когда услышал, что похититель подозревается в убийстве посла.

– И решил избавиться от улики, – подхватила царица.

Она повернулась, собираясь уходить.

– А кинжал, афшин! – напомнили ей дахи.

– Ах, кинжал, – спохватилась старая царица. – Давайте его сюда.

Она ловко повертела ладонью оружие, вспоминая лихую молодость.

– Значит, таким кинжалом можно без труда пробить панцирь аримаспа? Он нам еще пригодится.

Видя, что ей тяжело держать кинжал, телохранитель протянул свою руку.

– Возьми, но не себе, – распорядилась афшин. – Тебе, как и мне, оружие скоро будет не нужно. А это еще должно послужить нашему роду. Его получит достойнейший из воинов – тот, кто завоюет сердце Тамурии.

– Любой, кто добьется ее взаимности, уже может считать себя храбрейшим, – пошутил персидский посол.

– Конечно, ведь она сразила в боях двух выдающихся бойцов.

– Я не о них, а о тех двух несчастных, что поплатились жизнью за попытку покорить ее сердце.

– Их никто не заставлял, – сказала царица. – Они знали, на что шли. Во всяком случае, один из них знал. Хотя мне жаль их обоих.

– Хотел бы я знать, кто еще будет в числе ее женихов, – усмехнулся Утана. Если бы он знал, кто им будет и к чему это приведет! Но все прорицатели мира, вместе взятые, не могли бы предсказать это сватовство, которое потрясет мир...

– Кстати, где этот самый беглый иссед? – вдруг спохватилась афшин. – Приведите его ко мне, – велела она дахам, ранее охранявшим арену.

Воины смущенно переминались с ноги на ногу.

– Он куда-то запропастился в суматохе, – проговорил, наконец, самый смелый из них. – Но мы обязательно найдем его!

– Конечно, найдете. Потому что не вернетесь в стан без него! – рассердилась царица. – Такие ротозеи, что не могут уследить за раненым в ногу врагом, позорят наш род! Ищите его, где хотите, хоть на реке Иссед!

Она обернулась к Утане и бросила в сердцах:

– Иногда приходится жалеть, что казни в нашем роду запрещают обычай.

Посол усмехнулся.

– За первый проступок не наказывают и у нас, – произнес он задумчиво. – Кстати, что это за история с семьей Тамурии, о которой упоминала та женщина на суде?

– Чужим об этом лучше не знать, – нахмурилась афшин. – А своим – забыть.

Не знала мудрая повелительница дахов, что скоро придет время, и то стародавнее, такое же ночное и темное преступление снова выйдет на свет...

В это время толпу принялась грубо расталкивать Майясара.

– Как там Раухшана? – забеспокоилась царица. – Жалко было бы потерять еще одного молодца сегодня.

– Он жив, – запыхавшись, проговорила девушка. – А вот Тамурия...

– Что с ней?! – воскликнула афшин, хватаясь за сердце...

Когда Тамурия в окружении родни и друзей отправилась в лагерь, Кардат нацепил на себя брошенную ею куртку молодого перса, чтобы не выделяться голым торсом в толпе. На том месте, где только что лежал Раухшана, он нашел еще и шапку Арианды, оставленную Майясарой, когда она доставала повязку для юного даха. Поглубже нахлобучив колпак и повыше завязав его лопасти на лице,

Кардат пошел следом за Тамурией. Босой на одну ногу и раненный на другую, он старался не хромать, но догнать ускользящую девушку все равно не смог и сразу потерял ее в толкучке. Поиски ее в стане тоже оказались неудачны: в свою кибитку амазонка не вернулась.

– Меня, наверное, уже ищут, – пробормотал Кардат, стоя у жилища девушки. – Надо уносить ноги. С помощью коня, разумеется. А коней без хозяев здесь полно.

Все вокруг были возбуждены и продолжали обсуждать случившееся, поэтому никто пока не обращал внимания ни на чужое лицо, ни на голую ступню исседа. Но в любой момент его могли опознать...

– Вы знаете, что происходит сейчас в шатре Спадина? – вдруг выкрикнул кто-то. – Над Тамурией свершают брачный обряд!

– За кого же она выходит замуж, за нового посла, что ли?

– Не угадал – за мертвого аримаспа!

«Любой ценой надо остановить брак дахиянки и аримаспа! – подумал Кардат. – Даже ценой крови...»

Когда Майясара все рассказала царице, та всплеснула руками и вскочила с каменного ложа:

– Она должно быть, не знает... – афшин не договорила и бросилась в лагерь. Бегущей на бракосочетание старухе-царице Утана подивился не меньше, чем если бы увидел бегущее на собственную свадьбу тело Спадина.

Но надо было позаботиться и еще об одном теле...

– Вы забрали тело Арианды? – спросил посол Фрияну.

– Да, господин, его уже несут в твою палатку... Разреши привести твоего коня? Тебе не пристало ходить пешком, благородный Утана.

– Если уж владычица конных кочевников бежит вприпрыжку, то и нам не зазорно пройтись, – усмехнулся посол.

Он ускоренным шагом отправился вслед за афшин. Но к началу обряда все равно не поспел. Как, впрочем, и царица дахов, которая на своих старческих ногах недалеко убежала от персидского посла...

В шатре Спадина дахский жрец нараспев произносил подходящие для случая священные мантры. В этом ритуале ему помогал старый воин, обычно исполнявший в посольстве аримаспов жреческие обязанности.

Церемония уже подходила к концу, и душа жениха могла быть удовлетворена и успокоена. Но душа невесты успокоиться не могла.

Не такой представляла Тамурия свою свадьбу. Ей хотелось вырваться из этой чудовищной западни, в которую ее заманила судьба. Но честь и гордость побеждали все другие чувства.

Жалость к погибшему смешалась с отвращением уже тогда, когда жрец помазал губы лежащего на ковре Спадина смесью меда и кобыльего молока. Это сложное ощущение еще больше усилилось, когда жрец вложил ее руку в холодную кисть аримаспа. Ладонь девушки

сохраняла этот холод даже после того, как Тамурия разжала свои пальцы, поднялась и взяла этой же рукой поданный жрецом пучок прутьев; стебли показались ей такими же жесткими и неживыми, как пальцы Спадина. Всякое тело – трава, как говорят жрецы.

Оставалось сделать три действия, и брак будет свершен.

Старый аримасп привязал один конец аркана к наборному поясу посла, рядом с ножнами кинжала, возвращенного Датаком на его законное место. В это же время дахский жрец накинул петлю на Тамурию и затянул узел аркана на ее талии. Теперь осталось только два действия.

Держа пучок прутьев, она медленно, словно после тяжелой болезни, направилась к выходу из темной и душной, как склеп, палатки. За нею, взяв котелок с освященной водой, таким же тяжелым шагом пошел и жрец...

Снаружи вдруг раздались громкие крики и конское ржание, родное до боли в сердце. Арвант?! Как оказался тут ее верный конь? Кажется, он топчет охрану аримаспов! Голова коня просунулась сквозь полог и кивнула хозяйке, а с его спины соскочил какой-то человек. Он толкнул коня навстречу воинам, пытавшимся ему помешать. Лучше бы они не делали этого! Боевой конь, соскучившийся по битве, обрушил на них всю мощь копыт и крепость зубов, намертво преградив своим старым врагам вход в шатер...

– Остановись, Тамурия! – прокричал Кардат, бросаясь к девушке.

– Не трогай меня! – амазонка ударила его священным пучком. – Я дала согласие Спадину, живому и мертвому!

– А ты знаешь, что полагается по законам их племени вдове вождя?

– Что бы то ни было, я сдержу свое слово!

– Даже если это – смерть на похоронах мужа?

Тамурия пошатнулась, но не ответила ничего.

Тогда иссед ринулся к телу Спадина, оттолкнул остолевшего воина и выхватил из ножен посла кинжал. Пожилой аримасп отпрянул от него, вытаскивая свое собственное оружие. Но Кардат не собирался сражаться. Он только рассек аркан, привязывавший Тамурию к ее жениху, и намотал конец веревки на свое запястье, словно сам поймал дахиянку арканом. Сунув кинжал за пояс, молодой иссед подхватил ослабшую амазонку.

– Но мы уже призвали богиню-Мать, – забормотал не в меру благочестивый жрец. – Надо заканчивать обряд, чтобы богиня навек не лишила Тамурию своей милости.

Кардат принял решение молниеносно.

– Иди за мной! – непререкаемым тоном приказал жрецу.

Сам иссед вышел из шатра, неся девушку, как ребенка.

– Бросай пучок! – сказал он дахиянке, указывая на костер, почти затушенный копытами Арванта. Едва ли осознавая, что она делает, Тамурия кинула священные ветви в язычки пламени.

Потесненные конем амазонки, аримаспы не могли ничего предпринять, тем более что их уже расталкивали подоспевшая свита царицы. Но сзади к спине Кардата подкрадывался старый воин с обнаженным кинжалом. Похитителю невесты полагается смерть. Так же как и...

– Стоять! – визгливый голос афшин остановил всех. Всех, кроме исседа. Он заметил, что конец веревочного «пояса» Тамурии, свисавший с его собственной руки, попал в огонь и загорелся. Обогнув вместе с девушкой костер, Кардат резко бросил жрецу:

– Лей на нас воду, скорее!

Растерявшийся дах опорожнил весь объемистый котелок на молодую пару, и только после этого сообразил, что произошло.

– Тамурия принесла жертву священному костру, – запричитал жрец, обращаясь к афшин, которую боялся больше, чем всех богов, вместе взятых, – а связанный с ней веревкой Кардат сделал обход пламени, о царица...

– И ты окропил, а вернее, облил их освященной водой, болван! – перебила его афшин. – А это значит... – она обернулась к подошедшему Утане.

– Это значит, – закончил за нее персидский посол, – что древний арийский обряд завершен, и Тамурия стала женой Кардата.

Услышав эти слова, амазонка окончательно пришла в себя и заставила исседа опустить ее на землю.

– А меня кто спросил? – возмутилась она.

Афшин недолго обдумывала, как найти выход из положения.

– Ты ведь не давал Кардату молока с медом? – грозно спросила она трясущегося жреца.

Тот замотал головой, надеясь, что хоть это успокоит ярость повелительницы.

– Раз жених не принимал священный напиток, – заявила царица, – значит, он не получил благословения семьи Тамурии, и брак не действителен.

– Тогда завершайте тот обряд, который мы начинали! – слова Датака прозвучали, как вызов дахам.

– Ты злоупотребил нашим доверием, аримасп! – обернулась к нему афшин. – Я все равно не позволила бы Тамурии сгинуть на кургане Спадина!

– Даже если бы это вызвало новую войну с нами?

– Мы всегда готовы к войне за свободу любви!

– Если обряд будет прерван, Тамурию и весь наш род ждет гнев Великой богини, – напомнил жрец. – А священный костер уже затух, и новый – для нового жениха – зажигать нельзя.

Кардат положил руку на плечо Тамурии.

– Ты можешь потом дать мне развод, если захочешь. А сейчас лучше тебе принять все, как есть.

– Он прав, афшин, – Утана попытался убедить старую амазонку, как иссед – молодую. – Лучше быть живой женой одного врага, чем мертвой вдовой другого.

Старуха тяжело вздохнула.

– Не будем спорить, – устало сказала она. – Кардат действительно спас ее. А что делать дальше, нам подскажут боги. Ты согласна на брак, Тамурия?

– Ты слишком добра к врагу, афшин, – снова вмешался Датак. – А ведь иссед, скорее всего, изнасиловал и убил вашу пастушку, у которой, как он уверяет, стащил свой тесный наряд.

Кардат покраснел. Оправдаться от этого обвинения вряд ли удастся. Тамурия отстранила его руку и в расте-

рянности повернулась к царице. Но старуха уже догадалась, что нужно сделать.

– За это и за другие преступления мы изгоним его из рода. После свадьбы, – тихо проговорила она.

– Не убивал он ту пастушку, – вступился вдруг за Кардата один из дахов: тот самый старейшина, который ночью привез в лагерь важную весть, при этом изрядно повредив своими показаниями Тамурии. – Иссед только выкрал ее с пастбища, разбив ей губу, увез далеко от кочевья и забрал всю одежду. Он даже не изнасиловал девушку. Мы встретили пастушку по пути в том виде, в каком иссед ее оставил. И надо сказать, Кардат – не хитрец, а большой дурак, что не тронул такую девчонку!

Афшин подняла зеркало, чтобы остановить смех дахов-мужчин.

– А за осквернение исседами мертвого города, – сказал Утана. – Я обещаю в качестве выкупа такую же жертву Духу Города, как и от себя.

– Итак, препятствий к браку нет, – подвела итог афшин. – Похоже, по благородству и хитрости исседу нет здесь равных. Так ты согласна выйти за него замуж, Тамурия?

Девушка молча кивнула.

– Тогда носи свадебный напиток, – велела царица успокоившемуся жрецу.

Афшин вдруг усмехнулась и добавила:

– Да поскорее, пока об этом не проведал буйный дядя невесты...

Когда все обряды были завершены, Кардат сделал несколько шагов вперед. Пришла пора совершить то, что он задумал еще тогда, когда пошел за Тамурией на арену.

– Великое племя дахов! – обратился он к народу. – Все уважают вас за доблесть и силу. Когда я узнал вас ближе этой ночью, то перестал считать врагами. Мне по нраву прилась твоя справедливость, повелительница дахов. Как и очарование дахских женщин.

Иссед немного перевел дух.

– Я думаю, великодушие, а не жестокость – признак силы. Людям надо больше поклоняться богине-Матери, чем богу войны. Рождению, а не Смерти. Если вы с этим согласны, то я обещаю убедить вождей моего племени заключить с вами вечный мир. И, как с друзьями, поделиться теми тайнами, которыми мы владеем. Если и вы поделитесь ими. Но мы теперь знаем побольше вас о Голубой Ветви...

Народ дахов молчал. Молчала и его царица. Нелегко менять в одночасье судьбу народа, как нелегко разворачивать коня на полном скаку.

– Если среди исседов много таких, как он, – произнесла, наконец, афшин, – то ох как нелегко будет справиться с его племенем, не так ли, Ваюга?

– А зачем нам с ними воевать, если он предлагает, как я понял, вместе искать сокровища? – ответил састар.

Радостный крик дахов, наверное, долетел до обители богов – Высокой Хары. Может, впервые за многие поколения воинственные кочевники так рьяно выкри-

кивали не смертоносный клич «марга», а жизнеутверждающее «р а м а н» – мир...

Одна только Тамурия не проронила ни слова во время этого всеобщего ликования.

– Разве тебе не хочется миром решить все, что стоит между нами? – спросил ее Кардат.

– Миром? – усмехнулась она, уходя. – Как я могу доверять тебе, если ты с первого дня нашего знакомства пытался меня убить?..

– Не бойся, – сказала царица дахов аримаспу, – этот союз не будет направлен против вас.

– Тем более что мы тоже видели кое-что, – не растерялся Датак. – Возле мертвого города на Дахике...

– Так это вы разбили один рисунок?

– Значит, есть еще рисунки?! – в свою очередь сообщил аримасп, и поспешил оставить царицу...

Старший из персов попытался немного задержать молодого исседа.

– Кардат, я догадывался о том, что сокровищ, которые вы ищете, может быть несколько, а не одно. И в поисках их вам помогают Голубые Ветви, наполненные «соком бессмертия, соком жизни». Я прав?

– Так ты тоже догадался, что такое Голубая Ветвь? – не сразу ответил иссед. – Вот как гласило пророчество, данное некогда детям Траитауны, расходившимся по степи. О нем в наших краях узнали совсем недавно от скифских купцов: «Голубые Ветви помогут найти сокровища Рипейской страны». Но что это означало, не знал никто.

Он замолчал, увидев свою амазонку, подходившую к афшин, и вместе с Утаной направился к ней.

– Ваюга сказал, что Раухшана жив, хотя и очень тяжело, – сообщила девушка повелительнице. – Я могу забрать гребешок, афшин? Это все, что мне досталось от отца, которого я никогда не видела.

– Конечно, дорогая. Я отдала его слугам оттереть кровь.

– Надеюсь, они не сотрут его метки? Хотя мне и неизвестно, что они обозначают, жалко было бы их потерять.

Царица немного смутилась.

– Об этом я как-то не подумала. Заберите его поскорее, – уходя, велела афшин кому-то из свиты. – Может, мы еще успеем спасти эти знаки. Я думаю, твой гребешок тебе еще пригодится.

Знала бы вещая правительница дахов, как пригодится гребешок не только Тамурии, но и всему племени, она бы получше берегла его...

Оставив молодых, Утана нагнал старуху.

– Зря вы отказываетесь от союза с нами, афшин, – сказал он. – Мир вам не сохранить надолго без силы, а главная сила в мире сейчас наша держава.

– Мы слышаны о действиях твоего государя, Утана. Наверное, Куруш тайне мечтает покорить весь мир?

Разговор с царицей приобрел для Утаны опасный оборот.

– Итак, ваш царь мечтает о мировом господстве, – продолжала афшин. – Ведь это он поручил тебе искать Хару – гору на границе мира, как вы полагали. Чтобы завоевать мир, надо знать его пределы.

– А они оказались слишком велики, – задумчиво сказал посол персов.

– Да, и вдобавок населены множеством храбрых и свободолюбивых людей. Потому власть над всем миром – недостижимая цель. Убеди в этом своего царя. И пойми это сам. Иначе вы всю жизнь потратите в поисках Высокой Хары, не замечая, что она – рядом с вами.

Персидский посол ухватился за слова царицы.

– Ты хочешь сказать, афшин, что у каждого – своя тайна, своя движущая сила? Словом, своя священная Хара? Я уже давно подозреваю это.

– Для нашего племени, как и для самых древних ариев, это гора посредине Рипейского хребта¹. Для аримаспов – вершина в Золотых горах² на востоке, откуда они вышли.

– На Высокую Хару, Утана, есть путь и не по земле, – продолжала откровенничать царица. – Это путь, которым души людей великих, таких, как Зарина, создавшая новый народ, попадают к богам на небесную вершину Хары. После смерти, которая и есть второй путь.

– Я знаю, этот путь идет по Мосту-Разлучителю, на котором Митра судит души.

– И скоро он будет судить твоего друга.

– Не хочется думать, что Арианда окажется в аду. Может, есть в царстве мертвых какое-то среднее местечко? Ведь мечтал Арианда не о чем-нибудь недостойном, а о сияющем сокровище прекраснейшей из женщин. Он мечтал об этом сокровище и погиб, словно обожженный пламенем, исходящим из священных реликвий. Вы ведь знаете о тех небесных предметах, которые...

– Они есть у каждого из великих народов степи. Есть они и у нас, и у исседов, и у саков разных племен... Все они из чистого золота. Ведь этот нержавеющий металл – символ бессмертия, дар Небес. И один Митра знает, кто первый их изготовил...

Пламенногривый жеребец Тамурии ржанием позвал хозяйку, которая ради него готова была бросить всех мужчин на свете. Она обняла Арванта за шею.

– Как это он допустил тебя до седла? – спросила исседа Тамурия. – Арвант признает только меня.

– Я сказал ему, что мы едем тебя спасать.

Амазонка не ответила на улыбку Кардата.

– Спасибо тебе, – сухо проговорила она. – Но, по-моему, ты спас меня, чтобы унижить. Раз не получилось убить.

Молодому исседу Тамурия казалась такой же грустной, как тогда в плену.

¹г. Большой Ирмель.

²Алтай.

– Я хотел тебя только похитить, – сказал он. – И в тот день собирался не привязывать тебя к дереву, а только оставить без коня далеко от нашего отряда. Чтобы ты подольше добиралась до своих и не смогла бы навести их на нас. Пока мы будем искать сокровища.

– Но у вас это не получилось.

– Почему же? Я думаю, кое-что мне удалось найти...

У Тамурии разгладились складки горечи на лице.

– Надеюсь, что ты не лжешь, Кардат. Так ты нашел сокровище?

– Мне удалось больше.

– Ты разгадал загадку Голубых Ветвей?!

– Помнишь рисунок на сопке? Крайняя ветка была будто надломлена внутрь под прямым углом. Разве это не похоже на реку Курасан, если взглянуть на нее с небес?

Тамурия удивилась, как все оказалось просто.

– Значит, Кардат, Голубая Ветвь – это водный источник с его притоками? А ее рисунок – это рисунок речных путей, как они видятся с высоты богам. И эти пути ведут к тем сокровищам, что мы ищем. А цветные кружки?

– Черные кружки на Голубой Ветви большинство принимает за мертвые плоды. Они и есть мертвые, но не плоды, а...

– Города, – догадалась дахиянка. – Свидетельства великих дел наших предков. Они не менее ценны для нас, чем другие сокровища... В том числе и как ориентиры в степи. Подожди, Кардат, дальше я разберусь сама. Желтые кружки – это, конечно, золотые рудники древних.

– Их было несколько на последнем рисунке. Там, где сходящиеся реки прорезают Санарский лес.

– Там же было много и красных кружков. Это, конечно...

– Скажи прямо, афшин, – сказал Утана, – вы ведь не только золото ищете в здешних местах?

– Не только. Хотя и его тоже. А недавно нашли рудник и без помощи Голубой Ветви.

– Однако, кроме золота, вы ищете еще и медь?

– Конечно же, Утана. Медь для нас еще важнее. Ведь из нее сделана большая часть нашего оружия и утвари. Кто владеет рудниками меди и золота, тот победит в борьбе за жизнь. И такой народ будет бессмертен.

– Да, можно сказать, что это – ваши сокровища. Но не самые главные, не так ли? Самое главное сокровище – это то, благодаря которому можно добыть все другие.

– А если у нас не будет его, то и остальные мы потеряем, – подтвердила афшин. – Ты уже понял, что это...

– Но кроме красных кружков – то есть медных рудников, – сказала Тамурия молодому исседу, – есть и контурные треугольники.

– Точнее, один треугольник на каждом рисунке.

– Да, один, – задумалась девушка. – То есть наиболее приметная вершина?

– Ты угадала: треугольник – это в некотором роде, Высокая Хара какого-нибудь округа. Та вершина, на которой и изображена Голубая Ветвь. Словно Дерево Жизни на Мировой Горе...

– Как сказал мне один наш общий знакомый, афшин, есть и третий путь к Харе Барзати, – вернулся к своей излюбленной теме Утана. – А значит, есть и третья, личная Хара каждого. Я думаю, это – Вершина свершений человека. К ней ведет его то, что мы называем силой духа. Она крепнет в борьбе с главным врагом человека.

– А кто, по-твоему, этот главный враг?

– Многие думают, что это смерть. А я – что это утрата человеком его Духа. Иногда это случается и до телесной смерти. А иногда и после смерти деяния духа остаются в памяти людей.

– А если цель такого человека велика и справедлива, – поддержала Утану царица, – тогда он, добившись своего, можно сказать, при жизни восходит на Высокую Хару...

– ...И обретает то величие духа, – закончил за нее посланец, – тот сияющий Фарн, который в ваших краях и называют в е л и к и м с о к р о в и щ е м...

– Как странно, Кардат, – впервые улыбнулась исседу дахиянка, – я хотела стать женой того, кто раскроет тайну Голубой Ветви. И это все сбылось!

– Хорошо, что Утана этого не слышит. Он, по-моему, тоже разгадал эту загадку. Глядишь, и он предъявит на тебя свои права.

Они рассмеялись.

– Послушай, – продолжала Тамурия, – а кроме желания мне отомстить, или разорвать наш союз с арима-спами, или просто спасти меня, у тебя не было другой причины для женитьбы?

– Да что-то было такое... – Кардат наморщил лоб. – Точно не помню. Но кажется, то самое, что должно, по-моему, возникать у каждого мужчины, если он видит тебя. Особенно, когда ты ночью молишься богине-Матери...

– Этим третьим путемидет и Тамурия, – сказал посланец, провожая глазами прекрасную амазонку и ее мужа. – И я думаю, она превзойдет саму Зарину!

Слова мудреца оказались пророческими. Хотя стоили многим героям этой повести, наверное, самого дорогого в их жизни. Но все это случится еще не скоро. А пока Блестящее, Царственное Солнце – покровитель рода Хшантиев – выходило на свой праздник из-за майасских холмов...

Лицо дахиянки сияло, словно осененное Фарном.

– Так ты признаешь меня своим мужем, Тамурия?

– Если уж мой конь признал тебя, наверное, и мне придется.

«Кажется, я при жизни взошел на Хару, – подумал Кардат. – Вот оно – мое великое сокровище...»

– Твой дом на колесах уже рядом. Может быть, вспомним, что кроме мира – раман, и сокровища – ратна, есть еще более приятное слово того же корня: р а т и – наслаждение, радостилюбви, то есть...

Тамурия закрыла ему рот ладонью.

– Об этом вслух не говорят даже амазонки...

Инна ГЛАДКОВА

Иллюстрации подготовил Эдуард ГИЛЬМАН

Иван Иванович и датский дядя

Свои ошибки признавать трудно, особенно если делать это приходится публично.

Шёл 2000 год. На СГТРК (был такой государственный телеканал на Урале) на мою программу «Екатеринбургские тайны» пришло ругательное письмо. Его автор обвинил меня в незнании важных фактов истории, которые я в одном из фильмов упомянула. А ведь я в том телеочерке ссылалась на уважаемое издание – Большую Советскую Энциклопедию.

Речь шла о портрете кисти неизвестного нам художника начала XVIII века. БСЭ утверждает, что таким история сохранила нам облик замечательного мореплавателя Витуса Беринга. Но на портрете – скорее среднего достатка торговец: лицо широкоскулое, несколько одутловатое, упитанное. Видно, что его обладатель физической работой не измождён и достаточно благополучен. И уж никак не похож на бывалого моряка.

Обратимся к подвижнической жизни Беринга. История чтит заслуги капитана-командора русского флота, одного из великих мореплавателей XVIII столетия. Его имя навсегда осталось на картах мира.

Датчанин по происхождению, он ещё в юности поступил во флот Петра Первого и 38 лет служил

этому флоту верой и правдой. Был храбр, вынослив, ходил в трудные боевые походы, а уж как просолен был морскими ветрами!

Пётр I, с детства бредивший морем, задумал обследовать и северо-восточные морские границы своей империи. На 1725 год им была назначена серьёзная Камчатская экспедиция во главе с Берингом. Но это был (увы!) последний год жизни тяжело больного царя. Призвав к себе Ивана Ивановича, так на Руси звали Витуса Ионассена Беринга (Vitus Jonassen Bering), он обсудил с ним все детали этой сложнейшей экспедиции. Современники утверждают, прощаясь, Пётр с горечью сказал, что и сам пошел бы с ним в те дальние моря, да вот хворь уложила! Роняя слезы, он обнял верного друга и благословил на трудный путь во славу России.

Только не сразу начиналась та экспедиция. Предстояло сначала на суше запастись всем необходимым – путь до северных морей был дальний, как говорили, «в тысячи вёрст до восхода солнца». И тут уместно напомнить, какое место в этой безумно смелой и рискованной затее занял Екатеринбург.

Исторически и географически сложилось так, что в оснащении и первой (1725 – 1730), а затем и второй (1733 – 1741) Камчатских экспедиций ему отошло едва ли не главное место. По плохим российским дорогам, где сплавом, а где по замерзшей воде к Охотскому морю – месту постройки кораблей – с уральских заводов обозами везли оснастку и оборудование. Трудно даже представить, чтобы на Камчатке, где всё привозное: лес, тес, гвозди, паруса – застучали топоры и началось строительство, а затем спуск на воду судна «Св. Гавриил» и выход на нем в неласковые – с туманами и штормами – северные моря.

И вот в июне-сентябре 1728 года Беринг, обойдя восточные берега Камчатки и Чукотки, прошёл проливом между континентами, который и был назван его именем – Берингов пролив.

Вернувшись в Петербург из первой почти пятилетней экспедиции, Витус Беринг начал собираться в новое путешествие. Не самый подходящий был момент для сбора средств, причём немалых, на очень важную для Российского государства Вторую Камчатскую экспедицию. Однако нашлись в стране трезвые государственные умы, радеющие за державу, заинтересованные в освоении и бо-

Вот на таких судах и открывали земли

Экспедиция в старину

гатах северо-восточных земель, и протяжённых морских границ империи.

К примеру, в Государственном архиве Свердловской области сохранились очень любопытные свидетельства. Они говорят, насколько продуманно и основательно капитан-командор готовился к своим исследовательским походам. Существует его переписка с одним из основателей Екатеринбурга, начальником Уральских горных заводов генералом Виллимом Ивановичем Генниным. В частности, Беринг просил предоставить ему для участников Второй экспедиции 300 подвод и столько же квартир. На что генерал ответил, что рад бы, но не сможет обеспечить такое количество.

Вторая экспедиция была разделена на три части. Главная партия во главе с командором и его супругой проследовала через Екатеринбург. Произошло это в ноябре 1733 года. Место их остановки в городе неизвестно, документальных записей не сохранилось, но предположительно они квартировали в генеральском доме, который стоял тогда на правом берегу Исети, где нынче спортзал гимназии №9. Но нам интереснее знать, чем был занят «гостевой» период Беринга?

Приведём несколько интересных данных историка Николая Корепанова, из его книги «В раннем Екатеринбурге». Для экспедиции требовались не пуды, а несколько тысяч пудов полосового железа и железных изделий, и тащить их через всю азиатскую часть континента было бы весьма накладно. И вот капитан-командор договорился с уральским генералом о постройке в районе Якутска малого завода на один колотушечный молот (в то время завод для экспедиции уже строился на притоке Ангары близ Иркутска, а сейчас решено было перевести строительство ближе к океану, на приток

Лены). Из книги Корепанова: «А когда колотушка сделается, то при оной потребное число к Камчатской экспедиции железа можно вытягивать из криц, которые делаются в ручных печках от тамошних жителей». Якоря, котлы и пушки уже были изготовлены на Урале. Члены экспедиции накупили тогда медной посуды и для себя лично.

Так с обозом на восток отправилось сложное оборудование, в частности, кричный молот, который должен был выбивать из раскаленного металла вредные примеси (сегодня одну из модификаций того оборудования можно видеть в Историческом сквере Екатеринбурга). Молот взяли, само собой, самый лёгкий. Но всё равно его набалдашник весил 13 пудов, пятник – гнездо для казённой части – 5 пудов. И самая тяжёлая часть – наковальня – 25 пудов. Вместе с тремя фурами они весили около 50 пудов. Оборудование для нового производства изготовили мастера Камenskого, Верх-Исетского и Екатеринбургского заводов. Всё это разместилось на нескольких длинных саях. Ничем лучше не проиллюстрировать тяготы прежних научных экспедиций, как это показано на гравюре XVIII века, приведенной в сборнике «Книги старого Урала» (1989).

Место для завода выбрали на речке Тамге, что в 29 верстах от Якутска. Ковку железа в колотушечной фабрике наладил сосланный за какую-то провинность из Екатеринбурга молотовой мастер Рамфельд.

Особо надо отметить, что постройка и действие в 1735 – 1742 гг. Тамгинского завода – это некий итог эпохи и генерала де Геннина. Наглядно были продемонстрированы внутренние резервы Екатеринбурга, оказавшегося способным своими силами организовать уникальную по тому време-

ни производственную операцию – завести первый металлургический завод на вечной мерзлоте. Беринг предлагал даже больше: «Сколько Якутску понадобится железа, толикое число надлежит приуготовить, потом со всею командою идти из Якутска на Камчатку и в Охотск, и тамо завод строить и железо приуготовлять».

Георг Вильгельм де Геннин, на Руси Виллим Иванович, голландец по происхождению, тоже смолоду перешедший на русскую службу к Петру I, жил и работал в Екатеринбурге более десяти лет (с 1723 по 1734 год). И всё это время стремился превратить промышленный уральский город в центр по организации геологических исследований на Крайнем Севере. Он отправлял пробирных мастеров на Камчатку, уральских штейгеров - к берегам Байкала, а рудничных специалистов, которые входили в состав морской геологической экспедиции - к побережью Ледовитого океана от Архангельска до устья Оби. Теперь известно, что кадры Сибирского Обер-бергамта принимали участие непосредственно и в экспедиции Беринга.

Однако пора и нам последовать за экспедицией к неведомым североамериканским берегам, чтобы увидеть, как тихим ясным июньским утром корабли под российскими флагами покидают гавань Кроноцкий Нос на Камчатке. Путь их лежал в незнакомые широты, которые встретили и трепали их жестокими штормами. Через месяц с небольшим моряки увидели берег Аляски. Вокруг расстилался бушующий простор Тихого океана. Свинцовыми тучами заволакивало небо, много дней моряки не видели ни солнца, ни звёзд. А без небесных светил тогда было не узнать, где находится корабль, куда он несётся, подгоняемый бурей. К тому же погода день ото дня всё ухудшалась. И корабли повернули домой. На обратном пути к Камчатке экспедиция открыла новые земли: Алеутскую гряду и Шумгинские острова. Их так назвали в память матроса Шумгина – весельчака, любимца всей команды и первой жертвы цинги.

А цинга просто неистовствовала. Северные народы называют её «гнилой болезнью». Обессиленные моряки стали терять надежду на спасение, когда раздался крик вахтенного: «Земля!» Все бросились наверх, приползли даже слабые. Вышел из

каюты и тяжелобольной капитан-командор. Ему в то время было шестьдесят, это был мужественный моряк, привыкший к тяготам морских походов. Сейчас перед ним была незнакомая, неприветливая, пустынная земля, без единого деревца. Потрёпанный бурями бот требовал ремонта. Всё равно следовало плыть дальше, но из записок вахтенного журнала узнаём, что команда, где много больных, упростила своего командора остаться здесь на зимовку. И Беринг согласился, понимая, что для него

эта остановка последняя. На Камчатке, в тёплой избе, на свежей пище он мог бы ещё поправиться. Здесь ему пришлось лежать в сырой землянке. Его сильно знобило. С потолка сыпался песок, покрывая ноги толстым слоем. Беринг не велел его убирать, считая что так теплее.

8 декабря 1741 г. моряки, сняв шапки, прощались с командором, вместе с которым шли на край света в поисках неизведанного, за разгадкой географических тайн. Так погиб старый капитан. Остров, где остался его прах, назван именем Беринга, а вся группа островов – Командорскими. Пролив и часть Тихого океана, где плавали корабли Беринга, тоже теперь носят его славное имя.

Значимость исследований Второй Камчатской экспедиции, которую возглавлял Витус Беринг, трудно переоценить. Учёные свидетельствуют, что по масштабам, организации и результатам географических открытий она не имеет аналогов в Российской истории того времени, когда одновременно работало семь отрядов. На базе навигационных и астрономических наблюдений была составлена карта северо-восточных берегов Азии, нанесены на карту внутренние территории Восточной Сибири,

разведаны пути в Америку и Японию, обследовано побережье западной Америки, острова Курильской и Алеутских гряд. Был основан на Камчатке город Петропавловск.

Надо заметить, что во Вторую Камчатскую экспедицию Беринг сумел включить очень мощные исследовательские силы. Назовём хотя бы три громких имени: это полярный исследователь, капитан третьего ранга Семён Иванович Челюскин. Он тоже с одним из обозов в апреле 1734 года заезжал в Екатеринбург, чтобы произвести ревизию всех приготовленных припасов для своего дальнего плава-

Портрет командора
работы В. Звягина

В.И. БЕРИНГ –
датский дядя командора

ния. Наши уральские заводы изготовили для него якоря, котлы, пушки, ядра, дробь и листовую медь для оснастки судов. И как мы знаем теперь Челюскин в 1741-1742 гг. обследовал и описал часть берега полуострова Таймыр, выявив при этом северную оконечность Евразии (мыс Челюскина).

Названием «Море Лаптевых» (часть Ледовитого океана между полуостровом Таймыр, островами Северная Земля и Новосибирскими) мы тоже обязаны двум замечательным мореплавателям из экспедиции Беринга, двоюродным братьям Лаптевым: Дмитрию Яковлевичу и Харитону Прокопьевичу. Оба были отличными капитанами. Дмитрий Лаптев в 1736 году обследовал побережье между рекой Лена и мысом Большой Баранов, провёл съёмку рек Большой Анюй и Анадырь. Харитон Лаптев с командой три года вёл обмеры морского побережья от Лены до Хатанги и оставил подробное описание Таймырского полуострова.

Каждый рейс сопряжён был с коварной погодой Арктики, которая испытывает людей за Полярным кругом. Непредсказуемое движение льдов в любую минуту как орех могло расколоть утлые судёнышки и поглотить бесстрашных моряков.

За великую идею платили дорого. И жаль, что многие свой образ потомкам оставить не смогли. Не в пример европейцам. Со страниц старинных гравюр гордо и независимо смотрят на нас рыжий Христофор Колумб, Васко да Гама, ещё не «съеденный» на Гавайях Джеймс Кук... Можно назвать много громких имён, запечатлённых западными живописцами и скульпторами.

А вот в России (да и вообще где-либо), как оказалось, не было портрета Витуса Беринга! Тот, кого мы видим в БСЭ, всего лишь полный тёзка и по родству – дядя легендарного командора.

Истину удалось восстановить только экспедиции, предпринятой российско-датскими энтузиастами в 1991 году, то есть 250 лет спустя после смерти великого мореплавателя. На острове Беринга, где в зимовку 1741-1742 гг. от цинги погибли 15 человек, были произведены серьёзные поиски и исследования. Оказалось, что Беринг был погребён в отдельной могиле. Каменный гурий теперь венчает большой крест. Позже профессор-антрополог В. Звягин по черепу восстановил портрет капитана-командора. И мы увидели черты воистину мужественного человека.

Портрет этот был опубликован и в журнале «Уральский следопыт». Фильм о Витусе Беринге я тогда же дополнила и во втором его показе в телеэфире свою невольную ошибку исправила.

С тех пор прошло ещё десять лет. На днях, бродя по Интернету в поисках нового, что появилось о легендарном мореплавателе, увидела во «всемирной паутине» только пасьянс из портрета всё того же «датского дяди», и очень невнятно – про находки экспедиции учёных 1991 года. Словом «грабли» по-прежнему торчат опасно.

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГРЕХОВА А., авт. воспоминаний.

Работница молочного производства. «Не сравнить условия труда». – «Молочная промышленность», 1957. № 11. С.39 (портр).

ИДРДВ. Т.4. Ч.1. № 817.

ГРЕЧ Евгения Ивановна

(См. Швидковская Е.И.).

ГРЕЧИНА Е.А.

Дир. реальн. уч-ща в Великих Луках; авт. кн. «Ист. обзор развития телеграфного дела» (Пск., 1886).

Венгеров. Источ.

ГРЕЧИЩЕВА Наталья Михайловна

Сотр. журн. «Рус. хозяйка». В этом журн. напеч. ее статья «Лучший способ мыть белье и бумажные ткани» (1861. № 11).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГРЕЧУЛЕВИЧ Любовь

Сотр. «Мирск. Слова» (1860).

Венгеров. Источ.

ГРЖИБОВСКАЯ Софья Ивановна (псевд. Железняк, С.; 1874 — ?), писательница и публицистка.

Род. в Екатеринославе в двор. семье. Сотр. в «Рус. Богат.» (1898 № 12); «Курьере»; «Рус. Мысли» (1908); «Руле»; «Совр. Слове»; «Рус. Вед.»; «Приволж. Крае»; «Сарат. Вед.»; «Сарат. Листке»; «Сарат. Дневн.» 1900-х гг. — Железняк, С. Авт. кн. «Рассказы». Саратов, 1910. «Сердце человеческое» — В кн. Брихничева В. Пламенное сердце (пророчество о новой земле). М., 1912.

Масанов; Венгеров. Источ.; РНБ (Железняк С.И.).

ГРИ А.Г.

(См. Неллинская А.Г.)

ГРИБ-ФЕДОРОВА Любовь Ивановна (урожд. Горбенко), авт. воспоминаний.

Жительница Алты, швея в доме Чеховых. «В семье Чеховых» — «Дальний Восток», 1963. № 4. С.165-174, ил.

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 902.

ГРИБОВСКАЯ М.А.

Авт. путеводителя по Риму (СПб., 1906).

Венгеров. Источ.

ГРИБОЕДОВА Любовь Тимофеевна (псевд. Глебова, Людмила), драматург.

Масанов.

ГРИБОЕДОВА П.В., переводчица (1890).

Венгеров. Источ.

Продолжение в следующем номере

ПОД ФЛАГОМ КОМАНДОРА БЕРИНГА

Публикуя очерк нашего постоянного автора Инны Гладковой, хочется сделать необходимое послесловие и соотнести тему очерка с историей «Уральского следопыта», коему нынче исполняется 75 лет.

Дело в том, что тема Витуса Беринга и двух драматических его экспедиций стала знаковой для нашего журнала, обозначила этим эпохальным историческим событием одно из его ведущих направлений. Назовем его историко-приключенческим. И это потому не случайно, что Екатеринбург был для обеих экспедиций технической базой и первой в Сибири точкой отсчета. Как писал в журнале поэт Владимир Сибирев:

Мне детство снится
Дымкой берега
И мягким блеском янтаря.
Здесь двести лет назад
Для Беринга
Мой прадед ладил якоря.

Начало теме было положено в первом же номере «Уральского следопыта» 1935 года. Ее открыл для нас основатель и первый редактор журнала Владимир Алексеевич Попов-Штарк. В этом номере был опубликован его большой очерк «Командор Бобрового моря» с иллюстрациями князя-художника Владимира Голицына. Этот очерк как бы перекидывал содержательный и стилиевой мостик от «Всемирного следопыта», кото-

рый в 1930 году приказал долго жить, к его преемнику, «Следопыту» уральскому. Новый журнал наследовал тематику и приключенческий пафос своего предшественника, коим остается верен до сего дня.

Нельзя не сказать и о том, что этот первый «следопытский» опыт содержал нешуточную интригу. Автор, ни много ни мало, покусился на великость и непреложность подвига капитан-командора Витуса Беринга, общепризнанного «птенца гнезда Петрова». В «Командоре Бобрового моря» (так прежде называлось Берингово море – за обилие в его прибрежных водах морских бобров и котиков) нам предстает подчас сомневающийся, неуверенный в себе, совершающий невольные ошибки командор, чьи поступки в какой-то мере обусловили драматичность обеих экспедиций.

Автор рассказывает, например, о неудачном начале 1-й экспедиции, когда командор вместо того, чтобы на уже готовом судне обогнуть южный берег Камчатки, приказал перевозить грузы с продовольствием через Камчатский полуостров сухим путем, что стало причиной неисчислимых бедствий для местных камчадалов, на которых легла вся тяжесть переброски. И значительно задержало экспедицию.

Не был удачным и старт второй Камчатской, сообщает нам Попов-Штарк. Вместо того, чтобы направить «Петра» и «Павла» (так назывались пакетботы Беринга) строго на восток от Камчатки, командор выбрал юго-восточный маршрут и намного удлинил дорогу до берегов Аляски, что и помешало Берингу, считает Попов, «открыть Америку». Он достиг только островной ее части.

Автор утверждает, что капитан-командор был силен – предусмотрителен и основателен – в процессе подготовки экспедиций, но когда попадал в открытое море, «маятник его воли начинал раскачиваться». И тем не менее, читаем в очерке, «это был спокойный, приветливый, справедливый человек, и за эти черты характера пользовался общей любовью как среди своих офицеров, так и со стороны команды».

Вл. Попов делает попытку перенести содержательный акцент на товарищей Беринга – русского мореплавателя Алексея Ильича Чирикова, который в составе 2-й экспедиции первым из европейцев достиг западных берегов Сев. Америки, неутомимого натуралиста Георга Вильгельма Стеллера, написавшего по итогам экспедиции несколько содержательных трудов и кончившего свои земные дни в Тюмени; наконец, он отдает должное первопроходцу Семену Ивановичу Дежневу, задолго до Беринга открывшему Берингов пролив между Америкой и Азией, который по справедливости должен был носить его имя. Вот таким неоднозначно-дискуссионным был первый опыт темы Беринга в «Уральском следопыте».

Кроме рисунков, очерк Попова сопровождали апокрифический

портрет Беринга и профессионально выполненная карта экспедиций, которые мы и воспроизводим.

Но это было только начало «беринговианы» «Уральского следопыта». Уже в № 8 того же 1935 года журнал не преминул сообщить своим читателям о посещении группой советских пограничников острова Беринга на Командорских островах. Они обнажили головы перед местом гибели командора и перед десятком ржавых пушек, оставленных здесь экспедицией.

У «Следопыта» 1935 года, как мы знаем, была короткая судьба. Но возродившись в 1958-м, журнал стал продолжать историко-приключенческую тематику. Вот читаем мы «Сахалинский дневник» (УС. 1962. № 2) о путешествии на остров группы уральских писателей: Олега Корякова, Вадима Очеретина и Владимира Шустова (последний был тогда главным редактором журнала). И это опять глубокий уральский поклон первопроходцам – казаку Семену Дежневу, Владимиру Атласову, заявившему громко, что «в Камчатдальской и Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие», и Витусу Берингу. Перед нами следопытски выполненная карта Сахалина, фотографии и рисунки. Чьи бы вы думали? Будущего на-

родного художника России Виталия Воловича!

В очерке «Коломбы россияне» (УС. 1982. № 10) журнал рассказывает о других экспедициях – уже научно-приключенческих, осуществленных курсантами Дальневосточного высшего инженерно-мореходного училища им. Невельского – которые, что называется, смоделировали, т.е. повторили экспедиции Беринга. Однажды судьба сыграла с ними опасную шутку – обрушила шторм, который выбросил 240 лет назад судно Беринга на безлюдный остров. И мальчишки-курсанты под началом опытного яхтсмена справились с ним, не повторив печальную судьбу командора!

Все, что связано с экспедициями Беринга, дорого и свято для журнала. О творческом содружестве адъюнта (аспирант, мл. научный сотрудник) Петербургской академии наук Георга Стеллера с одним из просвещенных уральских заводчиков Григорием Акинфиевичем Демидовым рассказал в своем очерке Владимир Свалов (УС. 1983. № 4). Оказывается, именно Демидов, узнав о смерти в Тюмени большого и истощенного обратной дорогой Стеллера, сохранил все имущество путешественника, рассортировал его огромную коллекцию, отправив

первые образцы в Академию наук, а вторые – в Швецию Карлу Линнею, и при этом рассказал о счастливой и печальной судьбе исследователя. Позднее ученые насчитали 118 только прижившихся у Линнея сибирских растений из коллекции Стеллера. Все они были посланы Демидовым из Соликамска. Вот рассказывает он о художнике Игоре Рубане, чей мольберт не знал других мест, кроме Арктики и Антарктиды, а одна из его картин повествует о подвиге лейтенанта флота Василия Прончищева, который был участником отряда второй экспедиции Беринга (УС. 1970. № 6), а другой рассказ о художнике-самоучке из Аляски Колкоре Хеурлине, которому Аляскинский университет присвоил почетное звание доктора – за исторические картины и прежде всего за картину «Великая земля» – об открытии Аляски Витусом Берингом и его сподвижниками (воспроизведена и сама картина – УС. 1973. № 6).

Журнал интересуют судьбы даже и вовсе забытых его сподвижников, например, некоего иностранного подданного Ехмана Якимова, молотового мастера Екатеринбургского завода (УС. 1980. № 6). За его «предерзость» генерал де Геннин отослал его под конвоем в Якутск, на завод, построенный для снабжения металлом Камчатской экспедиции. А что же за «предерзость» он совершил? А он, извиняюсь, «отставя государво дело», в неурочное время играл в шахматы с подьячим Федором Третьяковым! Между прочим, говорят, это одно из первых упоминаний о шахматах на Урале!

Еще об одном опальном соратнике Беринга рассказал С. Попов в очерке «Корабли-«лейтенанты» (УС. 1986. № 12). Дмитрия Леонтьевича Овцына, начальника одного из отрядов 2-й Камчатской экспедиции, ставят едва ли не сразу после Беринга. Это он отыскал и разведдал морской путь с Оби на Енисей, написав на карте своей рукой: «каменной нет», т.е. проливом (он теперь носит имя Овцына) плавать можно.

Отправляясь с отчетом в Петербург, он оставил своим по-

мощникам наказ: «Как здешних окрестностей жителям и другим, так и самоеде и протчим народам обид и налог никаких ни в чем не чинить, но поступать с ними ласково». С самим Овцыным в столице поступили по-другому: обвинили его в связи с семьей политического ссыльного князя А. Долгорукого, разжаловали в матросы и сослали в команду Беринга. Тот сделал его своим адъютантом, и они вместе прошли все тяготы заключительного этапа экспедиции.

А вот еще один любопытный выход журнала на Беринга. Помните пушкинские строки:

А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...

Что, спрашивается, за остров? Есть ли он на карте? Оказывается, есть – прямо рядом с островом Беринга. А на Алеутских островах, открытых его же экспедицией – так целая группа островов Буян! Не здесь ли, предполагают исследователи, «родина» легендарного Лукоморья, которое нанес на карту наш капитан-командор? (УС. 1981. № 5).

По горячим следам в 12-м номере за 1992 год в статье автора из Литвы Вячеслава Прыткова мы сообщили читателям о советско-датской экспедиции на остров Беринга, о находке его могилы и о работе профессора НИИ судебной медицины В. Звягина над портретом-апокрифом командора, создаваемым на научной основе. А позднее, в 2001 году (№ 11), была обширная публикация об этой экспедиции, написанная автором из Каменска-Уральского Г. Пономаревым – по материалам, опубликованным в Дании. Читатели «Следопыта» увидели и скульптурный портрет Беринга, реконструированный профессором Виктором Звягиным.

На примере «беринговианы» «Уральского следопыта», которая конечно же названными сюжетами не ограничивается, мне хотелось проиллюстрировать одну из главных задач, взятых на себя журналом – воспитание патриотизма. Не квасного, сидяче-

лежачего, а наполненного ветрами подвигов и приключений во славу Отечества. И не один Беринг «со товарищи» были его героями. Точно так же я мог бы проследить журнальный путь других мужественных исследователей Урала и Сибири. Но Беринг был первым. Он проложил дорогу историко-приключенческому жанру, в котором работали многие десятки авторов журнала, в том числе и под началом создателя отдела краеведения Юрия Михайловича Курочкина – он и сам был автором нескольких исторических повестей в журнале. Впоследствии журнал стал покровителем полузапретного тогда жанра отечественной научной фантастики. Под «крышей» «Следопыта» писатель Владислав Крапивин создавал свою знаменитую «Каравеллу»... Словом, не будет преувеличением сказать, что свои 75 лет журнал прожил под флагом командора Беринга и его экспедиций.

Активно продолжаем мы эту линию и сегодня. Недавно была напечатана историческая повесть «На вогульской тропе» – о сухопутной дороге по уралосибирскому северу. А буквально в свежих номерах «Следопыта» печатается журнальный вариант романа челябинского автора Александра Кондратьева «Сокровище Тамурии» – о «доисторическом» бытовании на Урале полулегендарных племен.

«Следопыт» жив! Он отмечает свои 75! На пути к этой дате не раз штормило. При попустительстве властей самый популярный в России приключенческий журнал был буквально выдворен диким рынком из здания по ул. Декабристов, где с той поры никто не живет, кроме плесневых грибов, которые не подчиняются ни городской, ни областной властям. А редакция журнала после многих мытарств нашла убежище в помещении бывшей гардеробной Дома печати.

Но мы особо и не ропщем на судьбу, понимая, что живем в России и что Семену Дежневу и Витусу Берингу было куда труднее делать свои открытия.

Рубрику представляет Уральский геологический музей

Владимир АВДОНИН, г. Екатеринбург

Фото предоставлено автором

Золото – удивительный дар Вселенной планете Земля

Как же человек воспользовался этим наивысшим и совершеннейшим созданием природы?

«Приятнейший цвет, беспредельная почти тягучесть, неизменяемость от воздуха, огня и наибольшей части разрушительных действователей, поставили золото на первое место между всеми металлами, дав ему название металла совершеннейшего, а бережливость, с каковою наделила им природа недра земные, обложила его самую высокую цену. Сродство золота с другими веществами столь малое, что кроме некоторых металлов, не нашлось в целой природе веществ, кои бы могли соединиться с оным при тех же средствах, коими природа действует в своих рабочих храминах, и потому золото в земных недрах в одном металлическом состоянии» (Сokolov Д., 1832)

Первый высокий металл... Непреодолимое сильным огнем постоянство подает ему всеми металлами первенство. (Ломоносов М. В.)

Или...

Золото бессмертно...

...Время – этот беспощадный разрушитель всех вещей – оказалось практически бессильным

перед золотом. Золотое изделие времен Клеопатры так же блещит, как будто оно только что сделано – символ вечно неизменного. Существование золота, – как справедливо заметил профессор МГУ А. С. Марфунин, – делает минеральный и человеческий мир прекраснее. Это удивительный дар Вселенной планете Земля».

Золото – магический металл; оно во все времена магически привлекало человека, и он своей деятельностью значительно изменил географическое распределение и геохимическую роль этого металла на земной поверхности.

С того дня, когда человек узнал золото, он очарован им, следует думать, что его красота колдовская, потому что повсюду и с самого начала человек околдован им...

Христофор Колумб, восхищенный богатством Нового Света, писал королеве Изабелле и королю Фердинанду:

«Золото – это совершенство. Золото создает сокровище, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай».

Благородный 79-й, – возможно, первый металл, с которым познакомился человек. Несомненно, это было золото рассыпное. В речных долинах или ложах высохших ручьев, в куче камней или в песке человек находил самородки яркие и блестящие, резко отличающиеся от окружающих.

В Европе, Азии и Африке знакомство с золотом может быть прослежено в такую глубь веков, в которой исчезают письменные и материальные памятники населяющих эти континенты народов.

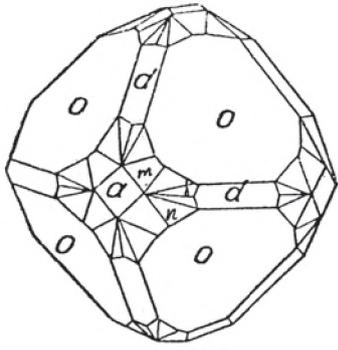
В древнем мире главными золотодобывающими странами были Египет (вместе с Суданом) и Пиренейский полуостров. Золото добывалось также в Двуречье, долине Инда, т.е. в тех районах земного шара, где зародились земные цивилизации.

История золотодобычи наполнена удивительными подвигами и чудовищными преступлениями, лихорадками и памятниками, открытиями и надеждами.

Не претендуя на точность можно привести цифры о добыче золота (т) в Египте (1710), Испании (1850) и Судане (1600) (Аникин А. В., 1984). Это было

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолога – минералогических наук.

получено чрезмерным трудом, убивающим работника. На протяжении сотен лет рудники Египта (и др.) были местом принудительного труда, где жизнь человека ничего не стоила. Плиний Ст. (1 в. н. э.) и Диодор Сицилийский (1 в. до н. э.) с жутким реализмом рассказывали о каторжных работах на золотых рудниках Египта. Люди, работающие в подземных выработках, не видят солнечного цвета помногу месяцев. Здесь нет места снисхождению и пощаде по отношению к больным, старикам, детям... все должны работать. Так было в древнем Египте, вероятно, так было на всем древнем Востоке.

Золото, несомненно, очень редкий химический элемент, среднее содержание золота в породах литосферы всего лишь 0,004 г/т, что соответствует 0,0000004%. Его содержание в земной коре в сотни и тысячи раз меньше редкоземельных металлов и в 15 раз меньше, чем серебра. Золото – элемент «всюдный». Он содержится в почвах, оно улавливается растениями, и зола некоторых из них, особенно растущих на старинных отвалах приисков, например, зола осок, хвощей, елей, иногда содержит до 600 г/т. Золото находят и в ископаемых костях, найденных в золотоносных россыпях.

Золото содержится и в морской воде, но его концентрация примерно в 1000 раз меньше, чем в литосфере.

Недавно появились сообщения о наличии золота, серебра и металлов платиновой группы в калийных солях Верхнекамского месторождения.

Как же человек воспользовался удивительным даром Вселенной?

Ни один металл не накапливается в человеческих руках в такой доле, как золото. Оно очень тщательно сохраняется. Если бы все золото, добытое до нашего времени, собрать вместе, мы могли бы отлить куб с ребром немногим более 20 м, и если все это золото разделить поровну между жителями Земли, то на долю каждого досталось бы 24–25 грамм. Это очень много, если учесть огромную трудность его добычи. Даже в наши дни в ЮАР, – стране, необычайно богатой золотом, 400 тысяч горняков, вооруженных современной техникой, выдают на-гора в год около 700 т благородного металла, это соответствует в среднем менее 2 кг на одного занятого.

Безвозвратные потери его невелики, поэтому золото почти не возвращается в круговорот природы. Золото может теряться за счет истирания золотых монет, изделий из него, аналитических исследований медицинских препаратов и др.

В таблице распространности химических элементов в земной коре золото занимает 80-е место, однако по количеству минералов, в которых золото выступает в качестве видообразующего элемента, оно заметно обгоняет своих соседей по таблице Д.И. Менделеева. Однако его главным источником по – прежнему является один минерал – золото самородное.

На Урале из общего списка «золотых» минералов (26 наименований) пока известно 10 минеральных видов, хотя поиски и изучение золоторудных месторождений ведутся достаточно долго. Все золотосодержащие минералы, кроме самородного золота, принадлежат к очень редким или даже редчайшим.

Поиски золота в недрах нашей страны, известные со времени Ивана III, можно было успешно завершить в новых условиях и только на Урале, где горно-заводские условия, связанные с добычей черного металла и меди, позволили в дальнейшем создать новую отрасль русской промышленности.

На смену легендам и думам со времен Геродота в середине XVIII в. пришло промышленное использование золота.

Урал по праву стал считаться золотой провинцией России после того, как Уральская горная система подарила обитателям России сказочно богатое месторождение – Березовское. На Урале это одно из наиболее долгоживущих месторождений, которое продолжает разрабатываться уже более 250 лет и которое дало стране более 150 т благородного металла. Сейчас горные работы в нем местами достигал глубины 500 м, а промышленное оруденение прослежено буровыми скважинами до 1 км и даже несколько глубже. За все последующие десятилетия после его открытия на Урале, а потом и в Сибири найдены многие месторождения золота разных типов и неодинакового богатства, но ни одного подобного Березовскому ни в России, ни на других континентах не найдено. Во всем мире оно остается единственным в своем роде и по-прежнему звездой первой величины сияет среди других золоторудных месторождений Урала, да и России в целом.

Золото нелегко давалось в руки человека. В течение 1745 – 1753 гг. из руд Березовского месторождения добыто чистого золота всего лишь около фунта. Лишь с 1757 г. добыча начала расти и к концу XVIII столетия достигла 16 пудов в год. Ярцов Аникита (Никита) Сергеевич (1737–1819) – выдающийся горный деятель, начальник Канцелярии Главного заводов прав-

ОАО «ТЮМЕНСКАЯ ЯРМАРКА»

9 - 11 апреля

2010

специализированные выставки

ТУРИЗМ. СПОРТ. ОТДЫХ

НЕДВИЖИМОСТЬ

КРЕДИТЫ. ИНВЕСТИЦИИ. СТРАХОВАНИЕ

ОАО «Тюменская ярмарка»

Адрес: Россия, 625013, г. Тюмень, ул. Севастопольская, 12, Выставочный зал

Телефакс: (3452) 41-55-72, 41-55-75; e-mail: fair12@bk.ru, www.expo72.ru

ления на Урале (1797 – 1802), автор капитального труда в рукописи «Российская горная история» (1807 – 1819), считал запасы руды Березовского месторождения (Березовских промыслов) неисчерпаемыми.

Но давность лет не дает нам права на забвение того, как все это началось, как было открыто первое золото на Урале в новое время. Архивные материалы сохранили для потомков многие детали этого открытия, которое в большой степени сказалось на дальнейшем экономическом развитии горнорудного Урала. А началось это в теплый день 1745 г. 21 дня мая, Канцелярия Главного заводов правления донесла государственной Берг – коллегии, что житель старорусского села Шарташ раскольник Ерофей Сидорович Марков, ехавший из своего села в деревню Становую, нашел в стороне от дороги светлые камешки, о чем он немедленно и объявил в канцелярию. Проба показала, что «...в объявленном камеш-

III межрегиональная специализированная выставка

ОБРАЗОВАНИЕ и развитие

3-5
ноября
2010

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ВЫСТАВКИ:

- Образовательные услуги:
ВУЗы, техникумы, колледжи, училища, лицеи и т.д.
- Дополнительное образование
- Инновации в образовании
- Бизнес-образование
- Технические и наглядные средства обучения: оборудование, мебель, канцтовары
- Учебно-методическая литература, пособия, издательская продукция
- Образовательный туризм:
центры детско-юношеского и семейного досуга, туристические организации
- Средства массовой информации
- ЯРМАРКА ВАКАНСИЙ

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

Государственный региональный выставочный центр (ГРВЦ) «ИнЭкспо»
Екатеринбург, Громова, 145

тел./факс: (343) 379-04-28, 379-04-29
e-mail: in@in-expo.ru; ek@in-expo.ru
www.in-expo.ru

ОРГАНИЗАТОРЫ:

- Министерство общего и профессионального образования Свердловской области
- Управление образования Администрации города Екатеринбурга
- Департамент Государственной службы занятости населения Свердловской области
- ГРВЦ «ИнЭкспо»

ПОДДЕРЖКА:

- Правительство Свердловской области

В рамках выставки состоится обширная деловая программа для руководителей и специалистов образовательных учреждений Свердловской области.

Для абитуриентов и их родителей состоятся консультации и презентации образовательных учреждений.

Проект «Образование и развитие»
проводится совместно с выставками:

«Книжный бум»
«Карьера. Работа»

Приглашаем
Вас к Участию!

2-3 апреля

ЦМТЕ, Екатеринбург, ул. Куйбышева, 44

**IV СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ
ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА**

**ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА УРАЛА:
ЛЕЧЕНИЕ И ОТДЫХ-2010**

организаторы:

ГУП Управление
СЗФО Свердловск
Курорт

тел.: (343) 310-03-30
www.uv66.ru

ке малыми частицами имеется самородное золото». Нелегко давалось это золото в руки человека, только спустя два года пробирный мастер Ермолай Рюмин 11 июля 1747 года обнаружил в яме Маркова «малые знаки золота» и тем самым подтвердил его открытие. Первый рудник – Шарташский – возник в 1748 году на месте, указанном Марковым, переименованный потом (1753) в Пышминский, а затем – в Первоначальный (1804).

Месторождение же в целом получило название Березовского, по названию реки Березовки (притока реки Пышмы), протекающей в середине рудного поля. Обилие и богатство руд по рекам Пышме и Березовке, отдаленность этих мест от Уктусского завода были причиной того, что на реке Березовке в 1753 – 1757 годах был заложен золотопромывальный завод, вокруг которого вырос поселок золотодобытчиков – Березовский

САЛЮТ
база отдыха

- Два комфортабельных жилых корпуса в сосновом лесу
- VIP коттеджи семейного типа
- Современные конференц-залы
- Кафе, диско-бар
- Игровая комната для детей с воспитателем
- Детская площадка среди сосен
- Русская баня, сауна с бассейном
- Беседки с мангалом
- пляж, лодки, катамараны
- Бильярд, теннис и другие развлечения.

Верхняя Сысерть
Тел.: (34374) 25-420, 25-634,
(343) 359-93-89. www.salutpz.ru

завод, ныне город русского золота – Березовский.

В канцелярии Главного заводов правления сохранилось донынешнее Маркова: «В 1745 году обыскал я низайшим своим

тщанием и радением от деревни Шарташской между Становской и Пышминской дорог со знаком золота камень и объявил в вышереченной канцелярии, и по определению оной канцелярии

Специальный раздел выставки: Туристические ресурсы Пермского края

**ТУРИЗМ
И ОТДЫХ
2010** 15-18 апреля

13-я межрегиональная выставка путешествий, санаторно-курортного отдыха и туристических маршрутов по всему миру и экскурсионных достопримечательностей регионов России

Официальная поддержка:
Министерство развития торговли
и предпринимательства
Пермского края

ПЕРМСКАЯ ЯРМАРКА
ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР

614077, г. Пермь, бульвар Гагарина, 65
т. (342) 262-58-58, www.expoperm.ru

Медаль

явилось подлинно содержания золота и работы произведения то место достойное, где по тому моему объявлению работа и производится, и золото добывается...». После этого Е. С. Марков постоянно работал на Березовских рудниках, был произведен в штейгеры, выучился грамоте.

В 70 лет он вышел в отставку с «мундиром и пенсией». История сохранила о нем весьма скудные данные... Ерофей Сидорович Марков (1795 – 1783) – первооткрыватель рудного золота под Екатеринбургом. Родился в селе Павлово Троице – Сергиева монастыря. Вместе с общиной староверов – раскольников семья Е. Маркова была переселена на Урал и обосновалась в 1724 году в селе Шарташ.

Открытие золота – событие выдающееся. В мае 1973 г. на Режевском тракте на месте, где Е. Марковым было найдено первое уральское золото, установлен обелиск.

«...И так не должно сомневаться о довольстве всяких минералов в Российских областях...» (М. В. Ломоносов).

В 1814 г. в золотой промышленности Урала произошло событие чрезвычайной важности; штейгер Лев Иванович Брусницын открыл богатые золотые россыпи по рекам Березовке и

Пышме. Открытие и создание Брусницыным техники для добычи россыпного золота произвели переворот в золотодобывающей промышленности России. За короткое время, последовавшее за этим событием, поиски и разведка россыпных месторождений золота охватили огромные пространства Урала. «При этом выявилось, что от истоков р. Белой к северу до р. Ваграны по прямой линии почти 1000 км, восточная отлогость хребта Уральского усеяна месторождениями золота, платины, меди, железа... Россыпи, в коих находится золото и платина, привлекли к себе внимание всего ученого света, они поражали своим богатством». Надо сказать, что Россия неоднократно удивляла мир своими особенностями, не стала исключением и добыча золота. На новых месторождениях в Америке, Австралии, Африке сначала открыли россыпи, а потом коренное золото. В Березовском было наоборот: сначала открыли жильное золото и только почти через 70 лет россыпное.

Брусницын Лев Иванович (1784 – 1857). На одиннадцатом году жизни начал служить на золотых промыслах. Формулярный список сообщает: «В службу вступил... из мастеровых детей на Екатеринбургские золотые прииски промывальщиком

1795 года генваря 3-го». Годы его детства прошли в тяжелом «денноношном труде». С 1814 г. она стал руководить работами: «при Березовском заводе за присмотром по всему золотому производству». Брусницын прошел большой путь: от мальчика-промывальщика до технического руководителя большого золото-промывательного завода.

Благодаря открытию Брусницына за первые же десятилетия (1814 – 1867) было добыто на Урале свыше 37000 пудов золота (Данилевский, 1939).

Золотая промышленность оказала определенное влияние на развитие населенных пунктов на Среднем Урале и в долине р. Исети. Уже к концу XIX столетия только в верховьях реки Исети в знаменитой Екатеринбургской золотой долине было выявлено 140 золотоносных полос. Время их разработки было «золотым веком» Екатеринбургa.

Для многих уральских россыпей золота характерно присутствие в них самородков. По-видимому, первым об этом поведал знаменитый минералог Д. Соколов. В 1832 г. он отмечал: «Нигде в целом свете не находили в таком множестве крупных кусков сливного золота; как в россыпях уральских, и особенно в южных частях Урала. В музее Горного кадетского корпуса хра-

нятся таких самородков более 700, и общий вес оных 16 пудов 17 фунтов 26 золотников 30 1/2 долей». Собранные вместе, они становятся особенно ценными. Это великие и неповторимые памятники природы: сплавленные, они теряют свою индивидуальность. После находки глыбы самородного золота «Большой треугольник» (36040 г) 26 октября 1842 г. Александр Дмитриевич Озерский (1813 – 1880) писал о находках самородков на Урале: «Самородки вне Златоустовского округа считаются явлением редким, выходящим из обыкновенного порядка явлений, и одной только окончности Урала составляют явление весьма обыкновенное».

Кто же и когда нашел первый золотой самородок на Урале? Вот что нам сообщает уральский краевед и историк Н. Чупин: «Это произошло годом ранее открытия Брусницына (1813) близ Нейвинского завода в песке р. Верхней Нейвы. Малолетняя дочь заводского жителя Катя Богданова нашла золотой самородок значительной величины и принесла его заводскому приказчику Полузадову». Пусть и ее имя сохранится в истории русского золота. Золотой самородок весом 540 г. был найден 11 июня 1813 г. на дачах Верхнейвинского чугунного и железного завода, принадлежащего отставному корнету А.И. Яковлеву. Владелец завода он был отвезен в Екатеринбургский монетный завод, где и была из него изготовлена медаль (рис. на стр.79). Через 6 лет было установлено, что дача А.И. Яковлева является одной из богатейших на Урале. Россыпи долины р. Нейвы дали с 1819 по 1924 гг. 24 т золота.

Березовское месторождение получило мировую известность не только из-за своего богатства золотом, не только из-за своего неповторимого геологического строения, но также и из-за исключительного разнообразия и красоты минеральных образцов, которые занимают достой-

ное место во многих музейных коллекциях. Находки эстетически прекрасного коллекционного сырья были сделаны уже в самом начале проведения горных работ. Так, в 1858 г. было вскрыто хрустальное гнездо, из которого было извлечено «10 пудов строганцев беловатого тумпаса». И ныне трудно представить себе какое-либо минералогическое собрание без красивейших друз горного хрусталя бесцветного или же слегка дымчатого, почти всегда сочетаемого с кубами пирита и галенита, тетраэдрами блеклой руды и других сульфидов. Кристаллы пирита достигают гигантских размеров, и это не редкость. П.И. Кутюхин описал кристалл этого минерала весом 35 кг и с ребром куба, равным 22 см. Один из таких «гигантов» хранится в коллекции Уральско-го геологического музея.

В целом Березовское месторождение – место интересных находок, его можно причислить к уникальным геохимическим узлам, каких на земном шаре насчитывается не так уж много.

Месторождение дважды посетили делегаты Международного геологического конгресса: первый раз в 1897 г. (VII сессия МГК), через сорок лет, в 1937 г., то же самое сделали делегаты XVII сессии МГК.

В разные годы четвертьтысячелетней истории к месторождению большой интерес проявили и русские, и иностранные ученые И.Ф. Герман, Р.Ф. Герман, В.М. Севергин, Н.И. Кокшаров, П.В. Еремеев, А.П. Карпинский, в советское время – П.И. Кутюхин, Н.И. и М.Б. Бородаевские, В.Н. Сазонов, Б.В. Чесноков, А.Ф. Бушмакин, Д.А. Клейменов и др. Каждый из них оставил глубокий след в изучении месторождения, его геологического строения и, особенно, в изучении его необычайно разнообразного минерального мира. Многие страницы этой истории заполнены описанием интересных находок, значение которых выходит далеко за пределы месторождения.

Архивные документы, относящиеся к истории русского золота, сохранили воспоминание горных инженеров, побывавших за рубежом. Они и донесли начальству, что, находясь в Веймаре, были у знаменитого писателя Гёте, который показал им музей свой, богатый произведениями природы и искусства; и дал им разные наставления к приобретению полезных сведений.

Возвратясь на Урал «Во уважение ко вниманию, оказанному российским горным офицерам сим отличным литератором, признали неизлишним послать ему для минералогического собрания его две самородки: золотую в 24 золотника и платиновую в 23 золотника 64 долей».

И.В. Гёте, являясь «редким случаем одновременного великого поэта и крупного натуралиста», в письме министру финансов Е.Ф. Канкрину 16 августа 1830 г. с благодарностью признался: «Уже шестьдесят лет как преданный естествознанию и особенно ревностно минералогии и геологии, я собираю кое-что значительное, чтобы путем постепенного накопления знаний приобщаться к развивающейся культуре».

Я с удовольствием признаюсь, что важные открытия бесценных рудников в столь богатом русском государстве возбудили все мое внимание и чем более получал я сведений о них, тем больше желал я иметь некоторые образцы, чтобы через непосредственное созерцание достигнуть как бы более глубокого усмотрения этих значительных явлений природы».

В усмотрение этих значительных явлений природы и развитие золотой промышленности Урала неоценимый вклад внесли преподаватели Свердловского горного института, ныне УГГУ: К.К. Матвеев – основатель Уральской школы минералогов, П.И. Кутюхин, М.И. Альбов, В.Н. Сазонов, Б.В. Чесноков, А.Ф. Бушмакин, Д.С. Штейнберг.

Михаил ФОНОТОВ
Фото Владимира САДЫРИНА

Любимый наш сорняк

Можно подумать, что василек сам позаботился о своей «вазе».

Его соцветие – это корзинка или как бы кувшин, бокал, ваза, в которую опущены синие, лиловые, малиновые или лазоревые лепестки, разбросанные в лирическом беспорядке. У других растений чашечка почти плоская или слегка сферическая, а у василька она шар, норовящий обрести форму кувшина, в горловине которого туго затянуты трубчатые цветки. Вырвавшись на волю из тесной корзинки, цветки рассыпаются узкими зуб-

чатыми лепестками. Краевые вихрастые цветки легкомысленно декоративны, бесполо, плоды оставляют только короткие срединные цветки.

Если древнерусские плотники у кого-то учились черепитчато выкладывать церковные лукови-купола, то, возможно у василька – так искусно покрыта его корзинка. Впрочем, такое плотницкое искусство природа применила в корзинках и некоторых других растений, например чертополоха и бодяка.

Может быть и древний маляр кое-чему научился у василька,

потому как его соцветие очень напоминает большую малярную кисть.

Люди любят василек и все ему прощают. А прощают они ему прежде всего то, что он без всякого спросу лезет на ржаное поле. Не знаю, за что такая благосклонность и такое благоволение. Предположу, что синий цветок василька эффектно и ВТО же время очень стильно смотрится на фоне ржаного поля.

Синевой известен василек полевой, а у лугового лепестки лиловые. Он, вверху на снимке изображен.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

В КАРАГАЙСКОМ БОРУ!

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

(35143)
2-37-01,
8-351-900-78-01
Челябинская обл.
Верхне-Уральский р.
Санаторий
«Карагайский бор»

(351)
260-25-87
г.Челябинск,
ул. Цвиллинга,
51а, оф. 311

12 межрегиональная специализированная выставка 23-26 марта **ОБРАЗОВАНИЕ** от А до Я **КАРЬЕРА**

Образовательные учреждения

- ☐ Учреждения общего, среднего и высшего профессионального образования
- ☐ Учреждения общего и дополнительного образования
- ☐ Центры обучения за рубежом
- ☐ Центры бизнес-образования

Карьера

- ☐ Центры повышения квалификации и профподготовки на предприятиях

Обеспечение учебного процесса

- ☐ Научно – методическое, правовое и кадровое обеспечение образования
- ☐ Информационные технологии в образовании
- ☐ Учебная, методическая, справочная, деловая литература, пособия
- ☐ Оргтехника, канцтовары
- ☐ Учебное оборудование, мебель
- ☐ Одежда для учащихся

Ярмарка вакансий

При поддержке:

- Министерства общего и профессионального образования Свердловской области
- Министерства торговли, питания и услуг Свердловской области
- Управления образования Администрации г. Екатеринбурга
- Уральского отделения Российской академии образования
- Форума женщин УрФО

620072, Екатеринбург, ул.Высоцкого, 14
(343) 348-25-55, 347-45-05
jkovenko@kosk.ru, www.kosk.ru

ISSN 0134 - 241X

УРАЛЬСКИЙ СПЕДГОЛЫМ

www.uralstalker.com

СЛЕТ

ТУРИСТОВ - ЛЫЖНИКОВ

ПОД ФЛАГОМ

КОМАНДОРА БЕРИНГА

апрель
2010 (№634)

**ЛЕДОВЫЙ
ШТУРМ - 2010**

9 770134 241664 U 4010

Сергей СМОЛКИН

Фото : Вадима ОСИПОВА, Дмитрия ХЛОПУНОВА, Максима ФИРСОВА

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ – ТРИ СОСТЯЗАНИЯ

*В этом году все мероприятия,
проводимые редакцией журнала
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», приуро-
чиваются к 75-летию юбилею
со дня выхода первого номера
журнала «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»*

